

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

А. С. Скрипкин

**КОЧЕВНИКИ ЕВРАЗИИ
И ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ:
ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
(АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)**

Учебное пособие

В 2 частях

Часть I. Ранний железный век

Волгоград 2018

УДК 903'15(4/5):32

ББК 63.442.7(2)-6

C45

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Волгоградского государственного университета

Пособие подготовлено и издано в рамках Государственного задания
Министерства науки и высшего образования РФ, проект 33.2830.2017 / 4.6
«Юг России в эпоху раннего железного века:
диалог культур Восток – Запад»

Рецензенты:

д-р ист. наук, проф. Волгоградского государственного университета

М. А. Балабанова;

д-р ист. наук, проф. Южного федерального университета

А. В. Кияшко

Скрипкин, А. С.

C45 Кочевники Евразии и древние цивилизации: проблемы взаимодействия (актуальные проблемы исторического исследования) [Текст] : учеб. пособие. В 2 ч. Ч. I. Ранний железный век / А. С. Скрипкин ; Федер. гос. авт. образоват. учреждение высш. образования «Волгогр. гос. ун-т». – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2018. – 198 с.

ISBN 978-5-9669-1825-5 (ч. I)

ISBN 978-5-9669-1811-8

Данное пособие посвящено истории кочевых обществ евразийского степного пространства раннего железного века, их экономическому и социально-политическому развитию, а также разнообразным отношениям с соседними оседлыми, земледельческими народами. Обращается внимание на особенности социального и политического развития кочевых обществ, их роль в политической истории в каждом из рассматриваемых регионов.

УДК 903'15(4/5):32

ББК 63.442.7(2)-6

ISBN 978-5-9669-1825-5 (ч. I)

ISBN 978-5-9669-1811-8

© Скрипкин А. С., 2018

© ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», 2018

© Оформление. Издательство Волгоградского государственного университета, 2018

ТЕМА 1. ВВОДНАЯ ЛЕКЦИЯ

Вопросы:

1. Необходимость постановки спецкурса. Хронологические и территориальные рамки курса.
2. Определение понятия «кочевничество» и его основные признаки.
3. Причины и время зарождения номадизма.
4. Формы и типы скотоводства.
5. Роль кочевых обществ в истории человечества.

1. Необходимость постановки спецкурса. Хронологические и территориальные рамки курса

В историческом образовании в школах и даже в вузах изучению кочевых обществ уделяется крайне мало внимания. В отечественной истории кочевники обычно упоминаются как беспокойные соседи, с которыми русским княжествам, а затем и Русскому государству в течение нескольких веков пришлось вступать в сложные отношения, отстаивая свой суверенитет. В курсах Древнего мира о кочевниках сообщается в связи с историей каких-либо государств, будь-то Египет, государства Месопотамии, Китая или Рим.

В предлагаемом спецкурсе речь пойдет о кочевниках, которые обитали в евразийском степном пространстве, охватывающем гигантскую территорию от северных границ Китая на востоке до Венгрии на западе. Здесь в связи с определенными историческими и экологическими причинами сформировались общества, основой экономики которых являлось кочевое скотоводство. За более чем двухтысячелетний период своего существования кочевые общества евразийских степей выработали устойчивые формы взаимоотношений с оседлым населением, основой экономики которых являлось земледелие и ремесленное производство. Диапазон этих взаимоотношений был достаточно

широк, от длительного мирного сосуществования до затяжных военных конфликтов.

В отдельные периоды своей истории кочевники создавали крупные этнополитические объединения, оказывая существенное влияние на значимые исторические процессы. Они стояли у основания образования могущественных государств Древнего мира – Парфянского и Кушанского царств. Кочевникам удалось создать такие государственные образования, как Тюрский и Хазарский каганаты, Монгольская империя, распавшаяся впоследствии на ряд самостоятельных государственных образований. Кочевая по происхождению династия правила в Китае, дальним родством с монголами связаны основатели империи Великих Моголов в Индии.

В спецкурсе будут рассматриваться проблемы зарождения и развития кочевых обществ Евразии, их социальная структура и политическая организация, взаимоотношения с земледельческими обществами. Эти проблемы будут освещаться на примере таких кочевых обществ, как скифы, сарматы и хунну, относящихся к раннему железному веку. Таким образом, хронологические рамки курса будут охватывать период с первой половины I тыс. до н.э. по первые века н.э.

2. Определение понятия «кочевничество» и его основные признаки

В освещении тем курса мы будем пользоваться такими основными терминами, как: «кочевники» – используемый в русском языке, и «номады» – являющийся его международным синонимом. Эти понятия применимы к тем обществам, экономика которых базируется на кочевом скотоводстве. Поскольку есть кочевники-нескотоводы, это бродячие охотники-собиратели, например индейцы Америки, цыгане и др., есть и скотоводы-некочевники, к таковым относятся, например, ковбои Америки.

Целесообразно закрепление терминов «кочевники» и «номады» лишь за специализированными формами подвижного скотоводства. Остальные виды хозяйственной деятельности, связанные с подвижным образом жизни, следует именовать «бродячими».

Основные признаки кочевого скотоводства: 1) скотоводство является преобладающей формой хозяйственной деятельности; 2) экстенсивный характер хозяйства, основанный на круглогодичном востойловом содержании скота на подножном корму; 3) периодическая сезонная подвижность в пределах определенной пастбищной территории; 4) участие в перекочевках большей части населения (в отличие от отгонно-пастбищного скотоводства); 5) преобладание натуральных форм экономической деятельности. Известный специалист по изучению кочевников А.М. Хазанов в связи с этим писал: «Таким образом, с хозяйственной стороны кочевое скотоводство можно определить как особый вид производящей экономики, при котором преобладающим занятием является экстенсивное подножное скотоводство, а большая часть населения вовлечена в периодические перекочевки» (Хазанов, 2008, с. 61, 62).

3. Причины и время зарождения номадизма

Одним из вопросов общего кочевниковедения являются причины и время зарождения номадизма. Этот вопрос решается отдельно для каждого из районов, где номадизм как отрасль специализированной экономики получил распространение. Поскольку далее речь пойдет о евразийском степном пространстве, то этот вопрос следует рассматривать на материале указанного региона.

Возникновение кочевого скотоводства в евразийских степях — результат адаптации общества с производящей экономикой к экологическим условиям. Это явилось следствием синхронных действий различных факторов: естественно-географического, социально-экономического и конкретно-исторического. Одним из основных условий зарождения и развития номадизма в Евразии была соответствующая среда, в данном случае это степи, являющиеся аридной зоной, где занятие земледелием экономически было неэффективным. В распоряжении населения этой зоны должен быть соответствующий видовой состав стада, приспособленный к жизни в условиях степной экологии, а также наличие верховых животных и колесно-упряжного транспорта. Непременным условием для

организации кочевого хозяйства должна быть определенная степень имущественной дифференциации в среде конкретного общества с обозначенной частно-семейной собственностью на скот. Кроме перечисленного выше, хозяйственная деятельность кочевников продуктивно могла развиваться при наличии разделения труда между скотоводами и земледельцами.

Существовало мнение о скачкообразном появлении кочевничества на рубеже эпохи бронзы и раннего железа. Однако исследование этого процесса показывает, что все его слагаемые формировались постепенно в течение длительного времени, причем это не было постепенное накопление элементов, которые характеризуют кочевое скотоводство. Преобладание скотоводства над земледелием в отдельных районах евразийских степей наметилось еще в неолите. Уже в эпоху ранней бронзы в европейских степях были известны практически все основные виды домашних животных. Однако вплоть до конца эпохи бронзы здесь преобладали не чисто скотоводческие, а скотоводческо-земледельческие культуры. Хотя в отдельные периоды эпохи бронзы в зависимости от изменения климатических условий роль скотоводства значительно возрастала, например во время ямной и катакомбной культур, все же оно было скорее пастушеским, чем кочевым. Об этом, в частности, говорит отсутствие широкого использования верховых животных. Лошадь постепенно приобщалась человеком к верховой езде, но активно она стала использоваться в этом качестве только с эпохи поздней бронзы, о чем свидетельствуют частые находки псалий – деталей конской узды. Причем возрастание скотоводства в ранние и средние периоды эпохи бронзы не носило всеобщего характера, оно было локальным. Да и остеологический материал не дает подтверждения наличия кочевого скотоводства в эпоху бронзы, поскольку для памятников этого времени характерно преобладание крупного рогатого скота в стаде, в то время как в степных районах Евразии в эпоху раннего железного века в кочевом хозяйстве преобладал мелкий рогатый скот.

Начавшееся в эпоху поздней бронзы изменение климата в сторону засушливости достигло своего максимума к рубежу II–I тыс.

(Демкин, Борисов, Удальцов, 2010, с. 7–17). Считается, что с этого времени начинается массовый переход населения степей к кочевому скотоводству. Где-то этот процесс начался раньше, где-то позже, но в первые века I тыс. до н.э. практически все степное евразийское пространство заняли скотоводы-кочевники.

Определяющим в процессе становления номадизма в евразийских степях стал кризис комплексного хозяйства в эпоху поздней бронзы. Значительный рост населения основных культур позднего бронзового века – срубной и андроновской – привел к плотному заселению всего степного пространства, лесостепных и предгорных районов, освоению пустынь. Наступающая аридизация и уклон в сторону животноводства привели к поискам оптимального содержания скота – развитию отгонного скотоводства, в этот период происходит видовой отбор стада, а затем и кочевого. Как полагают исследователи, население срубной и андроновской культур активно использовали лошадей для верховой езды (Кузьмина, 2010). В освоении более засушливых районов степи и пустынь использовался двугорбый верблюд – бактриан, который был одомашнен в III тыс. до н.э. в Средней Азии. Основным животным в кочевом скотоводстве становится овца как наиболее приспособленный к этой форме хозяйства вид.

Развитие транспортных средств наряду с возможными заимствованиями на степном евразийском пространстве имело многовековую местную традицию, начиная от примитивных повозок, использовавшихся в эпоху ранней и средней бронзы. В позднем бронзовом веке появляются колесницы. Геродот, описывая быт скифов Северного Причерноморья, отмечал, что они передвигались в кибитках, запряженных волами (рис. 1). Этот способ передвижения в период перекочевок, судя по этнографическим материалам, например, калмыков и других народов, сохраняется у евразийских кочевников вплоть до Нового времени (рис. 2).

Таким образом, основные транспортные средства для кочевников были подготовлены еще в предшествующую эпоху и естественно использованы и развиты в раннем железном веке.

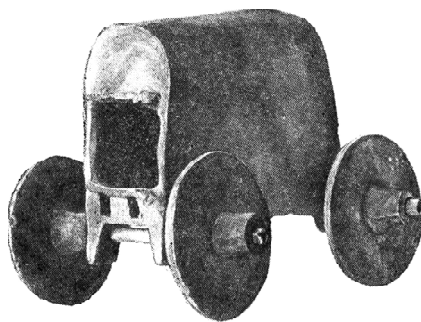

Рис. 1. Модель кибитки кочевников раннего железного века

Рис. 2. Юрта кочевников-скотоводов

4. Формы и типы скотоводства

Исследователи отмечают сложность в определении форм скотоводства и выборе критериев для процедуры их выделения. Достаточно полно эта проблема рассмотрена А.М. Хазановым, основным признаком для классификации форм скотоводства он предлагает ввести соотношение удельных весов скотоводства и земледелия в общем балансе производящего хозяйства традици-

онных обществ. По этому показателю он выделяет несколько форм скотоводства.

Кочевое скотоводство, характеризующееся отсутствием земледелия в качестве вспомогательного занятия.

Полукочевое скотоводство, в котором экстенсивное скотоводство играет преобладающую роль, а земледелие – вспомогательную.

Полуоседлое скотоводство, его отличительной чертой является преобладание земледелия над скотоводством. Эта форма скотоводства предполагает откочевки со скотом отдельных групп населения, но они менее продолжительны, чем у скотоводов-полукочевников.

Пастушеское или отгонно-пастбищное скотоводство, при этой форме население в своем большинстве живет оседло и занимается земледелием. Скот часть года содержится в загонах, что предполагает заготовку кормов. Выпасом скота занимаются специальные люди – пастухи.

Яйлажное скотоводство характерно для отдельных экологических зон с выпасом скота, например, летом на горных пастбищах, перегоняя его в зимнее время в долины (Хазанов, 2008, с. 62–69).

Здесь указаны основные формы скотоводства, каждая из них, в свою очередь, имеет различные варианты, обусловленные многими причинами экологического, этнического, историко-культурного порядка.

Кочевые общества известны на разных континентах земного шара, они не были одинаковыми, их различали составы основных разводимых ими видов животных, использование разных видов животных в качестве транспортных средств. Эти различия определяли многие другие аспекты культуры кочевников разных регионов. Выделяют несколько основных региональных типов номадизма:

1) **евразийский** – зона степей, полупустынь и пустынь умеренного пояса, протянувшаяся от Китая до Дуная (в составе стада преобладают овцы, имеется также крупный рогатый скот, основным верховым животным является лошадь, а транспортным – лошадь и крупный рогатый скот);

2) *ближневосточный* – территория Аравии, Северной Африки, Палестины, Сирии, Ирака (состав стада – верблюды, овцы, козы, основное верховое и транспортное животное – одногорбый верблюд дромедар, или дромадер (рис. 3);

3) *средневосточный* – по своему географическому положению занимает промежуточное положение между евразийским и ближневосточным типами (состав стада характеризуется преобладанием мелкого рогатого скота, значительный процент составляют козы, транспортные животные – верблюды и лошади, верблюды – как двугорбые бактрианы, так и дромедары (рис. 4);

4) *высокогорный внутреннеазиатский* – преимущественно Тибет (разведение яков, особой породы высокогорных овец, тягловое животное – як) (рис. 5);

5) *североазиатский* – зона полярных полупустынь и тундр (основной вид занятий оленеводство, тягловые животные – олень, собака) (Хазанов, 2008, с. 83–107).

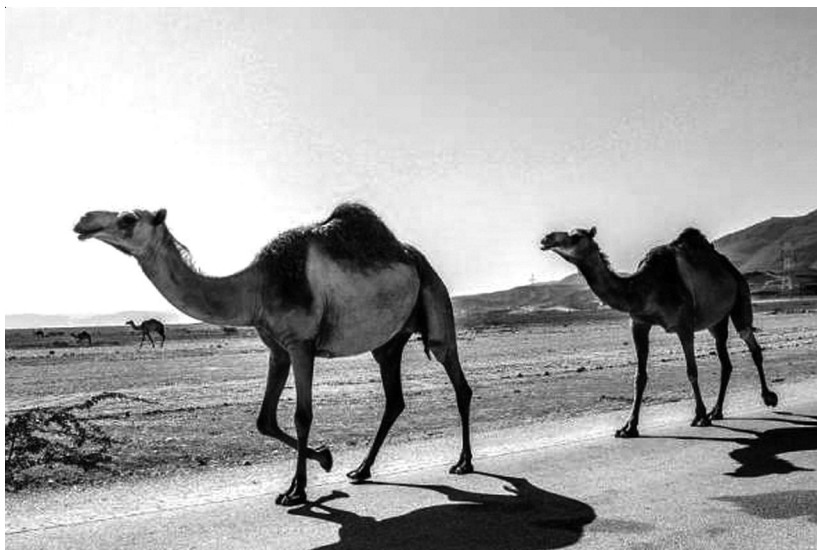

Рис. 3. Одногорбый верблюд (дромедар)

Рис. 4. Двугорбый верблюд (бактриан)

Рис. 5. Як

Ранее А.М. Хазанов выделял африканский тип скотоводства (сахельско-суданская зона), в котором основной состав разводи-

мых животных составлял крупный рогатый скот, а всадничество не получило широкого распространения. Позже он высказал сомнение в выделении этой зоны в самостоятельный тип скотоводства, мотивируя это большой вариативностью сочетаний признаков, используемых для определения типа скотоводства (Хазанов, 2008, с. 98–102).

Вообще, все типы скотоводства, выделенные по наиболее общим характерным признакам для того или иного региона, не являются абсолютно статичными, на самом деле картина выглядит более разнообразной. Между самими типами существуют промежуточные варианты. Верблюды (бактриан), например, использовались и народами евразийских степей, но он не был основным тягловым животным, тем более верховым. Лошадь была известна ближневосточному типу скотоводства, не являясь основным тягловым и верховым животным. В рамках одного типа могут быть выделены подтипы в связи с экологическими условиями отдельных микрорегионов и многими другими причинами.

Характеризуя кочевое скотоводство, следует отметить следующую особенность. Несмотря на то что верховые животные у кочевников обычно в количественном отношении уступали стадным животным (мелкому и крупному рогатому скоту), они играли важную роль в политической жизни кочевников, что в немалой степени оказывало влияние на их экономическое благосостояние. Преобладание кочевников над земледельцами во многом определялось наличием у них выносливых верховых животных, таких как лошадь или одногорбый верблюд. Лошадь в военном деле активно использовалась кочевниками евразийских степей, а одногорбый верблюд – кочевниками Северной Африки и Передней Азии. Именно в этих районах кочевники в течение длительного времени являлись серьезной военно-политической силой. Лошадь, например, была известна населению как Северной Африки, так и Передней Азии, но верблюд-дромадер был наиболее приспособлен к засушливым пустынным условиям этих регионов. Такое качество способствовало широкому его использованию как верхового и тяглового животного.

У кочевников верховые и тягловые животные всегда ценились очень высоко. В Монголии одна лошадь стоила 7–10 овец или 10–14 коз, верблюд оценивался в два раза дороже, чем лошадь. В Туве за лошадь давали 10 овец или 20 коз.

В конце I в. н.э. одна из группировок хунну перешла на сторону Китая и пригнала с собой 100 тыс. голов овец и 20 тыс. лошадей. Стоимость табуна лошадей оценивалась в два раза выше стоимости стада овец; таким образом, за 1 лошадь давали 10 овец.

Лошадь кочевниками использовалась не только как верховое и транспортное средство или в военных целях, но и как животное, способное к тебеневке. Лошадь зимой облегчала доступ к кормам другим животным, разбивая снежный наст копытами. Кроме того, лошадь обеспечивала кочевников пищей, из кожи животного изготавливали детали одежды. Один казахский хан говорил: «Мы – жители степи; у нас нет ни редких, ни дорогих вещей, ни товаров, главное наше богатство состоит в лошадях...» (Хазанов, 2008, с. 88).

Евразийская степь на всем своем протяжении от Монголии до Венгрии была неоднородной, она различалась особенностями ландшафта, климатическим режимом, наличием водных ресурсов. Ее населяли различные этносы. Все это влияло на вариации кочевого скотоводства. В пределах рассматриваемой территории были известны практически все основные формы кочеваний:

1. Кочует все население, не имея стабильных маршрутов, нигде подолгу не задерживаясь. Это экстраординарный случай, известный лишь при переселениях и освоении новых территорий, завоеваниях.

2. Все население круглогодично кочует по определенным меридиональным или круговым маршрутам, которые могут изменяться. Это было характерно в большей степени для наиболее засушливых и бесснежных районов Монголии, отдельных районов Казахстана.

3. Все население кочует по стабильным маршрутам, имея постоянные зимники. Земледелие отсутствует. Наиболее характерно для сарматов.

4. Большая часть населения кочует весной, летом, осенью, возвращаясь зимой к постоянным жилищам. Как подсобный вид хозяйства практикуется земледелие. Характерно, например, для ряда обществ степных районов Северного Кавказа, отдельных групп скотоводческого населения Средней Азии.

5. Часть населения кочует, другая живет оседло, занимаясь земледелием. Это полукочевые общества, но скотоводство у них играет главную роль. Таковыми были, например, скифы Причерноморья, половцы, имевшие постоянные поселения.

Пожалуй, три последние формы кочевания были наиболее характерными для евразийского степного пространства. Причем следует иметь в виду, что эти формы не всегда присущи только какому-то одному народу. Например, скифы в своей истории прошли через все формы кочевания, начиная от завоевания Северного Причерноморья.

Евразийские степи в своей истории знали периоды усиления и ослабления процессов кочевания. Их интенсивность зависела от конкретной исторической ситуации. Так, к концу скифской эпохи проявилась тенденция к оседлости. Имущественная дифференциация приводила к оседанию населения, потерявшему свой скот. Эта тенденция в скифском обществе была прервана сарматским завоеванием Скифии. Затем ситуация повторилась с вторжением в Европу гуннов. В Хазарском каганате также стала проявляться тенденция к оседлости, она была прервана печенегами и огузами. В XIII в. хозяйство половцев стало приобретать полуоседлые черты, этот процесс был прерван монгольским завоеванием.

С.А. Плетнева выявила эпохальные модели, или стадии, во временной ретроспективе в развитии кочевничества, которые может пройти одно общество.

Первая стадия характерна для миграций и нашествий, характерной ее чертой является активное передвижение, общественно-политическая организация – военная демократия, общность рыхлая, многоэтническая и многоязыковая, в религии преобладание шаманизма и культа предков. Для этой стадии кочевания характерно отсутствие стабильных археологических памятников. При-

мерами данной модели могут быть завоевание сарматами Скифии, гуннское нашествие.

Вторая стадия характеризуется полукочевой формой ведения хозяйства, периодическими набегами на соседей, распадом родового строя и военной демократии, становлением раннеклассового общества, формированием государственных образований, этнической общности и общего языка, появлением первых черт этнографической культуры, в религии – выраженным культом вождей и всадников, связанных с космогонией. Археологические памятники этой стадии представлены могильниками без устойчивых поселений, наличием следов сезонных стойбищ (зимников). Примерами этой стадии могут быть гуннское объединение времени Агтилы, Великая Болгария в Приазовье времени хана Кубрата; половцы.

Третья стадия кочевания характеризуется полуоседлостью, ведением войн за политическое господство, утверждением феодальных отношений, появлением государства и устойчивой этнической общности с единым языком, превращающейся в народ, формированием развитой культуры и появлением письменности, развитием торговли и городов, принятием мировых религий. Археологические памятники такие же, как и оставленные оседлыми земледельческими народами. В качестве примера можно привести Хазарский каганат, Золотую Орду (Плетнева, 1982).

В настоящее время номадизм как экономический уклад, доминирующий на обширных территориях степной Евразии, практически прекратил свое существование. Он затухал постепенно. Одной из причин явилось расширение территорий государств, основой хозяйства которых было земледелие. Например, Русское государство постепенно захватывало степные территории. При Иване Грозном были присоединены Казанское и Астраханское ханства. В степи стали создаваться города, сначала как военные остроги, а затем превращающиеся в ремесленные и торговые центры. Урезание кочевых пастбищ спровоцировало, например, уход значительной части калмыков в 1771 г. с Нижнего Поволжья в Джунгарию. С появлением огнестрельного оружия и развитием военной науки инициатива перешла к государствам с оседло-земледельческим хозяй-

ством. Все это привело к деградации кочевого скотоводческого уклада, его затухание происходило не одинаково на степном евразийском пространстве. Отдельные калмыцкие семьи, например, продолжали кочевать до начала коллективизации, до 30-х гг. прошлого века. В Монголии этот уклад сохраняется вплоть до настоящего времени (Гомбожапов, 2017, с. 27–36).

5. Роль кочевых обществ в истории человечества

Образование специализированного кочевого скотоводческого хозяйства способствовало развитию экономических отношений между степью и земледельческими цивилизациями. Принято считать, что в контактах кочевников и земледельцев больше заинтересованы кочевники. Земледельцы способны обеспечить себя всем необходимым, а кочевники нуждаются в продуктах земледелия и ремесла. В принципе, это действительно так. Тем не менее при специализации хозяйства и земледельцы были заинтересованы в приобретении продуктов скотоводства. Возникла приграничная торговля, появлялись торговые пункты смешанного кочевническо-земледельческого характера. Так, город Танаис, являющийся колонией Боспорского царства, по данным географа Страбона длительное время был местом торговли варваров и греков. Кроме продуктов скотоводства, кочевники поставляли на рынки военнопленных, обеспечивая рабовладельческий уклад древних государств. Во многих случаях кочевники способствовали установлению торговых путей, проходящих по степным пространствам. В этом отношении показательно функционирование Великого шелкового пути с его северным ответвлением.

Кочевники являлись трансляторами культурных достижений разных народов, зачастую живущих на больших расстояниях друг от друга. Так, например, в последние века до новой эры и первые века новой эры мировой культурный прогресс определяли две цивилизации – на западе античная, на востоке китайская (ханьская), которые длительное время не могли установить между собой контакт. Благодаря кочевникам, в начале новой эры изделия китайских ремесленников достигают Поволжья, Кубани, Дона и Север-

ного Причерноморья (бронзовые зеркала, лаковые шкатулки, шелковые ткани). Одним из интересных примеров распространения кочевниками культурных новаций на дальние расстояния являются так называемые мечи с кольцевым навершием. Этот тип клинкового оружия возникает в раннескифское время у народов Центральной Азии, соседствующих с Китаем, а в первые века новой эры при посредстве кочевников этот тип меча используют народы Центральной Европы (Скрипкин, 2005, с. 171–185). Благодаря кочевникам, в первые века новой эры в степях Восточной Европы распространяются изделия, выполненные в так называемом полихромном стиле, истоки которого восходят к культурным традициям восточных центров. В свою очередь, изделия античных производственных центров продвигались далеко на восток по степному коридору.

Цивилизованный древний мир многое заимствовал в организации военного дела у кочевников. Это в первую очередь тактика конного боя. На Востоке, в том числе и у кочевников, появилась тяжеловооруженная конница (катафрактариИ), с которой приходилось иметь дело римским легионерам. Вероятно, катафрактариИ следует считать предшественниками средневековых рыцарей.

Влияние кочевников сказывалось и в искусстве других народов. Так, распространенный у кочевников звериный стиль в изобразительном искусстве оказывал влияние на античных мастеров, и не только ювелиров, но и скульпторов, и архитекторов. Популярная в Древней Греции амазонская мифология во многом подпитывалась образом жизни и характером общественных отношений кочевников.

Также следует учитывать участие кочевников в формировании ряда современных народов.

ТЕМА 2. ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КОЧЕВЫХ ОБЩЕСТВ

Вопросы:

1. Специфика кочевого хозяйства и трудовые ресурсы.
2. Вождества и их структура. Кочевые империи.
3. Адаптация к экономическим, социальным и культурным условиям внешнего мира.
4. Условия возникновения государства у кочевников.

1. Специфика кочевого хозяйства и трудовые ресурсы

Обычно считается, что развитие социально-экономических отношений, политической организации в кочевых обществах шло достаточно медленными темпами и при отсутствии каких-либо внешних факторов в течение длительного времени они сохраняли родоплеменные традиции. Общественные отношения у кочевников раннего железного века мало чем отличались от отношений кочевников Средневековья и даже Нового времени. Это прослеживается по целому ряду параметров, например, у сарматов, половцев, печенегов, калмыков и казахов, в разное время занимавших близкие экологические ниши.

Такая ситуация объясняется характером производящего хозяйства, каким является кочевое скотоводство, которое не требует значительных людских ресурсов. Хозяйство у кочевников, как правило, вела одна семья, состоящая из двух или трех поколений. Главой в семье был старший мужчина, значительными полномочиями пользовалась и старейшая женщина, преимущественно в отношении организации и ведения домашнего хозяйства. Со смертью или болезнью старших главенство в семье переходило к старшему сыну, в домашнем хозяйстве – к его жене. Многие важные вопросы обсуждались всеми взрослыми в семье. Выделение но-

вых семей происходило между двоюродными братьями с выдачей им скота и части вещевого имущества. Такие семьи также разрастались до нескольких поколений. Семьи, связанные кровным родством, составляли объединения следующего ранга – айлы. Айлы группировались в племена. Между семьей и племенем могло быть и большее количество подразделений. Например, у казахов самым крупным подразделением была орда – жуз. Жузы распадались на племена, племена на роды, роды на аулы-аймики, которые состояли из семей.

Каждое из подразделений возглавлялось знатью, функциями которой было распределение пастбищ, организация военных акций, разбирательство спорных вопросов. В кочевом обществе присутствует один из очевидных факторов, влияющий на имущественное и социальное неравенство, – это частная собственность на скот. Знать обладала большим количеством скота, содержание которого как повинность выполнялась рядовыми кочевниками или зависимым населением. Таким образом, потребность в рабочей силе могла удовлетворяться за счет бедных соплеменников. Но это явление не носило массового характера, тем более не представляло собой необратимый процесс, влекущей за собой серьезные сдвиги в социальной организации кочевого общества. Дело в том, что обеднение масс кочевников и превращение их в зависимое население серьезно влияло на внутреннюю консолидацию всего кочевого общества и тем самым подрывало основы его доминирования во внешнем мире.

Кочевые общества знали рабство. Из источников известно, что рабы были у ранних кочевников, например скифов, таковыми могли быть военнопленные. Но в отличие от земледельческих обществ занятость их в кочевом скотоводстве была весьма ограниченной, поскольку рабский труд в этом производстве не создавал какого-либо экономического эффекта. В условиях кочевого скотоводства сложно было создать какие-то специальные условия для содержания рабов. Использование рабов в качестве пастухов требовало относительной их свободы и необходимости их вооружения для охраны скота. Рабы могли использоваться кочевой знатью в качестве прислуги или охранников. Здесь напра-

шивается пример с теми же скифами: их предводителей в мирной сопровождали зависимые лица. В отдельных случаях военнопленные, ремесленники или земледельцы кочевниками могли размещаться в специальных поселениях и работать на их нужды, как поступали хунну с захваченными в плен китайцами. Количество зависимого населения у кочевников было небольшим, поскольку им было нечем заниматься в отличие от земледельческих обществ. Характер экономики кочевников и ограниченность занятости в ней населения не способствовали созданию сложных управленческих структур.

2. Вождества и их структура. Кочевые империи

Традиционно предгосударственные общества в нашей отечественной исторической науке относили к военно-демократическим. Термин «военная демократия» был введен Льюисом Морганом для обозначения древнегреческого общества на стадии разложения первобытного общества. К. Маркс и Ф. Энгельс придали данному понятию универсально-историческое значение. Эту идею восприняли советские историки, период военной демократии рассматривался ими как завершение развития первобытно-родового строя и переход от родового общества к государству. Важными факторами при этом являлись: процесс классовообразования, становление отделенной от народа власти, войны за захват чужих богатств, возрастание роли военных предводителей и военных дружин. Данный период характеризуется также повсеместным образованием союзов племен, в которых главенствующее положение, опираясь на дружину, занимают военные вожди. Еще сохраняются институты родовой демократии, которые претерпевают существенные изменения. Советы старейшин превращаются в советы знати при вожде, роль народных собраний падает, основными участниками в них являются воины. Считалось, что для указанного периода была характерна постепенная трансформация родовых отношений в государственные институты. Классическими примерами обществ, находящихся на стадии военной демократии, были греки гомеровского времени, римляне царского периода, кельты, германцы, норманны.

В марксистской и советской литературе период военной демократии рассматривался как эволюционный процесс постепенного перерастания родовых институтов в государственные. Это касалось власти вождя, народных собраний, советов старейшин. Однако не во всех обществах изменение властных функций происходило эволюционно. Создание новых этнополитических общностей могло происходить в результате подчинений, завоеваний, когда родовые демократические институты уничтожались. Но у большинства народов в этот период была ярко выражена власть вождя, верховного правителя, опирающегося на войско.

В настоящее время термин «военная демократия» может употребляться избирательно, применительно к тем обществам, где ее признаки очевидно просматриваются. Сейчас широко употребляется более универсальный термин – «вождество», используемый в англоязычной литературе (англ. *chieftdom*). В отечественную науку этот термин с конца 70-х гг. прошлого века был введен А.М. Хазановым.

Для вождества как социополитической организации наиболее характерными признаками являются следующие: наличие иерархической системы; начавшийся процесс выделения элиты в замкнутое сословие; одной из важных функций вождя являлось перераспределение прибавочного продукта, так называемая редистрибуция, осуществлявшаяся по вертикали; отсутствие легитимного права на применение силы властью по отношению к населению вождества; наличие общей идеологии и культов; сакрализованный характер верховной власти вождя.

Изучение развития общественных отношений у кочевников выявило несколько степеней их политической организации: простые, сложные и суперсложные вождества.

Простые вождества включали несколько близкородственных коллективов. Одним из их признаков является гомогенность, численность их могла составлять несколько тысяч человек.

Сложные вождества включали несколько простых вождеств, численность их населения достигала порядка нескольких десятков тысяч человек. Это, видимо, сарматские подразделения, половецкие орды Средневековья.

Суперсложные общества – полиэтничные и могут состоять из нескольких сотен тысяч человек. За суперсложными вождествами закрепилось название «кочевых империй». Одним из важных признаков суперсложного вождества является появление наместничества, в обязанности которого входило осуществление контроля за отдельными районами, входившими в состав вождества (Бондаренко, Коротяев, Крадин, 2002, с. 11–16). Классическим примером такого суперсложного вождества в рассматриваемое время является кочевая империя хунну.

3. Адаптация к экономическим, социальным и культурным условиям внешнего мира

Термин «адаптация» латинского происхождения, обозначающий приспособление. Речь идет о приспособлении кочевых обществ к условиям окружающего мира, в первую очередь установлении отношений с оседлым земледельческим населением. Что касается кочевников евразийского степного пространства, то способы их адаптации к внешнему миру были различными, они определялись многими факторами – географического, экологического, политического и временного характера.

Кочевники древности и Средневековья в социально-экономическом развитии отставали от земледельческих цивилизаций, но во многих случаях превосходили их в военном отношении, их отличала мобильность, родоплеменная сплоченность, продуманное использование маневренной конницы. Это превосходство длилось в течение многих веков, вплоть до Нового времени, когда в государствах стали появляться регулярные войска, вооруженные огнестрельным оружием (рис. 6).

Приспособление кочевников к реальным условиям внешнего мира влияло на уровень их консолидации и в конечном случае на характер их социально-политической организации. Эта проблема достаточно хорошо иллюстрируется на примере истории хунну. Образование кочевой империи хунну – это показательный пример адаптации кочевников к историческим, экономическим, социальным и культурным условиям, сложившимся в определенный период в

данном центральноазиатском регионе. Хунну, северные соседи Китая, в период его раздробленности на ряд царств (V–III вв. до н.э.) не представляли собой какого-либо крупного кочевого общества. В 221 г. до н.э. происходит объединение Китая под властью циньского правителя Цинь Шихуанди. Китай на многие века превращается в централизованную империю с правлением сначала Циньской, а затем Ханьской династии. Образование крупного сообщества кочевников во главе с хунну происходит вслед за объединением Китая как реакция на это событие. Если раньше в период раздробленности с различными царствами Китая отдельные группировки кочевников успешно решали свои проблемы, то после объединения Китая это стало делать сложнее, и хунну пришлось адаптироваться к новым условиям и объединять свои силы.

Рис. 6. Конные воины кочевников

Этот пример обычно приводится при формулировании закономерности, связанной с централизацией кочевников. Степень

данного процесса прямо пропорциональна величине соседней земледельческой цивилизации.

Кочевники существовали в основном за счет двух источников доходов: внутреннего – собственного скотоводческого хозяйства, внешнего, получаемого в результате набегов на соседей и захвата необходимых ресурсов; временной или постоянной дани с подчиненных или в разной степени зависимых от них народов, в некоторых случаях контроля за торговыми путями.

Из других способов добычи средств для удовлетворения своих нужд, которые могли использовать кочевники, следует отметить случаи установления протектората над своими соседями, гарантируя их безопасность и получая плату за оказанную услугу. Такие случаи известны из истории взаимоотношений сарматов с античными колониями Северного Причерноморья.

Кочевники могли выступать за определенные вознаграждения в качестве наемников, о чем сообщают античные авторы К. Тацит, Страбон, в отношении сарматов.

Во времена Римской империи в ряде случаев кочевники выступали в качестве федератов. Эта практика культивировалась Римом в приграничных районах империи, например в Подунавье. Кочевники поступали на военную службу к римлянам, охраняя границы империи, получая за это жалованье.

В своих отношениях с земледельческими обществами кочевники, как правило, не стремились к их уничтожению, они удовлетворялись данью или подарками, которые являлись завуалированной той же данью. С одной стороны, территории, занимаемые земледельцами, не были пригодны к ведению традиционного кочевого хозяйства, с другой – уничтожение земледельческих обществ лишало бы кочевников постоянного поступления необходимых им продуктов земледелия и предметов ремесленного производства.

Необходимость постоянного поступления основного прибавочного продукта со стороны обеспечивала прочность центральной власти и всего объединения кочевников в целом. Удачливый вождь, обладающий важной функцией распределения поступающего со стороны продукта, имел в своих руках важный рычаг управления всем объединением кочевников.

Особенности отношений кочевников и земледельческих обществ хорошо иллюстрируются характером взаимоотношений хунну с Китаем в течение ряда веков, которые относительно полно освещены китайскими источниками. Все это время характеризуется неисчислимым количеством набегов хунну на территорию Китая. Все они происходили по одному и тому же сценарию. Набег завершался заключением мирного договора, по которому Китай должен был откупиться от нападающих, после чего хунну возвращались восвояси. Зачастую такая ситуация администрацию Китая устраивала, поскольку расходы на войну с хунну могли быть значительно большими.

Золотоордынские правители на подчиненные народы, в том числе и русские княжества, территориально не входившие в состав Орды, наложили дань, которая собиралась регулярно. В Золотой Орде появился специальный институт баскачества, занимавшийся сбором дани. Карательные акции совершались в случае нарушения договоров или невыплаты дани.

Здесь названы далеко не все способы адаптации кочевников к внешнему миру, их гораздо больше, они обусловлены множеством причин в каждый конкретный период и на определенной территории (Хазанов, 2008, с. 224–249).

4. Условия возникновения государства у кочевников

В настоящее время имеется большое количество исследований, посвященных политической организации кочевых обществ (А.М. Хазанов, Н.Н. Крадин, Т. Барфилд, Р. Адамс, К. Ренфрю и др.), сформулирован ряд общепринятых положений относительно рассматриваемой проблемы.

Они сводятся к следующему. Потребность в государстве не была внутренне необходима кочевникам. Занятость зависимого труда в кочевом скотоводстве минимальна, она не требует создания специальных институтов для его организации. Образование государственных структур у кочевников вызывается внешними причинами: подчинением и удержанием в зависимости других народов, особенно оседлых; нахождением в постоянных враждеб-

ных отношениях со своими соседями, которыми могли быть и другие кочевые образования. Эти причины требуют повышенной централизации кочевых обществ. Такие централизованные кочевые общества внешне выступают как государства по отношению к другим народам, в них имеются властные правители, четкая иерархия обычно по военному принципу. Внутренние же отношения в таких обществах определяются родовыми традициями. Крупные объединения, называемые кочевыми империями, имели автократический и государственный вид со стороны, но оставались коллективистскими и племенными внутри.

Чтобы возникло государство у кочевников, численность завоеванного населения должна быть достаточно большой, это способствует усилению их корпоративной консолидации. Чем сильнее объект экспансии, тем выше требования к централизации и сплоченности номадов. Общества завоевателей и завоеванных должны быть в какой-то мере социально дифференцированными. При завоевании одного эгалитарного общества другим – государство не возникнет. Чаще государственные структуры у кочевников образуются при захвате уже существующих государств, как, например, завоевание монголами Китая.

При завоеваниях этнические различия превращаются в социальные. Кочевая аристократия преобразуется в господствующий класс по отношению к завоеванным и привилегированным сословиям, по отношению к рядовым кочевникам.

Для евразийского степного региона А.М. Хазанов выделял два типа государств, образованных кочевниками. Государства первого типа оформляются при подчинении кочевниками других народов, причем кочевники не занимают их территорию. Они взимают дань, зачастую сохраняя местную управленческую структуру. По разным причинам и предложениям, а также для устрашения кочевники могли совершать набеги на зависимые территории. Примером таких государственных образований являлась Монгольская империя, созданная Чингисханом, до ее распада. К этому же типу государства относилась Золотая Орда.

Примерами государства второго типа могут быть Парфия, основанная Аршакидами, выходцами из кочевой среды, а также

завоеванный монголами Китай. Главным признаком этого типа государства является переселение завоевателей на территорию завоеванного ими уже существующего государства. Монголы основали свою правящую династию Юань, но в значительной мере сохранили старый управленческий аппарат. В государстве этого типа усложняются социальные отношения как между завоевателями и завоеванными, так и между самими завоевателями. Так, например, во многом стали расходиться интересы отдельных групп монгольской знати. Особого обострения достигли противоречия между монголами, которые переселились в Китай, и теми, кто остался в степи.

Следует отметить, что оба типа государств, образованных кочевниками, в значительной мере деформируют традиционный уклад их создателей, основанный на кочевом скотоводстве. Один мудрый китайский чиновник Елюй Чуцай, находившийся на службе у монгол, справедливо заявил, что империю можно создать сидя на коне, но управлять ею сидя на коне не возможно. В этих государствах существенную роль начинают играть города, которые не совместимы с традиционным укладом кочевых обществ. Они являются центрами политической, экономической и культурной жизни, что оказывает существенное влияние на экономические и социальные отношения кочевников. В их среде происходит усиление имущественной дифференциации, что приводит к усилению процессов седентаризации.

Таким образом, государство у кочевников появляется только в результате завоевания и подчинения других народов, что рождает много самых разнообразных противоречий, возникающих, в том числе, и на этнической почве, что не способствовало долговечности таких государственных образований.

А.М. Хазанов, основываясь на анализе многих кочевых обществ, пришел к следующему выводу о развитии у них государственности: «Для того, чтобы перешагнуть рубеж, отделяющий ранние государства от более развитых, кочевое общество должно было быть интегрированным (по крайней мере, частично) в единую социально-экономическую и политическую систему с оседлым. В результате кочевое государство превращалось в го-

сударство, созданное кочевниками, но покоившееся на земледельческой и городской основе» (Хазанов, 2008, с. 179, 280).

В конце 80-х – 90-е гг. прошлого века среди отечественных исследователей остро дискутировался вопрос о кочевой цивилизации. В данном случае речь шла о возможном достижении кочевниками порога цивилизации как особо высокого уровня развития их социально-экономических отношений и культуры. Вопрос касался не какой-то особой цивилизации кочевников среди множества других, а цивилизации как высшего этапа в развитии человечества, в том понимании, которое было предложено еще шотландским мыслителем XVIII в. А. Фергюсоном, выделившим три таких последовательных этапа: дикость, варварство и цивилизацию. Иногда термин «цивилизация» связывается с каким-то одним важным культурным признаком: «цивилизация бронзы», «цивилизация каменного топора». Здесь термин «цивилизация» используется в том значении, которое заключено в его названии (цивилизация – от лат. *civilis* – гражданский, государственный). Гражданство – это устойчивая политическая и правовая связь государства и человека. Порог цивилизации, таким образом, совпадает со становлением государства

В определении признаков цивилизации широкую известность получили критерии английского исследователя Г. Чайльда (1892–1957). Они сводились к следующему: 1) появление городских центров; 2) появление письменности и математических знаний; 3) возникновение категорий людей, не занятых производством пищи (ремесленники, торговцы, жрецы, чиновники и др.) и живущих в городах; 4) сооружение монументальных культовых, дворцовых и общественных зданий; 5) развитие изысканного художественного стиля; 6) появление значительного прибавочного продукта, изымаемого элитой; 7) появление торговли на дальние расстояния; 8) взимание налогов; 9) обособление правящих групп, наличие очевидной социальной стратификации; 10) образование государства.

Впоследствии список признаков цивилизации неоднократно уточнялся. Например, отечественный исследователь В.М. Массон считал, что критерием цивилизации должны выступать всего три признака – «триада»: город, монументальная архитектура и

письменность. Однако в этом случае происходит не сокращение признаков, а их укрупнение за счет объединения, поскольку наличие города и монументальной архитектуры, а также письменности предполагает существование социально стратифицированного общества, развитых товарно-денежных отношений и необходимых государственных структур.

Идею кочевой цивилизации отстаивал А.И. Мартынов. Он считал, что археологическим свидетельством отнесения кочевых обществ к стадии цивилизации являются элитарные, монументальные погребения кочевой знати, сооружение которых потребовало колоссальных затрат, что свидетельствует о значительной социальной стратификации кочевого общества, сильной единоличной власти и высокой культуре данного народа (Мартынов, 1989, с. 284–292). А.И. Мартынов считал, что кочевники Южной Сибири в середине I тыс. до н.э. создали особую «степную цивилизацию». Однако кочевники Южной Сибири, носители тагарской, пазырыкской археологических культур, не набирают необходимого количества признаков, таких как наличие городов, письменности, государства, чтобы перешагнуть цивилизационный порог.

Классические кочевые общества, основывающиеся на традиционном кочевом скотоводстве, остаются за пределами цивилизации как общего периода в истории человечества. Цивилизационные признаки кочевых общества начинают приобретать, когда они образуют относительно устойчивые государственные образования, тем самым втягиваясь в общий цивилизационный процесс развития.

В процессе достижения цивилизационного порога кочевые общества начинают терять свои характерные черты. При переходе на уровень цивилизации значительная часть кочевников перестает вести кочевой образ жизни, оседает на землю, переходит к другим формам хозяйства.

ТЕМА 3. СКИФЫ

Вопросы:

1. Характеристика источников.
2. Происхождение скифов.
3. Внешнеполитические отношения скифов.
4. Социально-политическая организация скифского общества.
5. Проблема скифской государственности.
6. Гибель Скифии.

1. Характеристика источников

В этой лекции речь пойдет о скифах Северного Причерноморья. Я специально подчеркиваю это, поскольку в античной литературе этноним «скифы» часто использовался в довольно широком значении, распространяясь на значительную часть кочевого населения раннего железного века евразийского степного пространства.

Всякое историческое знание основывается на документальных данных, которые принято называть историческими источниками. В изучении истории скифов используются два основных типа источников: письменные и археологические.

Письменные источники. Что касается этого типа источников, то приоритет здесь принадлежит сочинениям греко-латинских авторов. Первые сведения о скифах мы находим в древнегреческих трудах, поскольку их владения непосредственно соприкасались с греческими колониями на Черном море. Интерес сначала греческих, а затем и римских авторов к народам, населявшим степи Юго-Восточной Европы, обычно был связан с какими-нибудь крупными событиями, к которым оказывались причастными эти народы и которые были значимы для самого античного мира. Эти события, как правило, находили своего автора или авторов, в сочинениях которых появлялась новая информация касательно аборигенного населения этих

мест. Так, первое обстоятельное описание Северного Причерноморья и сопредельных территорий принадлежит Геродоту, жившему в V в. до н.э., его еще в античное время называли «отцом истории».

Труд Геродота был посвящен греко-персидским войнам, охватившим всю первую половину V в. до н.э. Описание народов Северного Причерноморья и соседних с ними территорий в его «Истории» дается в связи с походом персидского царя Дария I против скифов. Поскольку это событие вписывалось в общий контекст греко-персидского противостояния, оно не осталось без внимания Геродота. Благодаря этому впервые появилось относительно пространное описание жизни и быта скифов, а также некоторые сведения об их соседях.

Четвертая книга «Истории» Геродота получила название «Скифский логос», поскольку в большинстве своем посвящена скифам. В этой части своего труда автор освещает вопросы происхождения скифов, их быт и культуру, особенности этнографии Скифии, военные действия скифов в отражении персидской агрессии. Труд Геродота был очень популярен, и последующие авторы часто использовали его в своих сочинениях.

В последующее время интерес к народам Восточной Европы в греческой исторической литературе надолго падает. Это в первую очередь было вызвано тем, что после Греко-персидской войны в самой Греции начались затяжные междоусобные конфликты. Борьба за гегемонию в греческом мире сначала между Спартой и Афинами привела к войне, получившей название Пелопоннесской (431–404 гг. до н.э). Подключение к этому противостоянию Беотийского союза дестабилизировало ситуацию в Греции вплоть до середины IV в. до н.э. Для греческой истории это были наиболее важные события. И не случайно, что два выдающихся труда в древнегреческой историографии – «История» Фукидида и «Греческая история» Ксенофонта – были посвящены именно этим внутренним греческим событиям. Новая информация о восточноевропейских народах в послегеродотово время была весьма фрагментарной, довольно часто авторы повторяли сведения, восходящие к Геродоту.

Заслуживает внимания сочинение Эфора, автора IV в. до н.э., «Всеобщая история», посвященное истории Греции (в 30 кн.). В этом произведении много места было уделено другим народам, в том числе и скифам, их нравам и обычаям. К сожалению, труд Эфора не сохранился, известны только его фрагменты из сочинений более поздних авторов. По мнению исследователей, Эфор идеализировал общественные отношения в скифском обществе.

Интересные сведения о быте скифов содержатся в одном из трактатов, приписываемых младшему современнику Геродота – Гиппократу (*О воздухе, водах и местностях*, 25–30).

Античные география и история значительно пополнили свои сведения с момента возвышения Македонии и особенно восточного похода Александра Македонского. Известный географ Страбон по этому случаю отмечал: «...много знаний дал этот поход, как говорит Эратосфен: он открыл нам большую часть Азии и весь север Европы до Истра» (*География*, I, II, 1).

Оригинальные сведения о скифах приведены у Диодора Сицилийского, автора I в. до н.э., в его фундаментальном труде «*Bibliotheca Historia*», состоящем из 40 книг. Во второй книге содержатся сведения о ранней истории скифов, об освоении скифами огромной территории от Средней Азии до Фракии и распространении своего владычества до Египта. В этом фрагменте о скифах Диодор использовал, видимо, сведения, не зависящие от Геродота (*Библиотека*, II, 43).

Различные сведения о народах Северного Причерноморья содержатся в труде Страбона «*География*», завершеном им в начале I в. н.э. Данные этого автора представляют особый интерес в изучении поздней истории скифов. Кроме того, Страбон, зачастую со ссылками на своих предшественников, приводит ценные сведения о более ранних событиях в истории скифов и их соседей.

Несмотря на постепенное увеличение информации о народах Восточной Европы в сочинениях античных авторов, она не отличалась систематичностью и являлась весьма фрагментарной. Только лишь отдельные их труды, имеющие непосредствен-

но отношение к нашей теме, сохранились практически полностью или в значительной своей части. К ним, в частности, относятся уже упоминавшиеся «История» Геродота и «География» Страбона.

При использовании сведений античных авторов в исторических реконструкциях часто возникают трудности, например, с локализацией как топонимических, так и этнонимических названий, в определении времени описываемых событий и пр.

Использование сочинений древних авторов в исторических реконструкциях требует их профессиональной критики, сводящейся к установлению степени подлинности содержащейся в них информации. К образцу таких работ следует отнести первую главу книги «Скифия и Боспор» блестящего специалиста в области античной истории и филологии, эпиграфики и археологии М.И. Ростовцева, вышедшей в свет еще в 1925 году. Гораздо позже был издан ряд монографических работ, посвященных этнографии Северного Причерноморья (Ельницкий, 1977; Доватур, Каллистов, Шишова, 1982; Куклина, 1985; Скржинская, 1977).

Археологические источники. Археологические памятники, принадлежащие скифам Северного Причерноморья, в основном представлены двумя типами: курганами и городищами. Наибольшую известность получили курганы, представляющие собой погребальные сооружения. Отдельные из них, принадлежащие скифской знати, достигали в высоту 20 и более метров (рис. 7). История изучения скифских курганов ведет свое начало с XVIII века. В 1763 г. генералом А.П. Мельгуновым был раскопан Литой курган около г. Кировограда (до 1924 г. Елисаветград), впоследствии ставший известным как Мельгуновский курган. Какой-либо методики раскопок таких археологических памятников в то время не существовало, по этой причине многие детали устройства кургана остались невыясненными. В кургане были найдены меч в золотых ножнах, наконечники стрел, золотая диадема и некоторые другие вещи. Погребение в Мельгуновском кургане представляет интерес в том отношении, что оно является одним из наиболее ранних захоронений скифской знати в Северном Причерноморье.

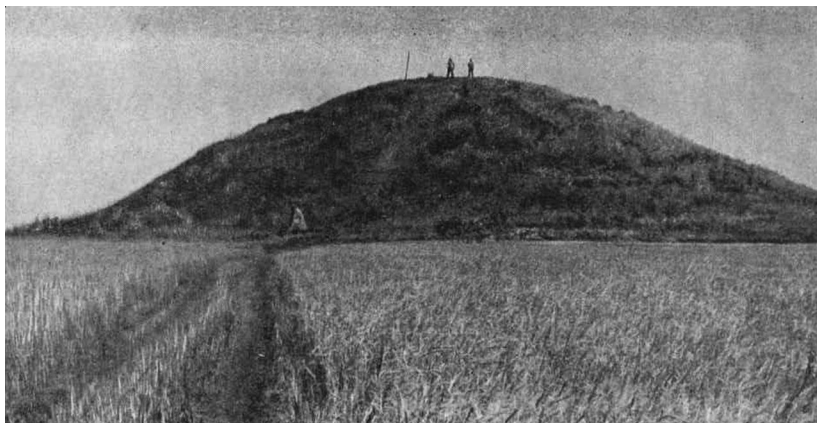

Рис. 7. Скифский курган Нечаева могила

В 1830 г. близ Керчи был раскопан курган Куль-оба, в котором обнаружено погребение знатного скифа, датируемое IV в. до н.э. Захоронение совершено под каменной курганной насыпью в каменном склепе. Там же была погребена женщина, жена или наложница вождя, и, видимо, слуга. В склепе с погребенными были обнаружены уникальные вещи, изготовленные из золота и являющиеся шедеврами древнего ювелирного искусства: гривна, браслеты, диадемы, серьги, фиала, нашивные бляшки, меч и горит, обложенные золотыми пластинами с изображением на них борющихся зверей и фантастических животных. Особый интерес представляет электровый сосуд, украшенный высокохудожественными сценами быта скифов (рис. 8). Кроме того, в склепе были найдены бронзовые котлы и греческие амфоры. Погребение в кургане, бесспорно, принадлежало скифу высокого социального ранга. Вопрос вызывает нахождение этого кургана на территории Боспорского царства. Этот факт, видимо, свидетельствует об особых отношениях скифской знати с греческими государствами Северного Причерноморья.

Большие скифские курганы привлекали внимание археологов, поскольку в них можно было найти уникальные изделия, шедевры древнего ювелирного искусства и множество других ве-

щей, свидетельствующих о культуре скифов, их экономических и политических связях.

Рис. 8. Деталь сосуда из кургана Куль-оба

В 1862–1863 гг. членом Императорской Археологической комиссии И.Е. Забелиным был раскопан один из наиболее крупных курганов под названием Чертомлык, находившийся в окрестностях Никополя. В кургане обнаружены захоронения высокостатусных особ – «царя» и «царицы», а также зависимых людей, стражников, прислуги. Кроме того, были обнаружены погребения 11 взнузданных коней с золотыми и серебряными украшениями сбруи. Несмотря на ограбление кургана в нем было найдено много уникальных вещей. Одной из наиболее известных находок из кургана является уникальная серебряная амфора с фризом, на котором изображены скифы, укрощающие лошадей (рис. 9). Интерес представляют находки золотых накладок горита и ножен меча. На накладке горита имеется фриз с сюжетами из жизни героя Троянской войны Ахилла. Накладка ножен меча была украшена растительным орнаментом и батальными сценами. В этом кургане были найдены и другие вещи, изготовленные из золота:

шейные гривны, браслеты, перстни и кольца, серьги, золотые нашивные бляшки, а также бусы, детали головных уборов, большое количество амфор. Обилие находок позволяет датировать сооружение кургана Хохлач серединой – началом второй половины IV в. до н.э. (Сокровища скифских курганов ..., 1966, с. 46–53).

Рис. 9. Серебряная амфора из кургана Чертомлык

В 1912–1913 гг. был раскопан еще один большой скифский курган, получивший широкую известность. Этот курган, названный Солоха, располагался на левобережье Нижнего Днестра и входил в состав крупного курганного могильника, насчитывающего около 100 насыпей, но гораздо меньшего размера. Руководил раскопками член Императорской Археологической комиссии, профессор Петербургского университета Н.И. Веселовский. В кургане было обнаружено два захоронения царского статуса. Между сооружением этих погребений выявлен небольшой хронологический разрыв. Более раннее погребение оказалось ограбленным (примерно рубеж V–IV вв. до н.э.),

более позднее (в пределах первой трети IV в. до н.э.) сохранилось целиком. Кроме того, были найдены захоронения слуг и коней. Большое количество вещей обнаружено во втором погребении. Это золотые украшения: браслеты; шейная гривна; множество нашивных бляшек; меч в ножнах, покрытых золотой обкладкой с изображениями в зверином стиле, а также бронзовые наконечники стрел, железный чешуйчатый панцирь, бронзовый шлем греческого типа, греческие амфоры, чернолаковый килик; шесть серебряных сосудов и другие вещи. В конском захоронении были найдены соответствующие предметы упряжи. Особую известность получила находка в мужском погребении золотого гребня, верхняя часть которого была украшена сценой сражения скифов и рядом из пяти фигурок лежащих львов (Манцевич, 1987) (рис. 10).

Рис. 10. Деталь золотого гребня. Курган Солоха

Выше были названы раскопки наиболее значимых скифских курганов, исследования которых заложили основы скифской археологии. К настоящему времени разными экспедициями раскопаны сотни курганов, принадлежащих рядовому скифскому населению, а также значительное количество курганов, сооруженных для скифской знати (рис. 11). Причем археологические раскопки ограничивались не только Северным Причерноморьем, они производились и на Северном Кавказе, и на Среднем Дону (Ильинская,

Тереножкин, 1983; Мозолевский, Полин, 2005; Галанина, 1997; Либеров, 1965).

Рис. 11. Пектораль, символ царской власти. Толстая могила

На территории северопричерноморской Скифии известен ряд крупных городищ. Наиболее исследованным из них является Каменское городище, находящееся в Запорожской области Украины на левом берегу Днепра. Городище было защищено со стороны степи земляным валом и рвом, со стороны Днепра – береговым обрывом. Время существования городища относят к концу V – началу III в. до н.э. Несмотря на большую его площадь (около 1 200 га), застроена была лишь небольшая часть. Свободное пространство в пределах укрепленной части, вероятно, использовалось для содержания скота, размещения кибиток и юрт. Многолетние раскопки городища в конце 30-х – 40-е гг. прошлого века проводились экспедицией под руководством известного археолога Б.Н. Гракова (Граков, 1954). В последующее время исследованием городища занимались и другие экспедиции. В процессе раскопок были выявлены овальные и четырехуголь-

ные наземные дома столбовой конструкции, четырехугольные землянки. Городище являлось крупным ремесленным центром. Здесь были обнаружены многочисленные следы железодельного и бронзолитейного ремесел, косторезного и керамического производства. Наличие античной керамики свидетельствует о торговле населения городища с античными государствами Северного Причерноморья.

Самым крупным из городищ на территории Скифии является Бельское, общая площадь которого составляет 4 875 га. Располагалось оно на возвышенности в междуречье рек Ворсклы и Сухая Грунь в Полтавской области Украины. Существовало со середины VIII по начало III в. до н.э. Городище состоит из трех укрепленных поселений, объединенных одной крепостной стеной длиной около 37 км. Раньше вал имел деревянные крепостные стены с башнями и другими фортификационными укреплениями. Городище с начала XX в. исследовалось с существенными перерывами разными археологическими экспедициями. На его территории были выявлены разнообразные наземные постройки, а также землянки, кузны для обработки железа и бронзы, косторезная мастерская. Были исследованы остатки святилища с находками на нем статуэток культового назначения. Находки с территории городища представлены керамикой, орудиями труда, конской упряжью, изделиями из кости и рога. Население Бельского городища занималось земледелием, скотоводством, различного рода ремеслами (Шрамко, 1987).

На территории Скифии известны и другие городища: Немировское, располагавшееся на левом берегу Буга; Постырское – в Черкасской области Украины; Надлиманское – на берегу Днестровского лимана; Елизаветовское – в дельте Дона и некоторые другие. Открытие на этих городищах жилых построек, следов ремесленного производства свидетельствует о наличии в Скифии наряду с кочевым оседлого уклада жизни (рис. 12).

Совокупный анализ письменных и археологических источников позволяет с определенной долей достоверности установить быт скифов, организацию их хозяйства, особенности социальной структуры и политической организации их общества.

Рис. 12. Немировское городище. Оборонительный вал

2. Происхождение скифов

Проблема происхождения скифов – одна из наиболее сложных в их истории. Высказывалось множество точек зрения по этому вопросу, в том числе и противоречащих друг другу. Если попытаться обобщить их, то большинство мнений сводятся к двум гипотезам: одни исследователи отстаивают автохтонное происхождение скифов, другие – миграционное. Собственно эта тенденция имеет давнюю традицию и восходит еще к античной историографии. Один из основных античных информаторов о скифах Геродот приводит три версии о происхождении скифов (*История*, IV, 5–11).

Первая из них, по словам Геродота, принадлежит самим скифам, которые считали, что они произошли от первого человека, появившегося на их земле, по имени Таргитай, родителями которого были божественные персоны Зевс и дочь реки Борисфена. У него родились три сына: Липоксай, Арпоксай и младший Колаксай. При их жизни с неба на скифскую землю упали золотые предметы: плуг, ярмо, секира и чаша. Братья захотели овладеть ими, но при приближении первых двух золотые предметы воспламенялись. Золотыми вещами смог овладеть только младший брат Колаксай.

Старшие братья восприняли это событие как предзнаменование о необходимости передать верховную власть над царством младшему брату. Далее Геродот сообщает, что от Липоксая произошли те скифы, которые носят название авхаты; от среднего брата Арпоксая – катиары и траспии, а от младшего брата – те, кто называются паралатами. Общее же название всех их – сколоты. Колаксай всю скифскую землю разделил на три царства между своими сыновьями. Самым большим из трех царств было то, в котором хранилось священное золото. Скифы считали, что от Таргитая до похода на них Дария прошло тысячу лет. Поход персидского царя Дария I в Скифию состоялся в 512 г. до н.э.

Вторая версия, которую считают эллинской, поскольку Геродот прямо говорит о том, что ее передают эллины, живущие на Понте, связана с популярным героем древнегреческой мифологии Гераклом, который, гоня быков Гериона, прибыл в страну, не занятую еще скифами, где потерял своих пристяжных лошадей. В поисках их он обнаружил в пещере змееногую женщину («полу-дева, полужмея», гр. Ехидна), которая пообещала вернуть Гераклу коней, но при условии, что он вступит с ней в связь. По прошествии времени эта дева родила трех сыновей и обратилась к Гераклу, чтобы он посоветовал, как ей поступить с ними, когда они возмужают. Геракл ответил ей, что после того, как сыновья возмужают, тот из них, кто натянет его лук – так, как это делает он, и подпоясается поясом так же, как он, тот должен остаться и жить на этой земле, а кто не в состоянии выполнить указанное, должен будет уйти из этой страны. Сыновей звали Агафирс, Гелон и младший Скиф. Первые двое оказались не способными выполнить задание Геракла, смог это сделать лишь Скиф. От этого сына Геракла и пошли правящие в Скифии цари.

В третьей версии, которую приводит Геродот и которой больше доверяет сам, говорится о том, что скифы, ранее обитавшие в Азии и теснимые массагетами, перешли реку Аракс и вторглись на территорию киммерийцев, которые вынуждены были покинуть свою землю.

Первые две версии, переданные Геродотом, скифская и эллинская, по своему содержанию автохтонные, свидетельствующие

щие о том, что скифы на своей земле, а это было Северное Причерноморье, обитали исконно. Третья версия миграционная, согласно которой скифы пришли на земли, где их застал Геродот, из-за Аракса, обычно отождествляемого с Амударьей, и вытеснили живший здесь ранее другой народ – киммерийцев.

Есть еще одна версия происхождения скифов в античном литературном наследии, изложенная Диодором Сицилийским, жившим в I в. до н.э. Его данные в ряде случаев перекликаются со сведениями Геродота, но в определенной мере отличаются и оригинальностью. Скифы, по Диодору, сначала занимали небольшую область у реки Аракс и были презираемы за свое бесславление. Затем, усилившись под предводительством одного царя, расширили свою территорию до Кавказа, Меотийского озера и Танаиса. Потом по преданиям на их земле появилась дева – полуженщина-полужмя. Зевс, совокупившись с ней, породил сына по имени Скиф. Он, прославившись, назвал народ своим именем. Его потомками были два брата – Пал и Нап. Они разделили между собой царство, по их именам народы этих царств назывались палы и напы. Спустя время потомки этих царей подчинили себе обширную страну за Танаисом до Фракии. Направив военные действия в другую сторону, распространили свое господство до египетской реки Нил (*Библиотека*, II, 43).

Автохтонное происхождение скифов обосновывалось в трудах ряда исследователей современности. Так, Б.Н. Граков полагал, что предками скифов было население позднего бронзового века, относящееся к срубной культуре, которое постепенно начало переселяться в Северное Причерноморье из Поволжья еще со второй половины II тыс. до н.э. Населявшим Северное Причерноморье ранее до скифов киммерийцам принадлежала катакомбная культура эпохи бронзы. В процессе передвижения населения срубной культуры в Северное Причерноморье происходила нивелировка обеих культур, приводящая их к единообразию. По этой причине завершение передвижения скифов из-за Волги, которую Б.Н. Граков отождествлял с Араксом античных источников, в конце VII в. до н.э. осталось археологически незаметным. Окончательно скифы утверждаются в Причерноморье после 616 г. до н.э. (Граков, 1971, с. 24, 25).

Близкой версии придерживался М.И. Артамонов. Он также считал, что исторические скифы своим происхождением были связаны с населением срубной культуры бронзового века. Они в последней трети II тыс. до н.э. вытесняют из Северного Причерноморья население катакомбной культуры, отождествляемой с киммерийцами. Западная часть предков киммерийцев ушла за Дунай и Карпаты, позже они вместе с фракийцами с запада вторглись в Малую Азию. Восточная часть киммерийцев сохранилась в Азово-Каспийском междуречье, в течение нескольких веков они соседствовали с населением срубной культуры, предками скифов. В VIII в. до н.э. они также переселяются в Малую Азию, обогнув Черное море с востока (Артамонов, 1974, с. 7–23).

По-другому к проблеме появления скифов на исторической арене подходил А.И. Тереножкин. Он считал, что возникновение скифов там, где их зафиксировали античные авторы, связано с их продвижением из глубинных районов Азии. Скифы внезапно появляются в VII в. до н.э., их культура не имеет прототипов в местной предскифской культуре. Выделенные памятники культуры типа Черногоровки – Новочеркасского клада, датируемые IX–VII вв. до н.э., по мнению А.И. Тереножкина, сформировались на основе срубной культуры и принадлежали историческим киммерийцам (Тереножкин, 1976).

Большое значение для изучения проблемы формирования скифской культуры имели раскопки кургана Аржан в Туве, проводившиеся в 70-е гг. прошлого века под руководством М.П. Грязнова. Это уникальный памятник со сложной конструкцией, заключающий погребение высшей знати. Практически вся его подкурганная площадь поделена бревнами на множество отдельных камер. Всего в кургане было захоронено 17 человек (мужчины и женщины), в том числе и в центральном, наиболее престижном погребении, и более 160 лошадей. Несмотря на ограбление центрального погребения, в процессе раскопок кургана было обнаружено много предметов материальной культуры: вооружения, деталей конской узды, изделий, выполненных в зверином стиле (Грязнов, 1980). В целом находки в этом кургане характеризовали ранний этап формирования основных элементов скифской культуры,

так называемой скифской триады, набора определенных типов оружия, деталей конной упряжки, специфического звериного стиля в искусстве.

Дискуссию вызвал вопрос о дате сооружения кургана Аржан. Не касаясь всех перипетий этой дискуссии, отмечу, что большинство исследователей склоняются к его дате в пределах последней трети или конца VIII – первой половины VII в. до н.э. Учитывая, что «скифская триада» в Аржане представлена в развитом виде, ее формирование должно было происходить в более раннее время, вероятно в течение всего VIII в. до н.э. (Савинов, 2002, с. 42, 43).

Исследователь Аржана М.П. Грязнов считал, что распространение основных элементов раннескифской культуры, сложившихся в этом центральноазиатском регионе, не следует непосредственно связывать с ее носителями, в том числе и в достаточно отдаленных территориях. К этому времени в евразийских степях осуществился переход к кочевому скотоводству, что привело к значительной подвижности различных групп населения, в результате которой происходил обмен культурными достижениями. Завоевания, переселения, процессы ассимиляции, появление новых групп населения, с одной стороны, способствовали быстрому распространению культурных достижений разных народов, с другой – в отдельных районах наряду с инновациями местные традиции придавали особую специфику культуре кочевников. По этой причине на обширном евразийском степном пространстве в скифскую эпоху сформировался ряд областей, отличающихся в культурном отношении. По этому поводу М.П. Грязнов, говоря о сложности установления путей миграции разных групп кочевников и характере заимствований, отмечал: «Нам ясно лишь, что на обширных просторах степной полосы Евразии, начиная с VIII в. до н.э., синхронно возникают и развиваются сходные в общих чертах культуры скифо-сибирского типа. Но каждая из них вполне самобытна и оригинальна, имеет свое особое историческое прошлое, особые условия существования. При широком межплеменном обмене, осуществляемом как мирным путем, так и путем войн и грабительских набегов, отдельные культурные приобретения того или

иного племени получают всеобщее распространение» (Грязнов, 1980, с. 59, 60).

В последующее время исследователи обратили внимание на тот факт, что характерные черты скифской культуры в степях Восточной Европы появляются в уже сформировавшемся виде. Они обнаруживают прямые аналогии в центральноазиатских древностях. Это «оленные камни», найденные на юге Восточной Европы, явно центральноазиатского происхождения; специфические зооморфные бронзовые навершия; бронзовые шлемы так называемого кубанского типа, появившиеся в Восточной Европе в VII – начале VI в. до н.э., прототипы которых известны на территории Северного Китая с эпохи Чжоу; бронзовые зеркала с ручкой в центре диска, в более раннее время известные в Центральной Азии и Северном Китае; бронзовые литые котлы также имеют, видимо, азиатское происхождение; биметаллические клевцы, находки которых известны в Южной Сибири. Центральноазиатские истоки обнаруживают и другие предметы материальной культуры скифской архаики: детали конской узда, предметы зооморфного искусства, каменные блюда.

Такой пласт предметов материальной культуры на раннем этапе скифской истории и его истоки свидетельствуют, видимо, об их попадании в степи юга Восточной Европы с какой-то группой кочевников, отождествляемой с ранними скифами. Но не следует считать, что скифы полностью изгнали из этих мест предшествующее население, они не заняли абсолютно пустую землю, как это следует из повествования Геродота, после того как киммерийцы покинули ее. Скорее всего, прежнее население частью вошло в состав нового кочевого объединения. К тому же исследователи на основании изучения археологического материала полагают, что культура киммерийцев и культура скифов были «чрезвычайно близкими и практически неотличимыми», отмечалось «почти полное совпадение их материальной культуры» (Алексеев, Качалова, Тохтасьев, 1993, с. 90, 91; Иванчик, 2001, с. 282).

Значительную роль в консолидации скифского этнополитического объединения сыграли передневозточные походы, пришедшие на VII в. до н.э., а затем освоение ими Северного Причер-

номорья, оформление политической системы управления этим регионом и завершение формирования скифского этноса (Мурзин, 1990, с. 79).

3. Внешнеполитические отношения скифов

Ранняя история скифов ознаменовалась их походами в пределы Передней Азии. Ассирийские клинописные источники впервые фиксируют их в 70-е гг. VII в. до н.э. Скифы, пройдя Кавказский горный хребет, проникают на территорию Маннейского царства. Скифы не являлись первопроходцами на этом пути. До них через Кавказ в Малую Азию прошли киммерийцы, по легендарной версии Геродота изгнанные скифами из Северного Причерноморья. И еще раньше обитатели евразийских степей неоднократно проникали в Переднюю Азию через Кавказ. Этим путем проходило проникновение в конце II тыс. до н.э. ираноязычных племен и заселение ими территории Ирана (Погребова, 1999, с. 121, 122) (рис. 13).

Рис. 13. Скифские воины. Вариации

Первоначально скифы под предводительством Ишпакая поддержали Маннейское царство в борьбе против Ассирии. Впоследствии ассирийцам удалось склонить скифов на свою сторону. В это время начинается борьба мидийских племен, восточных соседей Ассирии, за независимость от своего могущественного соседа. Мидийцы вынуждены были постоянно выплачивать

ассирийцам обременительные подати. Кроме того, ассирийцы периодически совершали грабительские набеги на мидийские земли. Эта агрессивная политика Ассирии ускорила консолидацию мидийских племен и способствовала появлению у них государственной организации.

Скифы несколько раз оказали существенную помощь Ассирии. В 673 г. до н.э. они помогли ей подавить восстание мидийцев. Несколько позже, когда армия уже независимой Мидии во главе с царем Киаксаром приступила к осаде столицы Ассирии Ниневии, в пределы Мидии «вторглись огромные полчища скифов», во главе которых стоял Мадий. Мидяне потерпели поражение. «Скифы же распространили свое владычество по всей Азии» (*Геродот. История*, I, 103, 104).

Скифами был предпринят поход на Египет. И неизвестно, чем бы он завершился, если бы им навстречу не вышел египетский правитель Псамметих с дарами и просьбами не нападать на его страну.

Кроме письменных источников, о пребывании скифов в переднеазиатском регионе свидетельствуют археологические материалы. В Закавказье, в более южных районах, в Малой Азии обнаружены бронзовые наконечники стрел, детали конской упряжи, предметы, выполненные в зверином стиле, – все эти вещи типичны для скифской культуры (Иванчик, 2001, с. 55–70). В Иранском Курдистане был найден и получил большую известность Сакызский клад с большим количеством ювелирных изделий, происходящих из разрушенного погребения скифского вождя, датированного второй половиной VII в. до н.э.

Есть достаточно веские основания считать, что исходной территорией, откуда совершались военные походы скифов, были степные районы Прикубанья и Северного Кавказа. Здесь сосредоточено достаточно много раннескифских погребальных комплексов (VII–VI вв. до н.э.), среди которых и такие известные, как Келермесские и Ульские курганы. Большинство из них относят к памятникам так называемого келермесского типа по имени курганов, располагавшихся у станицы Келермесской в Адыгеи. О вхождении районов Северного Кавказа в зону обитания скифов на ран-

нем этапе их истории свидетельствуют и письменные источники. Диодор Сицилийский отмечал, что скифы в древности под руководством одного воинственного царя «...приобрели себе страну в горах до Кавказа, а в низменностях прибрежья Океана и Меотийского озера и прочие области до реки Танаиса» (*Библиотека*, II, 43). Есть основания отдельные комплексы келермесского типа датировать ранее середины VII в. до н.э. (Иванчик, 2001, с. 123–136), что может совпадать с начальной датой появления скифов в Передней Азии. Существует мнение, что страна Ишкуза, упоминаемая в ассирийских источниках и отождествляемая со скифами, могла располагаться к северу от Кавказского хребта (Мурзин, 1990, с. 47), но оно не является общепризнанным. Кавказские горы были преодолимы для скифов: через ряд перевалов и ущелий, а также вдоль побережий Черного и Каспийского морей скифы проникали в Закавказье и далее в различные районы Передней Азии.

Немаловажным является вопрос о причинах походов скифов в Переднюю Азию. Геродот объясняет это их погоней за киммерийцами, которые сбились с пути и вторглись в пределы Мидии (*История*, IV, 12). Однако вряд ли это было причиной рассматриваемых скифских походов. Вероятнее всего, их причина кроется в самой природе кочевого объединения скифов. Скифы в VII в. до н.э. создают достаточно мощное кочевое объединение, устанавливают контроль над северокавказским земледельческим населением (Галанина, 1997, с. 194–215). Военные набеги, внеэкономические взаимоотношения кочевников с оседлыми народами являются неперемennыми условиями существования самих кочевых объединений. «Поэтому там, где кочевники располагают соответствующими возможностями, их набеги и грабежи становятся постоянным явлением» (Хазанов, 2008, с. 245).

Естественно, что объектом скифской экспансии становятся ближайшие переднеазиатские территории с давними традициями земледельческой культуры, накопленными материальными богатствами. Других аналогичных объектов по соседству у скифов не было. Греческие колонисты только начинали осваивать берега Черного моря, здесь еще не появились относительно крупные го-

сударственные образования, представлявшие интерес для скифов. Основная задача, стоящая перед скифами, была не захват территории, а обогащение (рис. 14).

Рис. 14. Скифские конные воины

То же самое можно сказать и о киммерийцах, появившихся в пределах Передней Азии несколько раньше скифов. Уж очень не похожи они были на беженцев, ищущих защиту от скифов. Объ-

вившись в Малой Азии, киммерийцы занимались разбоем и грабежами. В 644 г. до н.э. в сражении с ними погиб лидийский царь Гиг, победителями была взята и разграблена столица Лидии Сарды. Тем же занимались и скифы, ища свою выгоду в договорах, беря отступные, как это было в случае с Египтом. По этому поводу Геродот писал: «28 лет владычествовали скифы в Азии и своей наглостью и бесчинством привели все там в полное расстройство. Ведь, помимо того что они собирали с каждого народа установленную дань, скифы еще разъезжали по всей стране и грабили все, что попадалось» (*История*, I, 106).

Выделяют две периода активизации скифов в Передней Азии. Первый, относящийся к 70-м гг. VII в. до н.э., связан с предводителями Ишпакаем и Партатуа, когда скифы, проникнув на территорию Маннейского царства, обосновались в районе озера Урмия, вступив затем в союз с Ассирией. Второй период, относящийся к последней четверти VII в. до н.э., связан с нанесением скифами под предводительством Мадия – сына Прототия удара по Мидии и дальнейшими их военными акциями в отношении других переднеазиатских народов и государств. Эти события отождествляются с 28-летним владычеством скифов в Азии по Геродоту.

Геродот описал и событие, которое предопределило уход скифов из Передней Азии. Скифы существенно мешали возвышению Мидии. Мидийский царь Киаксар пригласил скифских вождей на пир, на котором их напоили, а затем перебили, после чего скифы возвращаются на свои исконные земли. Скорее всего, причины ухода скифов были в другом. К концу VII в. до н.э. под ударами Мидии и Нововавилонского царства прекращает свое существование некогда могущественная Ассирия, союзниками которой часто выступали скифы. На политическую арену выходят молодые амбициозные государства Мидия и Вавилония. Существенное изменение расклада политических сил и их интересов, видимо, вынуждает скифов уйти в южноевропейские степи. Хотя, вероятно, скифы и не планировали закрепить за собой какие-либо территории Передней Азии на постоянной основе, поскольку как племенное объединение скифы формировались в иных экологи-

ческих условиях, их естественной зоной обитания были евразийские степи.

С возвращением скифов предкавказские территории, видимо, теряют для них важное стратегическое значение, и они занимают Северное Причерноморье. Возвращение для скифов было не совсем благополучным. По этому поводу Геродот писал: «Когда затем после 28-летнего отсутствия спустя столько времени скифы возвратились в свою страну, их ждало бедствие, не меньшее, чем война с мидянами: они встретили там сильное вражеское войско. Ведь жены скифов вследствие долгого отсутствия мужей вступили в связь с рабами... От этих-то рабов и жен скифов выросло молодое поколение» (*История*, IV, 1, 3). Это молодое поколение оказало сильное сопротивление скифам, которые во многих сражениях не могли их одолеть. Тогда один из скифов обратился к остальным со словами, что нужно убрать копья и луки и вместо оружия взять в руки кнут, поскольку, пока мы сражаемся с ними с оружием, они считают себя равными нам, а увидев кнут, поймут, что они наши рабы. Остальные скифы последовали этому совету, их противники, поняв, что они рабы, бежали.

Очевидно, что этот рассказ Геродота носит фольклорный характер, и вряд ли такое событие имело место в реальной действительности. Возможно, в нем в такой мифологизированной форме нашло отражение сопротивление местного населения Северного Причерноморья во время его освоения скифами, вернувшимися из восточного похода.

Скифы занимают степную часть Северного Причерноморья, стратегически важную для себя территорию, поскольку она располагалась между лесостепной областью, занятой земледельческим населением, и побережьем Черного моря, где располагались греческие города. Скифы начинают контролировать развивающиеся между вышеназванными территориями торговые связи. Здесь, кроме сухопутных дорог, важное значение в качестве торговых артерий имели реки: Днепр, Южный Буг, Днестр. Появляются достаточно протяженные торговые пути. Об одном из них сохранил информацию Геродот. Этот путь простирался от гавани борисфенитов, отождествляемой с Ольвией, которая располагалась на запад-

ном берегу Днепро-Бугского лимана, и, видимо, до Уральских гор. Сведения об этих отдаленных землях и людях, населявших их, можно получить «...не только от скифов, но и от эллинов из Борисфенской торговой гавани и прочих понтийских торговых городов». Скифы, когда приходят в эти края, населенные другими людьми, то «ведут с ними переговоры при помощи самих толмачей на семи языках» (*История*, IV, 24). Отличающееся выгодным положением Нижнее Поднепровье становится центром расселения скифских племен. Здесь возникают крупные курганные могильники, включающие как захоронения знати, так и рядового населения.

Таким образом, в Северном Причерноморье были созданы и реализованы все предпосылки образования сильного объединения во главе со скифами в форме так называемого триединого царства, о котором речь пойдет ниже, и оно выдержало испытание на прочность во время скифо-персидской войны. В конце VI в. до н.э. персидский царь Дарий I предпринял военный поход против северопричерноморских скифов. По конкретной дате похода существует достаточно много мнений, но разброс их невелик, он ограничивается преимущественно временем с 515 по 512 г. до н.э. (Черненко, 1984, с. 7–11). Наиболее подробное описание этого похода приводится в сочинении Геродота. Он отмечал, что его причиной было желание Дария наказать скифов за их вторжение в Мидию. Вряд ли это могло быть основной причиной похода персов в Северное Причерноморье. Обоснования его, скорее всего, были более масштабными; во-первых, желание персов обезопасить северные рубежи своего государства от возможного вторжения скифов, во-вторых, персам было важно укрепить свои тылы в предстоящей борьбе с греками за гегемонию в Средиземноморье.

Скифам не удалось создать большой антиперсидской коалиции, в которую входили бы многие соседние народы. Оказать помощь скифам пожелали только савроматы, гелоны и будины. Собственно скифская армия состояла из армий трех царств, которые возглавляли Иданфирс, Таксакис и Скопасис. Общее командование осуществлял правитель «великого царства» Иданфирс. По данным Геродота, Дарий собрал огромную армию, состоящую из

700 000 тыс. конных и пеших воинов, которую сопровождал еще флот из 600 кораблей (*История*, IV, 87). Современные исследователи с полным основанием считают эти цифры сильно завышенными, такая армия на самом деле была бы неуправляемой (Черненко, 1984, с. 18–20).

Скифы избрали весьма типичную для кочевников тактику военных действий, они не вступали с персами в сражения, а постепенно отступали, засыпая источники воды и поджигая степь. Не вдаваясь в перипетии всех событий скифо-персидской войны, отметим, что такая тактика измотала персов и они, так и не вступив в генеральное сражение со скифами, вынуждены были покинуть их страну.

В V–IV вв. до н.э. причерноморская Скифия достигает своего расцвета. Экономическая эксплуатация подчиненного населения огромного региона от Дуная до Дона, включая лесостепь, контроль за торговыми путями, торговые и даннические отношения с греческими колониями – все это обогащало скифов и в первую очередь скифскую знать, консолидировало скифское общество. В степях Причерноморья увеличивается количество богатых захоронений, сооруженных под огромными курганными насыпями: Большая Цимбалка, Солоха, Чертомлык, Толстая могила и многие другие. В погребениях этих курганов обнаружены вещи, являющиеся уникальными памятниками ювелирного искусства, которые должны были подчеркивать былое могущество скифских предводителей.

4. Социально-политическая организация скифского общества

Скифское общество в социальном отношении было достаточно стратифицированным. Об этом свидетельствуют как письменные, так и археологические источники.

Цари. В сочинениях античных авторов часто упоминаются скифские цари (басилевсы), начиная с раннего периода их истории. Термин «басилевс» многозначен: царь, вождь, предводитель. Титул царя предполагает преемственность власти. Такая информация

содержится в сочинении Геродота. Царь Иданфирс, например, осуществлявший общее командование скифами в войне с персами, был сыном царя Савлия, царь Скил – сын царя Ариапифа, после убийства Скила царем стал его брат Октамасад (*История*, IV, 76, 78, 80). Наличие царского рода довольно типичная черта для кочевого общества. Достаточно вспомнить Монгольскую державу, ханы которой выбирались исключительно из рода Чингизидов. Члены царского рода имели свои владения (улусы). У скифов также существовал царский род. У Геродота имеются, правда, противоречивые сведения о том, что представлял собой этот род, кто в него входил. В легенде о происхождении скифов от первого обитателя их страны Таргитая упоминаются три его сына: Липоксай, Арпоксай и Колаксай, от которых произошли все скифские племена. Все они «вместе называются скелотами, то есть царскими. Эллины же зовут их скифами» (*История*, IV, 6). В другом месте, где речь идет о расселении скифов, Геродот отмечал: «За рекой Герром идут так называемые царские владения. Живет там самое доблестное и наиболее многочисленное скифское племя. Эти скифы считают прочих скифов себе подвластными» (*История*, IV, 20). В первом случае речь идет о всех скифах, высшая знать которых могла принадлежать к царскому роду, учитывая их родство по общему предку. Во втором случае только часть скифов, наиболее могущественное племя именовалось царским, высшая знать которого, видимо, и составляла царский род.

А.М. Хазанов полагал, что у скифов была одна династия, правившая на протяжении почти всей их истории. Основателем ее был Колаксай, упоминаемый не только Геродотом, но и Алкманом, и предводители скифов в переднеазиатских походах Прототий и Мадий, и последующие цари, правившие в северопричерноморский период их истории, принадлежали к одной и той же династии. Он допускал наличие у скифов улусной системы, хорошо известной у средневековых кочевников, когда улусы возглавляли представители царского рода. В Скифии управление так называемыми тремя басилеями, «на которые делилось Скифское царство, находилось в руках представителей одного и того же царского рода» (Хазанов, 1975, с. 192, 197).

Умершие скифские цари погребались с большой роскошью. Для их захоронения существовало специальное место, Геродот называет его Геррами, он же описал процедуру ритуального обряда. Тело царя бальзамировалось, затем провозилось по всем его владениям с целью выражения скорби подвластным населением, а затем погребалось вместе с зависимыми людьми: наложницей, виночерпием, поваром, конюхом, телохранителем, вестником. Устраивалось захоронение и коней. С царем погребались золотые вещи. Над могилой насыпался холм, причем скифы старались «сделать его как можно выше» (*История*, IV, 71). Эти сведения Геродота во многом подтверждаются археологическими раскопками. Под большими, так называемыми царскими курганами, открыты сопутствующие погребения зависимых людей, захоронения коней и многие уникальные вещи, являющиеся выдающимися памятниками искусства, которые были изготовлены древними мастерами. Известный английский исследователь Г. Чайльд скифские царские курганы стадально объединял с ранними гробницами египетских фараонов, раннединастическими гробницами Месопотамии, шахтовыми гробницами Микен. Существование отдельного места погребения для скифских царей – Герр напоминает наличие отдельных мест для погребения египетских фараонов – Гизе, Долина царей.

В Северном Причерноморье известно несколько десятков больших курганов, претендующих быть царскими или принадлежать высшей знати, членам царского рода. Исследователями предпринимаются попытки определения их персональной принадлежности скифским предводителям, известным по письменным источникам. В их основу положено определение даты того или иного кургана по данным археологических раскопок и выявленного примерного времени жизни царственной личности по письменным источникам (Алексеев, 2003, с. 255–277).

Исследователи отмечали, что одной из важных функций института царской власти в Скифии была ритуально-магическая. Царь «обеспечивает процветание коллектива, не только “управляя” коллективом, но и выполняя ряд ритуальных актов, содержа-

ние и форма которых строго регламентированы традицией и возводятся к мифическим временам...» (Раевский, 1977, с. 163).

Знать. В скифском обществе было достаточно много категорий людей, относимых к знати и отличающихся уровнем знатности. Геродот относил скифов к тем народам, которые считали, что люди, «не занимающиеся физическим трудом, считаются благородными, особенно же посвятившие себя военному делу» (*История*, II, 167).

Родственники царя представляли собой высший слой скифской аристократии, родоплеменная знать более низшего уровня занимала соответствующую ступень в иерархии скифского общества. Кроме того, существовала еще и знать зависимых от скифов племен, например населявших лесостепные районы, что подтверждается находением здесь захоронений, отличающихся богатством.

Геродот упоминает о делении Скифии на округа (номы), во главе которых стояли правители (*История*, IV, 66). Они обладали судебными функциями, сбором дани в пользу центральной власти, являлись предводителями номовых (племенных) ополчений. Для поддержания своего авторитета раз в год устраивали пиры для доблестных воинов.

Представителями знати являлись люди, находившиеся при дружине царя, царские чиновники, противостоящие традиционным родоплеменным управленческим структурам, то есть служилая знать. А.М. Хазанов считал ее наиболее гетерогенной по своему составу (Хазанов, 1075, с. 185). В курганах Чертомлык, Солоха, Гайманова могила центральные захоронения (царские) сопровождали погребения с большим количеством оружия, дорогих вещей, которые могли принадлежать привилегированным дружинникам, являвшимся частью скифской знати.

Жречество. Ж. Дюмезиль, известный специалист в области лингвистики и мифологии, доказал наличие у населения индоевропейской и индоиранской общностей троичного сословного деления общества: жречество, воины, свободное крестьянство (Дюмезиль, 1990, с. 132–157). Одним из ярких примеров такой социальной структуры древнего общества являются индоарийс-

кие варны в Индии. У скифов, представителей иранской ветви, существовало жречество, хотя данных о нем в источниках очень мало. У Геродота и Псевдо-Гиппократата упоминаются энареи. Энареи – женоподобные мужчины (евнухи) – гадалы. По Геродоту искусство гадания им было даровано Афродитой. Гадают они при помощи ивовых прутьев, которые раскладывают на земле и изрекают предсказания, гадают они и на липовой коре, заматывая и разматывая вокруг пальцев и произнося пророчества (*История*, IV, 67). Эти черты роднят их с мидийскими магами, которые тоже гадали на прутьях. Видимо, у тех и других еще не было строгого разделения жреческих и гадательных функций.

Гиппократ отмечал, что энареи – скифские богачи, люди не низкого происхождения, а благородные и пользующиеся могуществом, другие люди поклоняются им (*О воздухе, водах и местности*, 29, 30). Правда, царь их мог сурово наказать. Если заболел царь, вызывали трех энареев. Они должны были установить причину недуга. Если энареи выявляли, что причиной болезни царя является клятвopеступление, кто-то ложно поклялся богами царского очага, то энареи должны были называть имя клятвopеступника. Его приводили к царю. Если приведенный упорно отрицал свою вину, то царь повелевал призвать новых энареев, если и они признавали виновным этого человека, то ему отрубали голову. В случае оправдания вторыми прорицателями обвиняемого призывали еще несколько групп гадателей, если и они оправдывали обвиняемого, то тогда первых прорицателей, обвинивших человека в преступлении, приговаривали к смерти. Их сжигали на телеге с кучей хвороста (*Геродот. История*, V, 67–69).

Геродот называет целый ряд имен богов, которым поклонялись скифы. Он отождествляет их с греческими богами, называя и их скифские имена: греческая Гестия – скифская Табиты, Зевс – Папай, Гея – Апи, Аполлон – Гойтосир, Афродита Небесная – Аргимпаса, Посейдон – Фигимасад. Культы скифских богов обслуживались жрецами, они непосредственно участвовали в жертвоприношениях им (*История*, IV, 59–62).

Геродот хотя и говорит об отсутствии у скифов храмов и алтарей, но в этом случае нельзя забывать, что он на данный факт

глядел глазами эллина, живущего там, где существовали велико-лепные храмы. Архитектура не являлась частью скифской кочевой культуры. Однако он отмечал, что в каждом доме у скифов было святилище Ареса, которое сооружалось из хвороста «длинной и шириной почти в 3 стадия, в высоту же меньше». Это огромное сооружение, если исходить из греческого стадия, равного 177,6 м. Наверху святилища находилась площадка, на которой водружался «древний железный меч» – символ Ареса. Этому мечу приносились в жертву животные, а также люди – один человек из сотни пленников (*История*, IV, 62).

Свидетельства о том, что скифы имели свои религиозные убеждения и отстаивали их чистоту, подтверждают события, связанные с Анахарсисом, скифским царевичем. Побывав в Греции и возвратившись на родину, он тайно устроил празднество в честь Матери Богов (Кибелы). За поклонение чужому культу Анахарсис был убит его братом, скифским царем Савлием (*Геродот. История*, IV, 76).

Анализ этнографического материала показывает, что жреческая прослойка у кочевников не достигает того могущества и влияния, как у оседлых народов, но ее наличие вполне очевидно.

Рядовое свободное население. Один из античных авторов Лукиан Самосатский отмечал, что в Скифии рядовых скифов называли «восьминогими», поскольку они в основном владели повозкой, в которую запрягали пару быков (*Диалоги. Скиф или Гость*, 1). Они также имели небольшое количество скота, в основном это были овцы и лошади. Видимо, это был тот необходимый имущественный минимум, дающий возможность вести кочевой образ жизни. Археологические раскопки подтверждают наличие большого числа рядового скифского населения. Существуют крупные могильники, принадлежащие им. Они состоят из небольших курганов с достаточно скромными по ритуалу и наличию в них вещей погребениями.

Рядовое население составляло большинство скифского войска. Геродот отмечал, что «все они конные лучники и промышленяют не земледелием, а скотоводством; их жилища – в кибитках» (*История*, IV, 46). При археологических раскопках практически в

каждом скифском мужском захоронении находят наконечники стрел, что подтверждает сказанное Геродотом.

Рядовые скифы, вероятно, были основным податным населением. Они могли выполнять какие-либо повинности по отношению к знати, царям, но они не были столь велики и обременительны. Скифское общество, при основной внешней форме эксплуатации подчиненных народов, должно было сохранять высокую степень консолидации, усиление эксплуатации собственного населения подрывало бы основы самого скифского объединения (Хазанов, 1975, с. 167).

Рабы. Широко известна фраза Геродота о том, что скифы всех своих рабов ослепляют (*История*, IV, 2). Слепые рабы занимались взбиванием молока для приготовления ипаки. Непонятно, зачем в этом случае надо было их ослеплять. Он же свидетельствовал, что покупных рабов у скифов нет. В то же время Геродот отмечал, что скифы захватывают много пленных. Одного из сотни приносят в жертву Аресу. Жертвоприношения совершались во время погребения царей и знати. Все это свидетельствует о неразвитости рабства у скифов.

Ряд сообщений античных авторов свидетельствует о продаже скифами военнопленных или получении за них выкупа. Захваченные в плен женщины могли использоваться в качестве наложниц у скифской знати

Слабое развитие у скифов рабства объясняется спецификой их хозяйства – кочевого скотоводства, которое не требует большого количества людей, используемых в нем.

5. Проблема скифской государственности

История скифской государственности интересовала многих исследователей. В 30-е гг. прошлого века преобладало мнение о господстве в Скифии рабовладельческих отношений, что вытекало из представлений о рабовладельчестве как универсальной стадии в развитии истории. Сказывалось господство марксистской концепции о формационном развитии истории, в которой рабовладельческая формация, вторая по счету, признавалась всеобщим

явлением. Классические рабовладельческие государства, греческие полисы и Рим все же значительно отличались от скифского общества. Это вызывало дискуссию, но она в основном сводилась к установлению времени образования у скифов рабовладельческого государства.

Значительный вклад в изучение общественных отношений у скифов внес М.И. Артамонов. Этой темы он касался начиная с 40-х гг. прошлого века (Артамонов, 1947, с. 70–87). Исследователь полагал, что во времена Геродота у скифов еще не сформировалось четких классовых различий. Скифское общество того времени еще не выходило за рамки военно-демократических отношений.

М.И. Артамонов, рассуждая о царской власти у скифов, отмечал важную ее роль, она была весьма далека от власти племенного вождя. Личность скифского царя была священной, от исходящей от нее благодати зависело благополучие всего возглавляемого им общества. На формирование царской власти у скифов большое значение оказывали их восточные походы. Находясь в Передней Азии, они непосредственно соприкасались с реалиями общественной жизни государств данного региона. Типичная для скифов восточная деспотия как форма управления государством оказала влияние на верховную власть у скифов. С унаследованными ее элементами скифы вернулись в Северное Причерноморье, где участники этих походов образовали особую группу скифов-царских. М.И. Артамонов отмечал неразвитость форм эксплуатации у скифов, которая была обращена не внутрь племен, а на отношения между ними. Так, скифы-царские, занимая главенствующее положение, эксплуатировали зависимые от них племена, что являлось основным источником обогащения не только их предводителя и аристократии, но и рядовых воинов. Отмечая незавершенность процесса классовообразования и частнособственнических отношений у скифов, М.И. Артамонов резюмировал: «Скифское царство не было государством в марксистско-ленинском понимании этого термина. Это была одна из форм военной демократии, стоящей на грани превращения в государство» (Артамонов, 1974, с. 143).

Концепция другого известного исследователя скифов – Б.Н. Гракова – сводилась к следующим положениям. До конца V в. до н.э. преобладающей формой организации скифского общества была военная демократия, которая сложилась к VIII–VII вв. до н.э. В дальнейшем значительное влияние на скифское общество оказали два фактора: поход скифов в Переднюю Азию и их борьба против вторжения персов во главе с Дарием I, значительно консолидировавшие скифское общество. Б.Н. Граков допускал значительно большее использование рабского труда у скифов, чем это делали другие исследователи, ссылаясь на упоминание у Геродота восстания рабов, имея в виду потомков слепых рабов, восставших против скифов после их возвращения из Передней Азии. В конце V – начале IV в. до н.э. можно говорить о появлении у скифов государства. Царь Атей объединяет три бабилеи в единое царство, возникает политический центр скифского государственного образования, которым, по мнению Б.Н. Гракова, являлось Каменское городище. Основным эксплуатируемым населением были поработанные царскими скифами другие, преимущественно земледельческие, племена Северного Причерноморья. Высшего развития скифская рабовладельческая государственность, но уже на значительно меньшей территории, достигает в Крыму (Граков, 1971, с. 31–41).

Идея завершения образования скифского государства во время правления в Скифии Атея была поддержана Д.Б. Шеловым. Он пришел к выводу о том, что скифская государственность основывалась на различных формах эксплуатации, а рабство является лишь одной из этих форм. Оценивая возникновение скифской государственности, он отмечал, что это был не одновременный акт, а длительный процесс вызревания одних общественных форм и отмирания других. Возникшее скифское государство является примитивным образованием, в котором сохраняются многие характерные черты родоплеменного быта, и не все институты, характерные для классических рабовладельческих государств, получают в нем полное развитие (Шелов, 1972а, с. 70–76).

А.М. Хазанов, посвятивший специальное монографическое исследование социальной истории скифов, рассматривал социаль-

но-политическое развитие скифского общества в динамике. Скифское объединение VIII – начала VII в. до н.э. он предположительно называл военно-иерархическим, в котором социальная дифференциация была достаточно очевидной, основная масса населения была лишена управленческих функций. Внешняя эксплуатация не получила распространения в связи с отсутствием зависимого земледельческого населения, внешняя эксплуатация не играла существенной роли. Поэтому общество с такими характеристиками нельзя считать даже примитивным государством.

На следующем этапе скифской истории, связанном с переднеазиатскими походами, скифы в Закавказье, на территории современного Азербайджана образуют царство, известное из ассирийских источников под названием Ашкуза, или Ишкуза, просуществовавшее около 80 лет. По мнению А.М. Хазанова, это скифское царство являлось уже примитивным государством завоевательного типа, сложившимся на основании подчинения и эксплуатации местного земледельческого населения, а также других народов переднеазиатского региона посредством взимания дани или грабежей. Это государственное образование скифов А.М. Хазанов условно назвал Первым Скифским царством.

Второе Скифское царство возникло во время возвращения скифов из Передней Азии и завоевания ими Северного Причерноморья. Это могло произойти в первой половине VI в. до н.э. еще до войны с Дарием I. Скифы подчиняют население лесостепи. Основной формой эксплуатации являются даннические отношения. Царство скифов в этот период А.М. Хазанов характеризовал как примитивное государство.

Расцвет Скифского царства приходится на IV в. до н.э. – время правления Агея. Активизация контактов с греческими городами Северного Причерноморья, вовлечение скифской знати в мировую торговлю приводит к усилению социального и имущественного неравенства, происходит эллинизация скифской знати, возрастает эксплуатация собственного населения. В этот период отмечается интенсификация седентаризационных процессов. На Нижнем Днепре образуются новые поселения, известно их появление и в других частях Скифии. Образуется столица Скиф-

ского царства городского типа – Каменское городище. Скифское царство IV в. до н.э. А.М. Хазанов относил к раннеклассовому государству, достигшему в своем развитии зенита. Дальнейшая судьба таких государств, основанных на господстве кочевников, по его мнению, зависела, с одной стороны, от продолжения завоевательной политики, с другой – от способности кочевой аристократии стать господствующим классом земледельческого населения (Хазанов, 1975, с. 203–250).

Я полагаю, что связывать весь длительный период правления Атея с наивысшим расцветом Скифского царства от Танаиса (Дона) до Истра (Дуная) вряд ли будет правильным. Возможно, это имело место в какой-то части первой половины IV в. до н.э. С середины этого века, еще при жизни Атея, в восточных пределах Скифии ситуация была дестабилизирована активизировавшимися новыми кочевниками, восточными соседями скифов. Именно они не дали реализоваться дальнейшим возможным путям развития скифской государственности, о которых говорил А.М. Хазанов.

6. Гибель Скифии

Тема гибели Скифии постоянно была в поле зрения исследователей. Существенное влияние на решение этой проблемы оказывала информация Диодора Сицилийского о переселении скифами савроматов из Мидии на земли у Танаиса, которые «много лет спустя, сделавшись сильнее, опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя побежденных, превратили большую часть страны в пустыню» (*Библиотека*, II, 43). Под савроматами исследователи предлагали видеть сарматов, поскольку античные авторы часто отождествляли эти народы. В свое время еще Н.М. Карамзин писал: «Наконец Сарматы, обитавшие в Азии близ Дона, вступили в Скифию и, по известию Диодора Сицилийского, истребили ее жителей или присоединили к своему народу, так что особенное бытие Скифии исчезло для Истории» (Карамзин, 1988, с. 6).

В конце прошлого века была выдвинута другая версия, ее доказательства базировались на отсутствии сарматских архео-

логических памятников III и большей части II в. до н.э. на территории Северного Причерноморья. К концу IV в. до н.э. здесь преращается сооружение курганов скифской знати, а в начале III в. до н.э. – и курганов рядового населения. По логике сторонников этой версии если причиной такой ситуации были сарматы, то вслед за исчезновением скифских курганных захоронений здесь должны были появиться курганы завоевателей сарматов. Однако они отсутствуют в течение более чем века и появляются только во II в. до н.э., скорее всего, с его середины. И таким образом, сарматы заняли уже давно запустевшую территорию, ранее принадлежавшую скифам. Причиной такой ситуации по данной версии была не агрессия сарматов, а природный фактор – наступление затяжной засухи, что негативно отразилось на основной отрасли хозяйства скифов – кочевом скотоводстве. Кризис в экономике предопределил и кризис социально-политической системы скифского общества (Полин, 1992). Еще одну причину распада Скифии некоторые исследователи видели во вторжении в западные ее пределы кельтов.

Однако эти версии не объясняют тотальных разрушений многих эллинистических и варварских поселений в 70–60-е гг. III в. до н.э. вдоль большей части северного побережья Черного моря, а также, видимо, и уничтожение ряда поселений в лесостепной зоне Скифии. А.П. Медведев, анализируя эту ситуацию, пришел к следующему выводу: «По существу мы имеем дело с конкретно-историческим проявлением универсального “закона степей” эпохи кочевого хозяйства, выражающегося в периодическом и неуклонном движении кочевых орд с востока на запад при военном преобладании восточных номадов над западными» (Медведев, 1999, с. 152).

Если обратиться к ситуации, сложившейся на восточных рубежах Скифии в IV в. до н.э., то следует констатировать, что здесь происходят существенные изменения. Начиная от Дона и на восток, включая Нижнее Поволжье, Южное Приуралье и Западный Казахстан, распространяются памятники иной археологической культуры, элементы которой найдут широкое распространение в раннесарматской культуре (Клепиков, Скрипкин, 1997; Скрипкин, 2016а).

Этнополитическая ситуация в этом обширном регионе реконструируется следующим образом. В V в. до н.э. в Южном Приуралье образуется мощное племенное объединение во главе с даями (дахами). Его центром являлись территории, прилежащие к левому притоку Урала – Илеку. Здесь сосредоточены крупные курганные могильники, в том числе и один из наиболее известных – Филипповский, являвшийся местом захоронения высшей знати этого объединения. Обнаруженные в указанных курганах дорогие уникальные вещи, являющиеся шедеврами древнего искусства и символами власти, свидетельствуют о прошлом могуществе погребенной здесь кочевнической знати.

Видимо, уже в первой половине IV в. до н.э. это южноуральское объединение кочевников начинает распространять сферу своего присутствия в западном направлении в сторону степной территории Поволжья и Нижнего Дона, естественной зоны обитания кочевников. На Дону и в Поволжье появляются подкурганные погребения, по обряду и материальной культуре находящие близкие аналогии в предшествующих и синхронных памятниках Южного Приуралья. Это так называемые диагональные погребения и погребения в дромосных ямах, в таком сочетании известные только в Южном Приуралье. Определенные типы керамики с примесью талька в тесте, мечи со сломанным под тупым углом или овальным перекрестием, так называемые диагональные погребения и погребения в дромосных ямах, появившиеся с IV в. до н.э. в Волго-Донском регионе, явно связаны с культурой кочевников Южного Приуралья. В то же время наряду с археологическими инновациями на территории, прилегающей к Нижнему Дону, в том числе и его правобережью, письменные источники фиксируют появление новых кочевников, именуемых сирматами (Скрипкин, 2009б, с. 171–192). Сирматы, скорее всего, являлись одним из подразделений дахского племенного объединения. Начало их активности на восточных рубежах Скифии фиксируется возведением укреплений вокруг поселений Нижнего Дона и Кубани, происходящее на середину IV в. до н.э. Эта акция восточных кочевников была, видимо, вызвана необходимостью ослабления своего естественного соперника в степях на юго-востоке Европы, кото-

рым являлись скифы, и обеспечения выхода к побережью Черного моря с его греческими городами (Скрипкин, 2010, с. 184–191). Дальнейшего развития эта акция в IV в. до н.э. не получила, что может объясняться, видимо, распадом дахского племенного союза. Об этом свидетельствует прекращение сооружения курганов дахской высшей знати в Южном Приуралье в последней четверти IV в. до н.э. Причиной указанному могло быть существенное расширение контролируемой дахами территории, в которую входило Южное Приуралье, западно-казахстанские земли и степное пространство вплоть до Дона. Сложность осуществления единого контроля за столь обширным пространством привела к обособлению отдельных территорий и образованию на них самостоятельных этнополитических объединений, ранее входивших в дахский союз. К востоку от Дона появляется область, именуемая Сарматией, впервые она была зафиксирована Теофрастом (372–287 гг. до н.э.) (*О водах*, фр. 172). Сокрушительный удар по Скифии, о котором говорил Диодор, был нанесен кочевниками уже с территории Сарматии, после чего Скифия как единое этнополитическое целое прекращает свое существование.

ТЕМА 4. САРМАТЫ

Вопросы:

1. Характеристика источников.
2. Происхождение сарматов.
3. Расселение и внешнеполитическая активность сарматов.
4. Проблемы социально-политической организации.

1. Характеристика источников

В настоящее время в изучении истории сарматов кроме традиционных источников, которыми являются письменные сочинения преимущественно античных историков и географов, а также археологические материалы, в более полной мере могут быть использованы данные таких наук, как антропология, этнография и палеоэкология. Характеристика каждого из названных типов источников может занять достаточно много места, в этом разделе я остановлюсь только на наиболее важных моментах в отношении информативных возможностей каждого из них.

Письменные источники. Первые письменные сведения о сарматах мы находим в сочинениях античных авторов. Территория, занимаемая указанным народом, особенно в ранний период своей истории, являлась далекой периферией античного мира, реальных сведений о сарматах у античных писателей долгое время не имелось. В первом обстоятельном описании Северного Причерноморья и сопредельных территорий, принадлежащем Геродоту, имеются сведения о савроматах, которых позже античные авторы отождествляли с сарматами

Большое значение в информированности греческой исторической литературы о других народах имел восточный поход Александра Македонского, приведший к падению Персидской державы. Армия Александра дошла в 329 г. до н.э. до Яксарта (Сырдарья). Историки Александра оставили много новых сведений о народах Средней Азии, которыми пользовались более поздние

авторы. Эти сведения имеют определенное отношение и к нашей теме, поскольку сарматы не только непосредственно соседствовали со Средней Азией, но и находились в родственных отношениях с ее населением (Пьянков, 1997, с. 27–64).

Появление новой информации о народах Северного Причерноморья, Кавказа и сопредельных с ними территорий, в том числе и о сарматах, в сочинениях античных авторов связано с завоевательными акциями Рима в Малой Азии, апогей которых пришелся на так называемые Митридатовы войны, охватившие большую часть первой половины I в. до н.э. Рим столкнулся здесь с ожесточенным сопротивлением Понтийского царства, во главе которого стоял активный царь Митридат VI Евпатор. В планы Митридата входило использование в борьбе против Рима кочевников, живших к северу от Кавказа, им даже замыслился поход из Северного Причерноморья в Италию, – все это нашло отражение в сочинениях историков той эпохи. К сожалению, труды современников тех событий не дошли до нашего времени. Новые сведения о народах к северу от Кавказа и Северного Причерноморья, полученные в то время, во многом сохранились в «Географии» Страбона, написание которой было завершено в начале I в. н.э. (Виноградов В.Б., 1975, с. 36–43). Страбон производит новую этническую карту этих регионов, он впервые упоминает здесь аорсов, сираков, роксоланов, относимых к числу сарматских народов.

На рубеже эр сарматы вышли к границам Римской империи по Дунаю. Превращение бассейна Черного моря в сферу интересов Рима заставляло его контролировать ситуацию в этом регионе и особенно внимательно следить за кочевым миром восточноевропейских степей, откуда исходила реальная угроза римским границам в Подунавье и Закавказье. С этого времени периодически появляются новые сведения об этих народах и связанных с ними событиях, которые нашли отражение в трудах Помпония Мелы, Плиния Старшего, Иосифа Флавия, Корнелия Тацита и других авторов.

Появление новых сведений о степной территории Восточной Европы в определенной мере связано с функционированием Великого шелкового пути, в частности его северного ответвления, шед-

шего через Среднюю Азию на Волгу и Дон и далее к Черному морю. Появившаяся информация о пограничных районах Европы и Азии дала возможность Клавдию Птолемею, жившему в египетской Александрии, очертить границы Азиатской и Европейской Сарматий, перечислить многие народы, жившие там, указать место расположения многих населенных пунктов и рек. Судя по всему, в описании Сарматий, особенно Азиатской, Птолемей пользовался подорожными записями купцов (Ельницкий, 1961, с. 200–203).

Информация о сарматах в сочинениях античных авторов отличается большей фрагментарностью, чем, например, о скифах. В значительной мере она представлена в трудах Страбона, Корнелия Тацита, Клавдия Птолемея, Аммиана Марцеллина, у ряда других авторов она весьма фрагментарна.

В меньшей степени по сарматской тематике используются сочинения древнекитайских авторов. В Китае независимо от античного мира сложилась историческая наука, основателем которой считается Сыма Цянь (145–86 гг. до н.э.). Сыма Цянь и последующие китайские историки уделяли внимание не только событиям, происходившим в самом Китае, на страницах их сочинений сохранились сведения, относящиеся к истории народов, живших по соседству с Китаем, а также и в значительном отдалении от него, но по тем или иным причинам интересовавших китайцев (Боровкова, 2001, с. 8–34).

Интерес к китайским письменным свидетельствам по сарматской и особенно сармато-аланской тематике объясняется тем, что в них содержатся сведения о различных группировках кочевников, обитавших первоначально на восточной периферии евразийского степного пояса и по ряду причин вынужденных продвигаться на запад, где они начинают фиксироваться античными авторами. Наложение китайских и античных письменных свидетельств фиксируется для Средней Азии, где со II в. до н.э. в тех и других сочинениях появляются названия кочевых объединений, существенно изменивших этнополитическую карту этого региона. Как показывают предыдущие исследования, указанные события имеют отношение и к истории сарматов. В интерпретации сведений китайских источников и сопоставлении их с данными ан-

тичных авторов имеется много проблем, не находящихся в современной исторической науке адекватных решений.

Наиболее интересные сведения, имеющие отношение к нашей теме, содержатся в сочинениях Сыма Цяня «Ши цзы» («Исторические записки»), Бань Гу «Ханьшу» («История династии Хань») и Фань Е «Хоу Ханьшу» («История династии Поздняя Хань»). Первые переводы на русский язык частей этих сочинений, касающихся народов Средней Азии, в российском источниковедении принадлежат Н.Я. Бичурину. Они вышли в свет еще в 1851 г., были переизданы в середине прошлого века, не утратив своего научного значения и в наше время (*Бичурин*, 1950).

Исследователями используются армянские и грузинские источники преимущественно в интерпретации событий первых веков н.э., связанных с Кавказом, когда значимую роль в отношениях с народами этого региона начинают играть аланы (Ковалевская, 1984; 2005). Следует отметить, что эти источники достаточно сложно однозначно использовать в тех или иных реконструкциях, поскольку сведения в них зачастую носят полулегендарный характер, так как все они написаны гораздо позже самих событий. Например, «Картлис цховреба» («История Грузии») была составлена по поручению грузинского царя Вахтанга VI в начале XVIII в., куда вошли труды, написанные разными авторами в разное время. К нашей теме имеет отношение самый ранний ее раздел под названием «История картлийских царей», написанный в XI в. Леонтием Мровели, где в описанных событиях I в. н.э. упоминаются овысы, хазары, печенеги. Эти этнические наименования взяты явно из более поздней – Средневековой эпохи.

В целом ряде случаев в изучении истории сарматов используются эпиграфические источники. В основном все они происходят из греческих поселений и городов Северного Причерноморья, это разного рода посвятительные, надгробные надписи, декреты. В некоторых из них имеется информация о соседнем сарматском населении, об его участии в отдельных событиях. Этот вид письменных источников отличается тем, что он, как правило, одновременно отражаемым событиям и создан их свидетелями. Надписи на погребальных памятниках дают материал, позволяющий

анализировать этнический состав того или иного населенного пункта, в отдельных случаях выявить в нем варварский компонент. Ряд эпиграфических памятников уже неоднократно использовался в реконструкции событий, в которых принимали или могли принять участие сарматы. К ним, например, относятся: декрет в честь Протогена, происходящий из Ольвии; херсонесские декреты в честь Диафанта и «о несении Диониса», Мангупская надпись. Эпиграфический материал в отдельных случаях не только дает сведения о варварском окружении того или иного античного города, но даже отмечает изменения в его составе. Примером в данном случае являются надписи Танаиса. Обширный ономастический материал этих надписей позволяет выделить отдельные хронологические пласты имен собственных сарматского происхождения, что связано с этническими изменениями в варварском окружении Танаиса (Шелов, 1972б, с. 232–259).

Археологические данные. В письменных источниках сарматы характеризуются как кочевники, связанные с ними археологические памятники подтверждают это. Археологически сарматы в большинстве своем представлены погребальными памятниками, которыми являются погребения под курганными насыпями. Чаще всего курганы с сарматскими погребениями располагаются на высоких террасах больших и малых рек или в глубинной степи по водоразделам. Величина кургана обычно зависела от статуса погребенного. Большинство сарматских курганов имеет небольшие размеры, зачастую до 1 м высотой и полтора – два десятка метров в диаметре, что отражает естественное преобладание рядового населения в сарматском обществе. Отдельные курганы сарматского времени достигают нескольких метров в высоту. Так, например, раскопанный в Оренбургской области археологами курган у с. Филипповка, ставший широко известным своими уникальными находками, имел ко времени раскопок высоту более 7 м и диаметр 120 м. Этот курган до раскопок его археологами много раз подвергался ограблениям искателями кладов, что привело к значительным изменениям первоначальной его формы. Полагают, что его исходная высота была гораздо большей.

Первые раскопки сарматских памятников и их интерпретация были осуществлены на рубеже XIX–XX веков. В 1895 г. в Нижнем Поволжье профессиональным археологом, профессором Санкт-Петербургского университета А.А. Спицыным были раскопаны курганы у с. Машевка на территории теперешней Саратовской области и у сел Новая Норка, Гуселка и Лебяжье на реке Иловле в теперешней Волгоградской области. Несмотря на относительно небольшой полученный материал, А.А. Спицын впервые, по крайней мере для Нижнего Поволжья, выделил памятники сарматского времени и в основном правильно датировал их (Спицын, 1996, с. 141–154). В самом начале XX в. другой известный археолог В.А. Городцов выделил целый пласт сарматских погребальных комплексов по материалам своих раскопок в Харьковской губернии на Украине (Городцов, 1905; 1907). В то же время на Кубани масштабные раскопки сарматских курганов рубежа – начала нашей эры проводит Н.И. Веселовский. Им было раскопано более ста курганов. Особой известностью пользуются его раскопки курганов вдоль правого берега Кубани у станиц Усть-Лабинская, Тифлисская, Казанская. Несмотря на массовое их ограбление до раскопок, они дали ценный материал, впоследствии постоянно использовавшийся археологами в своих исследованиях. Частые находки в этих курганах вещей, изготовленных из золота, послужили поводом для автора раскопок назвать эти курганы «Золотым кладбищем» (Гущина, Засецкая, 1994).

С начала 20-х гг. прошлого века постоянные археологические раскопки проводятся в Нижнем Поволжье, которое оказалось весьма насыщенным сарматскими курганами. Главную роль в их организации играют ученые Саратова, единственного в то время университетского города в Нижнем Поволжье. Значительный вклад в исследование археологических памятников в регионе внес профессор П.С. Рыков, основатель саратовской археологической школы. Активная деятельность П.С. Рыкова и его учеников вплоть до второй половины 30-х гг. способствовала интенсивному накоплению археологического материала по разным периодам древней истории Поволжья, в том числе и по сарматам (Скрипкин, 2015а, с. 126–136). Важным событием для сарматской археологии было

исследование П.С. Рыковым в 1924 и 1926 гг. Суловского курганного могильника, включавшего 70 насыпей. Впервые в Нижнем Поволжье был раскопан компактный курганный могильник, содержащий преимущественно сарматские комплексы и давший возможность приступить к разработке типологии, хронологии и решению других проблем складывающейся сарматской археологии (Рыков, 1925). Важно было и то, что в 20–30-е гг. XX в. в результате деятельности саратовских археологов практически все районы Нижнего Поволжья были охвачены археологическими исследованиями: правый и левый берег Волги, междуречье Волги и Урала, Калмыкия.

Большой объем археологических исследований был выполнен учеником П.С. Рыкова П.Д. Рау, который за очень короткий срок, с 1925 по 1930 г., на территории бывшей Республики немцев Поволжья раскопал около двухсот курганов, содержащих преимущественно сарматские комплексы. Кроме того, за это же время он сумел издать несколько книг, внесших существенный вклад в разработку научной периодизации савромато-сарматских древностей (Рау, 1927; 1929).

В конце 40-х – первой половине 50-х гг. Нижнее Поволжье стало местом двух крупнейших строек: Волго-Донского судоходного канала и Волжской ГЭС. Кроме того, сооружалась Цимлянская ГЭС с одноименным водохранилищем на Дону. В зонах новостроек стали работать археологические экспедиции: Волго-Донская и Сталинградская. Особенно большой материал по сарматам был получен Сталинградской экспедицией, которая состояла из нескольких отрядов, руководимых К.Ф. Смирновым, И.В. Сеницыным и В.П. Шиловым. Они занимались в основном раскопками курганных могильников. Ими было исследовано более 1 500 древних погребений, значительная часть которых относилась к сарматскому времени (Памятники Нижнего Поволжья, 1959; Древности Нижнего Поволжья, 1960).

По завершению работ в зоне строительства Волжской ГЭС экспедиции, руководимые В.П. Шиловым и И.В. Сеницыным, продолжали долгое время проводить исследования на территории Нижнего Поволжья. Они раскопали ряд крупных курганных мо-

гильников в пределах Волгоградской, Астраханской областей и Калмыкии (рис. 15).

Рис. 15. Фалар, деталь конской узды из сарматского погребения в районе пос. Жутово Волгоградской области

С 70-х гг. вновь активизируются археологические раскопки в Нижнем Поволжье, что было связано со строительством целого ряда крупных оросительных систем. Крупномасштабные раскопки проводит Поволжская археологическая экспедиция под руководством Г.А. Федорова-Давыдова. Только в урочище Кривая Лука Черноярского района Астраханской области было исследовано 35 курганных групп. В результате этих раскопок получен большой и достаточно ценный материал по различным периодам сарматской культуры (Древности Астраханского края, 1977).

Выделение значительных средств в 70–80-е гг. прошлого века на раскопки в зонах строительства оросительных систем в Поволжье способствовало подъему местной археологии. В област-

ных центрах – Самаре, Саратове, Волгограде, Астрахани – при высших учебных заведениях были созданы археологические лаборатории, сотрудники которых активно включились в исследование археологических памятников в зонах новостроек. В 80-е гг. крупномасштабные раскопки проводятся в Калмыкии в связи со строительством канала Волга – Чограй, участие в которых принимали археологи из Элисты, Москвы, Самары, Волгограда. Аналогичные события происходили и в других регионах, на Нижнем Дону и Северном Кавказе. Строительство крупных оросительных систем на территории Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев также привело здесь к созданию местных коллективов, выполнявших большой объем археологических исследований. Количество раскопанных сарматских памятников в этот период возрастает в несколько раз.

Особое значение для изучения сарматской культуры, ее становления и развития имели археологические исследования в Южном Приуралье. Начало систематического изучения памятников сарматского времени в этом регионе связано с именем Б.Н. Гракова. В конце 20-х гг. прошлого века в оренбургских степях им была исследована весьма представительная группа подкурганых погребений савромато-сарматского времени у поселков Неженский и Благодословенский (курганные группы Алебастрова гора, Башкирское стойло, Красный яр, Маячная гора и др.). Было раскопано 39 курганов, в которых обнаружено 61 погребение преимущественно V–IV вв. до н.э. (Археологические экспедиции ..., 1962, с. 49).

В крупных масштабах, начиная с 1956 г. и в течение многих последующих лет, археологические раскопки в Южном Приуралье проводила Оренбургская экспедиция Института археологии АН СССР, возглавляемая К.Ф. Смирновым. Этой экспедицией был исследован целый ряд курганных могильников, содержащих погребальные комплексы савроматского и преимущественно раннесарматского времени. Особую значимость имеют раскопки в бассейне левого притока Урала Илека, где были обнаружены такие курганные могильники, как Увак, Мечет-Сай, Пятимары, Близнецы, давшие великолепные материалы для изу-

чения кочевых обществ раннего железного века данного региона (Смирнов, 1975).

Особую известность получили раскопки А.Х. Пшеничнюка в Оренбургской области у села Филипповка на Илеке. Здесь в уже упоминавшемся крупном кургане было обнаружено большое количество высокохудожественных вещей из золота, значительно дополняющих наши представления о материальной культуре сарматов, их экономических и культурных связях, социальной стратификации их общества (Золотые олени Евразии, 2003) (рис. 16).

Рис. 16. Стилизованная фигура оленя.
Филипповский курган, Оренбургская область

Традиции, заложенные Институтом археологии РАН в исследовании сарматских древностей Южного Приуралья, продолжила Илекская археологическая экспедиция того же Института под ру-

ководством Л.Т. Яблонского. В рамках указанной экспедиции проведены масштабные раскопки нескольких курганных групп в районе села Покровка, давшие значительный материал по разным периодам истории сарматов (Курганы левобережного Илека, 1993; 1994; 1995; 1996). Важным с позиции изучения раннесарматской культуры является исследование экспедицией курганов у с. Прохоровка Оренбургской области, самовольно раскопанных еще в начале XX в. местными крестьянами. Ранее материалы не полностью раскопанных четырех прохоровских курганов были положены в основу выделения раннесарматской культуры, именованной по названию села прохоровской. Эти исследования позволили завершить разгоревшуюся было дискуссии о хронологической позиции и разнородной культурной принадлежности прохоровских курганов на основе неполных данных о них (Яблонский, 2010). Экспедицией, возглавляемой Л.Т. Яблонским, были продолжены исследования одного из наиболее ярких памятников сарматского времени Южного Приуралья – Филипповского курганного могильника. Раскопки ряда курганов этого могильника, также подвергшихся ограблению, дали серию уникальных находок, подтверждающих высокий статус погребенных в них людей (Яблонский, 2013).

Дно-волго-уральские степи являются древнейшей территорией обитания савроматских и сарматских племен. Несколько позже сарматы начинают осваивать степи Северного Причерноморья, и к рубежу эр они выходят к Дунаю, непосредственно вступая в контакт с пограничными районами Римской империи. На всей этой территории также проводились археологические исследования сарматских памятников. Назовем более значимые из них. Первые сарматские погребения в Северном Причерноморье были открыты еще в XIX веке. Как уже отмечалось выше, в начале XX в. серия сарматских погребальных комплексов была исследована В.А. Городцовым в Изюмском уезде Харьковской губернии и в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии (Городцов, 1905; 1907). Компактные сарматские могильники в середине XX в. были открыты и исследованы в Запорожской области в районе села Ново-Филипповка и совхоза Аккермень Молочанской экспедицией Института археологии Украинской АН под руковод-

ством А.И. Тереножкина. Всего здесь было раскопано 42 сарматских погребения преимущественно первых веков н.э. (Вязьмитина, 1954, с. 220–244).

В 70-е гг. прошлого века экспедицией Днепропетровского университета был раскопан целый ряд курганных могильников в междуречье Самары и Орели, левых притоков Нижнего Днепра. К началу 80-х гг. прошлого века между Доном и Днестром было учтено более четырехсот сарматских погребальных комплексов и случайных находок, имеющих отношение к сарматской культуре (Костенко, 1983).

На правом берегу Днепра в районе села Усть-Каменка экспедициями Института археологии Украинской АН были начаты в 1951 г., а Днепропетровским университетом закончены в 1983 г. исследования крупного курганного могильника, содержавшего более 60 сарматских погребений (Костенко, 1993).

Кроме того, в разных местах Северного Причерноморья периодически исследовались отдельные сарматские погребальные комплексы, среди которых встречались довольно богатые погребения, принадлежащие знати. Это погребение в кургане Соколова Могила на Южном Буге, раскопанном в 1974 г., погребения из кургана 2 у села Пороги на Днестре, открытом в 1984 г.; погребение в Ногайчинском кургане 4 в Крыму.

Таким образом, количество открытых сарматских погребальных памятников на территории Северного Причерноморья постоянно росло. Если в середине прошлого века количество их между Доном и Южным Бугом было равно примерно двумстам (Смирнов, 1954, с. 211), то к концу этого века между Доном и Прутом вместе со случайными находками их уже насчитывалось более тысячи двухсот (Симоненко, 1999, с. 2).

В разное время археологические памятники, принадлежащие различным сарматским группировкам, были открыты и в более западных районах – в Нижнем Подунавье и на территории Молдавии (Гудкова, Фокеев, 1984; Гросу, 1990), известны они в Румынии и Венгрии (Istvánovits, Kulcsár, 2017). Сарматы оставили археологический след в Центральной и Западной Европе. Известно, что аланы, выходцы из исконных сарматских земель, прошли че-

рез всю Европу, с ними исследователи отождествляют ряд памятников и находок на территории Германии, Британии, Франции, Испании (Кузнецов, 1992, с. 62–82). Кроме того, сарматы оказали влияние на культуру народов Европы, что проявляется и в археологических материалах.

Таким образом, за более чем вековой период исследования сарматских древностей накопился гигантский по своему объему материал, счет которого идет на тысячи комплексов, и его обработка и тем более интерпретация еще далеки от своего завершения.

Антропологические материалы. Изучение сарматского антропологического материала началось гораздо позже первых раскопок их памятников. Старт этому направлению в отечественной науке был положен работами известного ученого Г.Ф. Дебеца. С началом крупномасштабных раскопок в Нижнем Поволжье со середины XX в. появляется ряд работ по антропологии сарматов с использованием нового материала. Существенным вкладом в антропологическое изучение сарматов являлась обобщающая работа Б.В. Фирштейн (1970), в которой исследовательница, опираясь на материалы предыдущих раскопок на территории Саратовской и Волгоградской областей, сделала ряд достаточно интересных выводов по схожести и различию в антропологическом отношении сарматского населения разных периодов.

Антропологические исследования осуществлялись как в отношении отдельных регионов, так и отдельных памятников сарматской культуры. Проблемам антропологии сарматов Южного Урала были посвящены работы М.С. Акимовой, Т.С. Кондуктовой, Л.Т. Яблонского.

В значительной мере изучение сарматского антропологического материала активизировалось в связи с появлением специалистов по палеоантропологии в провинции. При Волгоградском госуниверситете была открыта Лаборатория палеоантропологических реконструкций, возглавляемая М.А. Балабановой, известной в научном мире благодаря серии ее работ, в том числе и монографического исследования, по антропологии сарматов (Балабанова, 2000).

Научные результаты исследований антропологов имеют приоритетное значение для реконструкции этногенетических процессов. Решение этой проблемы на основе археологических данных, преемственности или отсутствия таковой в погребальном обряде и материальной культуре зачастую затруднено неоднозначностью интерпретации данных показателей. В этом отношении антропологический материал более объективен, он позволяет выявить основные компоненты в формировании того или иного этноса. Решающее значение он имеет в выявлении и направленности миграций, ассимиляций и некоторых демографических процессов в истории древних этносов.

Этнографические источники. Несмотря на то что сарматы сошли с исторической арены более полуторы тысяч лет назад, есть возможность при реконструкции некоторых сторон их быта, характера хозяйства, общественных отношений использовать более поздние этнографические материалы.

Правомерность такого подхода может объясняться тем, что экономический уклад, основанный на кочевом скотоводстве, по мнению многих исследователей, не претерпел существенных изменений вплоть до Нового времени. Привлечение более поздних этнографических аналогий в изучении истории ранних кочевников неоднократно и успешно использовалось многими исследователями (Хазанов, 1975; Марков, 1976), этот метод общепризнан, в его корректности нет оснований сомневаться.

Различного рода этнографические материалы сохранились из кочевой истории казахов, ногайцев, калмыков. Интересные данные для сопоставления дают нам материалы по этнографии калмыков, поскольку калмыки, являясь кочевниками, появившимися в 30–40-е гг. XVII в. в Нижнем Поволжье, заняли ту же экологическую нишу, какую гораздо раньше занимали сарматы, что должно определять схожесть форм ведения хозяйства, быта, некоторых сторон социальной и политической организации общества. Понятно, что калмыцкие этнографические параллели не могут прямо проецироваться на сарматское общество, но они помогают глубже понять общие тенденции развития кочевых сообществ. В-третьих, можно говорить о зарождении традиции привлечения данных кал-

мышкой этнографии к исследованию сарматской проблематики (Хазанов, 1974, с. 213–219; Скрипкин, 2016б, с. 131–135).

Данные палеоэкологии. Древние курганы, в том числе и сарматского времени, являются не только памятниками истории, но и памятниками природы. Так, например, подкурганные погребенные почвы сохраняют многие свои характеристики, относящиеся ко времени сооружения курганных насыпей. Изучением палеопочв занимаются специалисты-почвоведы, которые уже в течение длительного времени совместно с археологами занимаются раскопками археологических объектов. Содружество археологов и почвоведов привело к формированию научного направления, получившего название «археологическое почвоведение».

Одним из фундаментальных положений почвоведения является утверждение – «почва обладает памятью». Подкурганные почвы, относящиеся к разным эпохам и временным периодам, сохраняют биологические, химические и физические характеристики. Это дает уникальную возможность установить особенности климатических и экологических условий в тот или иной период времени. Поскольку эти условия оказывали значительное влияние на жизнь древнего общества, применительно к нашей теме есть возможность реконструировать влияние экологических факторов на жизнь сарматских объединений, их миграции, на выявление причин освоения сарматами тех или иных регионов (Демкин, Борисов, Удальцов, 2010).

2. Происхождение сарматов

Наиболее достоверные ранние сведения о сарматах относятся к III в. до н.э. Их история, особенно в ранний период, крайне скудно освещена письменными источниками. Более определенно, исходя из весьма ограниченного круга письменных источников, одним из наиболее ранних следует считать географическое название «Сарматия», зафиксированное у Теофраста в его сочинении «О водах», написанном на рубеже IV–III вв. до н.э. Сарматия, судя по лаконичному сообщению Теофраста, должна была располагаться по соседству со Скифией (*О водах*, фр. 172). Учи-

тывая античную письменную традицию, Сарматия должна была занимать земли в непосредственной близости от Танаиса (Дона). Примерно веком спустя, Деметрий в передаче Псевдо-Скимна у Танаиса помещает сарматов, причем на его левом (азиатском) берегу, указывая, что они занимали пространство в 2 000 стадий, но не сообщая, в каком направлении (*Землеописание*, 874–885).

Весьма интересные сведения по рассматриваемому вопросу дает эпиграфический материал. В конце прошлого века Ю.Г. Виноградовым была предпринята попытка нового прочтения эллинистического декрета о «несении Диониса», обнаруженного в 1906 г. в Херсонесе и датированного В.В. Латышевым III в. до н.э. В варианте перевода декрета, принадлежащем Ю.Г. Виноградову, упоминаются «полчища сарматов», готовых вторгнуться на территорию Крыма. Ю.Г. Виноградов уточнил дату этого декрета, определив ее в пределах первой четверти III в. до н.э., не исключая и более узкой даты – 280 г. до н.э. (Виноградов Ю.Г., 1997, с. 104–124). Таким образом, сарматы уже в это время были известны населению античных городов, по крайней мере Северо-Восточного Причерноморья, и Крым был в зоне их досягаемости.

Спорно, как мне представляется, мнение об упоминании сарматов в сочинениях античных авторов IV в. до н.э., которое впервые было высказано М.И. Ростовцевым. Основана эта версия на анализе источников перипла Псевдо-Скимна, автора II–I вв. до н.э. М.И. Ростовцев не без основания считал Эфора (IV в. до н.э.) одним из основных информаторов Псевдо-Скимна в описании Северного Причерноморья и поэтому предположительно считал, что сведения о сарматах, содержащиеся у Псевдо-Скимна, могли быть заимствованы им у Эфора. Однако в самих рассуждениях М.И. Ростовцева о наследии Эфора приводятся данные, которые позволяют усомниться в наличии в его «Истории» новых оригинальных этнографических сведений о восточных районах Северного Причерноморья. М.И. Ростовцев отмечал сильную зависимость Эфора от Геродота. Вот несколько его высказываний на этот счет: «...там, где мы имеем несомненно Эфоровскую традицию, мы сейчас же замечаем тесную связь с Геродотом»; «Тесная связь Эфора с Геродотом позволяет, может быть, думать,

что для северного побережья Черного моря Эфор вообще удовлетворился Геродотом...» (Ростовцев, 1925, с. 28, 29). При такой зависимости Эфора от Геродота навряд ли информация о сарматах могла быть получена им от Геродота, поскольку последний таковой не располагал, у него упоминаются только савроматы.

Существует мнение, что название «Сарматия» появляется в сочинении Гераклида Понтийского (390–310 гг. до н.э.). Однако подлинный текст Гераклида не сохранился. Об этом говорит Антигон Каристский, живший в III в. до н.э., причем ссылаясь на Каллимаха (310–235 гг. до н.э.), что якобы в Сарматии есть озеро с дурным запахом, которое не может перелететь ни одна птица. Это озеро некоторые исследователи отождествляют с Сивашом. Многоступенчатая передача информации в античной литературной традиции зачастую чревата поздними вставками. Мы не можем абсолютно исключить возможность того, что географическое название «Сарматия», приписываемое Гераклиду, на самом деле принадлежит последнему информатору – Антигону Каристскому. Тем более что два автора I в. до н.э., Исигон Никейский и Сотийон, пересказывая тот же фрагмент из сочинения Гераклида, говорят не о Сарматии, а о «земле савроматов», где это озеро находится (Мачинский, 1971, с. 49).

К IV в. до н.э. относится информация в некоторых источниках о сирматах. Это сообщение Эвдокса в передаче более позднего автора Стефана Византийского, который говорит о сирматах, живших вблизи Танаиса, а также упоминание сирматов в перипле Псевдо-Скилака, где они более определенно помещаются между Танаисом и скифами, то есть на правом берегу Дона. Существует мнение, что упоминание Эвдоксом сирматов относится к первой половине IV в. до н.э. (Мачинский, 1971, с. 44). Соотношение этнонимов «сирматы» и «сарматы» из письменных источников не ясно. Очевидно, что первый из них появляется раньше второго. Этноним «сирматы» фиксируется, по крайней мере, с IV в. до н.э., а «сарматы» – более или менее убедительно с III в. до н.э. В письменных источниках мы практически не находим никаких версий относительно происхождения сарматов. Античные авторы обычно отождествляли сарматов с их предшественниками –

савроматами, считая, что в происхождении последних существенную роль сыграли скифы.

По археологической версии происхождение сарматов связано с Южным Приуральем. В IV в. до н.э. здесь завершается формирование так называемой прохоровской культуры, за которой закрепился статус раннесарматской культуры (Мошкова, 1974). В Южном Приуралье в V–IV вв. до н.э. сформировалось достаточно мощное объединение кочевников. Об этом свидетельствуют крупные курганные могильники, часто содержащие насыпи больших размеров. Раскопки этих курганов, несмотря на их ограбление, дали уникальные находки, являющиеся произведениями искусства, в большинстве своем выполненные из золота (The Golden Deer of Eurasia ..., 2000; Сокровища сарматских вождей ..., 2008). Видимо, политическим центром этого объединения был бассейн Илека, левого притока Урала, где располагались такие известные курганные могильники, как Филипповка, Тара-Бутак, Мечет-Сай, Пятимары и др.

По одной из концепций признаки прохоровской культуры начинают формироваться в Южном Зауралье еще с конца VI – V в. до н.э. в результате взаимодействия различных этнических компонентов: местного, представленного бобровско-тасмолинской культурой; саков Юго-Восточного Приаралья; скифов восточно-европейских степей и лесостепи; кочевников Северного и Северо-Западного Китая. В конце V – начале IV в. до н.э. в результате наступившей аридизации в Южном Зауралье происходит переселение кочевников из этих мест в степные районы Южного Приуралья. Новый приток кочевников на Южный Урал пришелся на последнюю четверть IV в. до н.э., он был вызван дестабилизацией обстановки на южных границах расселения кочевников в связи с вторжением Александра Македонского в Среднюю Азию (Таиров, Гуцалов, 2006, с. 321–341).

Отдельные положения указанной концепции в настоящее время могут существовать на уровне научных гипотез. Особенно это касается слагаемых компонентов на начальной стадии формирования прохоровской культуры: участия в этом процессе европейских скифов и кочевников, пришедших в Южное Зауралье от гра-

ниц Китая. По крайней мере, эти версии требуют дальнейшего углубленного исследования.

Бесспорным является факт разнокомпонентной этнической основы формирования прохоровской культуры. Антропологические данные свидетельствуют о сложности генетических процессов в это время в Южном Приуралье (Яблонский, 2006, с. 360, 361).

Из всех ранее высказанных версий об этнической принадлежности кочевников Южного Приуралья, оставивших погребальные памятники V–IV вв. до н.э., наиболее убедительной является та, которая обосновывает их связь с племенным объединением во главе с даями (дахами) (Балахванцев, 2005, с. 64–67; Скрипкин, 2013а, с. 21–25). Наиболее подробная информация о месте обитания даев приводится в «Географии» Страбона, написанной на рубеже эр, в ней также используются сведения и более ранних авторов. Страбон помещает даев во второй части северной Азии с левой стороны при входе в Каспийское море, которое он воспринимал как узкий залив, идущий от Северного океана, постепенно расширяющийся к югу. Из контекста «Географии» следует, что даи должны были занимать территории к северо-востоку от Каспийского моря. Страбон отмечал, что «большинство скифов, начиная от Каспийского моря, называются даями» и что в состав даев входили различные группировки со своими именами (*География*, XI, VII, 1; VIII, 2).

В IV в. до н.э. в связи с рядом причин политического, демографического и экологического характера начинается миграция южноуральских кочевников в другие районы. Одним из наиболее изученных направлений этой миграции было западное и юго-западное, в сторону Волги и Дона, а также Северного Кавказа. Другое направление было ориентировано на юг в Среднюю Азию.

Продвижение южноуральских кочевников в районы Поволжья и Подонья носило военный характер. Местное население Волго-Донского региона, вероятно, частично было инкорпорировано в состав нового объединения, в котором ведущие позиции занимали южноуральские кочевники. Об этом, в частности, свидетельствует влияние новых традиций южноуральского происхож-

дения на местное население, отразившееся в погребальной обрядности (Клепиков, 2002а, с. 125–140).

Ряд памятников с элементами прохоровской культуры в саратовском и волгоградском Заволжье позволяет утверждать, что продвижение сюда южноуральских кочевников началось еще в первой половине IV в. до н.э. На Нижнем Дону и в Прикубанье появление новых кочевников с востока начинает ощущаться с середины этого века. Оно фиксируется как погребальными памятниками, так и наличием оборонительных сооружений на Елизаветовском городище в дельте Дона и на правобережных меотских городищах на Кубани, возведение которых было вызвано дестабилизацией ситуации в этих районах (Виноградов Ю.А., Марченко, Рогов, 1997, с. 6–27; Марченко, 1996, с. 117, 118).

На Нижнем Дону появление кочевников с востока по времени практически совпадает с фиксацией в античных источниках этнонима «сирматы». На Кубани кочевников того же круга, оставивших погребальные памятники с элементами прохоровской культуры, исследователями принято отождествлять с сираками. С III в. до н.э. наблюдается нивелировка прохоровской культуры на большой территории – от Нижнего Поволжья до Южного Урала, где памятники названной культуры становятся практически не различимы.

Существует мнение, что этноним «сирматы» – это неточно переданное первыми информаторами название «сарматы». Однако этноним «сирматы» встречается у нескольких независимых авторов, кроме упоминавшихся Эвдокса и Псевдо-Скилака, еще у Плиния, что свидетельствует о значительной его устойчивости. Так или иначе с сирматами, видимо, связано становление сарматского этноса в Волго-Донском регионе. По крайней мере, с сирматами может отождествляться начальный этап утверждения здесь южноуральских кочевников, для которого в археологическом материале характерно сочетание раннепрохоровских элементов и культурных элементов обитавших здесь ранее савроматов. Южноуральское племенное объединение во главе с дахами в IV в. до н.э. существенно расширяет подконтрольную им территорию. Археологические памятники, отождествляемые с даха-

ми, появляются в Средней Азии (Балахванцев, 2005, с. 64–67). Ориентировочно в конце IV в. происходит распад дахского племенного объединения, причиной которого, вероятно, была невозможность эффективно осуществлять контроль над огромной территорией от Дона до Средней Азии. Вслед за этими событиями к востоку от Дона появляется область Сарматия с населением, именуемым сарматами. Одновременно происходит унификация прохоровской культуры, исчезают пережиточные традиции савроматской культуры, а также ранние элементы прохоровской культуры. Перестают практиковаться погребения в дромосных ямах и в подквадратных ямах с диагональным положением умерших, выходят из употребления прежние типы клинкового оружия, керамики и некоторые другие категории вещей. Широко распространяются погребения в ямах с подбоями и простых прямоугольных удлиненных ямах с унифицированным набором вещей: однотипными мечами и кинжалами с серповидным навершием; глиняной лепной посудой, часто орнаментированной по тулову пучками вертикальных линий; бронзовыми зеркалами с валиком по краю диска.

Можно предположить, что ранее в рамках крупного южноуральского объединения кочевников, гетерогенность которого подтверждается антропологическими исследованиями, находились отдельные подразделения кочевников, имевшие свои собственные названия. Формирование прохоровской культуры происходило в основном в рамках объединения, возглавляемого даями (дахами). В начавшейся миграции первые группировки кочевников, входившие в состав дахского объединения, достигли Дона и Кубани, принесли новые культурные традиции. Таких переселений могло быть несколько. На вновь обретенной территории они выступают под собственным именем, которое ранее скрывалось в старом объединении, носившем название племени-гегемона. С наступившей стабилизацией в III в. до н.э. в волго-донских степях оформляется кочевое объединение, в котором стали доминировать кочевники. За ними в письменных источниках закрепилось название «сарматы», а их культура в научной литературе стала именоваться сарматской. Не следует забывать, что «сарматы» – это экзоэтноним, то есть не употребляющийся местным населением или

народом, однако используемый по отношению к ним внешними сообществами, а именно греками, которые придавали ему весьма расширительное толкование.

Антропологические исследования позволяют утверждать, что восточноевропейские степи в течение так называемого сарматского периода испытали ряд очевидных миграций, существенно изменивших антропологический облик кочевого населения данного региона ко времени существования позднесарматской культуры (Балабанова, 2010, с. 67–77).

Евразийские степи не отличались длительной политической стабильностью, периодические миграции зачастую существенно изменяли этнополитическую обстановку в степях на юго-востоке Европы. Так, в результате миграционных процессов, начавшихся в II в. до н.э., в восточноевропейских степях появляются новые, ранее не известные кочевые объединения: сираки, аорсы, роксоланы, сатархи. На рубеже эр или в самом начале I в. н.э. в результате миграции с востока ведущие позиции в этом районе начинают занимать аланы. В середине II в. н.э. вновь произошедшая миграция внесла значительные изменения в культуру предшествующего населения, что свидетельствовало о значительных изменениях здесь этнического порядка. В античной литературной традиции все вновь появляющиеся кочевые народы на территории Сарматии, которая со времени Клавдия Птолемея стала подразделяться на Азиатскую и Европейскую, часто назывались общим именем «сарматы», хотя они могли отличаться по своему происхождению.

3. Расселение и внешнеполитическая активность сарматов

Античная письменная традиция ранних сарматов, как и их предшественников савроматов, обычно помещала у Танаиса и Меотиды. Как уже отмечалось выше, из существующих мнений о времени появления области с названием «Сарматия» предпочтительней является то, которое относит это событие к рубежу IV–III вв. до н.э. Одно из первых упоминаний о Сарматии у Теофраста приведено без какой-либо конкретной ее локализации.

Из контекста его сочинения следует, что эта область должна располагаться рядом со Скифией. Поскольку античные авторы савроматские и сарматские земли помещают у Танаиса или к востоку от него, то надо полагать, что там же должна была располагаться и Сарматия Теофраста. У Теофраста Скифия и Сарматия упоминаются как равноценные области. В античной литературе представления о Скифии сложились как об обширной стране, протянувшейся от Истра (Дуная) до Танаиса (Дона). Можно вспомнить рассуждение Геродота о ее территории, напоминающей квадрат со сторонами в 20 дней пути каждая. Видимо, и Сарматию не следует воспринимать как небольшую область, непосредственно примыкающую к Меотиде и Танаису. Привязка савроматов и ранних сарматов античными авторами только к этим местам была вызвана тем, что они долгое время не имели никакого представления о территориях к востоку от Дона. Танаис вплоть до Страбона воспринимался только как западный рубеж обитания сначала савроматов, а затем и сарматов. Страбон, живший более чем на четыре века позже Геродота, не знал самой крупной реки Европы – Волги.

Достаточно определенно границы Сарматии, разделив ее на Европейскую и Азиатскую, называет Клавдий Птолемей (середина II в. н.э.). Восточная граница Азиатской Сарматии должна определять восточные рубежи Сарматии в целом в представлении античной географии. Надо полагать, что Азиатская часть Сарматии является более древней, нежели Европейская. Азиатская Сарматия по Птоlemeю занимала территорию, ограниченную с запада Танаисом, восточным побережьем Меотийского и частью Понтийского морей. С востока граница Азиатской Сарматии проходила по западному побережью Каспийского моря по реке Ра (Волга) до ее изгиба, южнее нынешнего Волгограда (по предположению В.В. Латышева – район Енотаевки Астраханской области), а затем на некотором расстоянии к востоку от Волги вдоль меридиана на север до неизвестной земли. Южная граница Азиатской Сарматии проходила между Черным и Каспийским морями, через Колхиду, Иберию и Албанию. Северных пределов Азиатской Сарматии Птолемей не указывал (Скрипкин,

1995, с. 84–87). Есть все основания полагать, что такое представление Птолемея о восточных территориях Сарматии, в данном случае Азиатской Сарматии, опиралось на предшествующую античную традицию.

Это следует из того, что с границами Азиатской Сарматии Птолемея практически совпадает первая часть северных районов Азии по Страбону, писавшему за полтора века до Птолемея. Западная ее граница проходила по Танаису, Меотиде и части побережья Евксинского Понта. Восточная – по Каспийскому морю. Каспийское море Страбон считал заливом Северного океана, северная часть которого была достаточно узкой (*География*, XI, VI, 1). Этот своеобразный пролив теоретически можно принять за Волгу. Сарматов Страбон упоминает между Танаисом и Каспийским морем с его узкой северной частью. По общему мнению исследователей, сведения Страбона по этой части его труда восходят к сочинениям авторов III–I вв. до н.э. (Ростовцев, 1925, с. 34, 35, 41, 42; Виноградов В.Б., 1975, с. 36–43). С противоположной стороны Каспийского моря с его узкой частью он помещает «восточных скифов» (*География*, XI, VI, 1). Птолемей также отмечал, что Азиатская Сарматия с востока граничит со Скифией.

Владения савроматов, с которыми античная традиция отождествляла сарматов, также практически совпадают с территорией, очерченной Птолемеем для Азиатской Сарматии (Скрипкин, 2009а, с. 355–358).

Таким образом, ретроспективное рассмотрение сведений о Сарматии, от Клавдия Птолемея до Геродота, позволяет утверждать, что территория междуречья Волги и Дона и, вероятно, Заволжье являлись адекватными ранней Сарматии античных источников. Южное Приуралье, где произошло становление прохоровской культуры, отождествляемой с ранними сарматами, исходя из сведений античных авторов, находилось за пределами Сарматии. Страбон к востоку от «входа в Каспийское море» помещал даев (*География*, XI, VII, 1). Анализ соответствующего текста Страбона не исключает возможности размещения даев в Южном Приуралье. Вероятно, даи, как уже отмечалось выше, стояли во главе объединения кочевников этого района, из которого выделились

сирматы, освоившие земли до Дона и после распада дахского единства закрепившие за собой Волго-Донской регион, который в источниках стал именоваться Сарматией.

С III в. до н.э. сарматы начинают занимать степные районы Северного Кавказа, вступая в контакты с местным населением предгорных и горных районов, сохранявшим традиции кобанской культуры (Абрамова, 1993, с. 97–106; Ковалевская, 2005, с. 67–72).

Начавшаяся дестабилизация политической ситуации в Северном Причерноморье еще в IV в. до н.э. в связи с появлением сирматов к западу от Дона, на территории, которая по данным Геродота ранее принадлежала скифам, получила свое дальнейшее развитие в III в. до н.э. В начале III в. до н.э. происходит запустение Скифии, исчезают «царские» курганы, прекращают использоваться старые родовые кладбища. На 70–60-е гг. III в. до н.э. приходится гибель эллинских и варварских поселений от Дона до Побужья и Поднестровья. Выявлены одновременные разрушения городищ среднедонской культуры в лесостепной зоне между Доном и Днепром. Большинство исследователей эти события связывают с масштабной военной акцией сарматов (Шукин, 1994, с. 83–87; Виноградов Ю.А., Марченко, Рогов, 1997, с. 6–27; Медведев, 1999, с. 145–152).

Не исключено, что сарматами было нанесено несколько ударов по Скифии. Первый из них был направлен непосредственно против скифов на рубеже IV–III вв. или в самом начале III в. до н.э., не затрагивая оседлого эллинского и варварского населения. Повторный удар в конце первой – начале второй трети III в. до н.э. сарматы наносят по оседлому населению Северного Причерноморья, в результате которого на большой территории от низовий Дона до Поднестровья одновременно гибнет большинство торгово-ремесленных и сельскохозяйственных поселений греков и варваров. Эти события могут быть сопоставлены с упоминанием Диодора о тотальном опустошении Скифии савроматами, поскольку в его время сарматов отождествляли с савроматами.

Не совсем ясно, каким образом сарматы осваивали территорию бывшей Скифии. Логично было предположить, что после исчезновения в Северном Причерноморье скифских курганов

здесь без существенного хронологического разрыва должны были появиться погребальные памятники победителей сарматов. Однако сарматские подкурганые захоронения появляются здесь через значительный промежуток времени, не ранее II в. до н.э. (Полин, 1992, с. 124–146; Симоненко, 1993, с. 104–112).

Можно предположить, что сарматы постепенно осваивали территорию Северного Причерноморья, сперва она могла использоваться в качестве кочевий, а их родовые кладбища находились к востоку от Дона. В частности, в сообщении, принадлежащем Диодору Сицилийскому, о нападении савроматов на скифов речь идет не о захвате их земель, а об их опустошении, поголовном истреблении населения и превращении большей части их страны в пустыню (*Библиотека*, II, 43, 7).

М.Б. Щукин считал, что кажущееся отсутствие в Северном Причерноморье сарматских памятников, датируемых III в. до н.э., может объясняться неразработанностью скифо-сарматской хронологии. Он не исключал возможности датировать этим временем ряд погребений с элементами прохоровской культуры в рассматриваемом районе. На их большое количество, как он отмечал, не стоит рассчитывать, поскольку периоды кризисов и политической неустойчивости обычно отмечаются «археологической пустотой» (Щукин, 1994, с. 86).

Со II в. до н.э. сарматские погребения уже достаточно широко представлены на значительной территории, ранее принадлежавшей скифам. В основном они были сосредоточены между Доном и Днепром, отдельные сарматские захоронения этого времени известны и на правобережье Днепра. Такая археологическая ситуация свидетельствует о том, что новые кочевники, относимые к кругу сарматских народов, основательно закрепляют за собой эту территорию, начав сооружать здесь свои родовые кладбища.

Днепр в течение длительного времени оставался западной границей постоянно закрепленных за сарматами земель. Об этом, в частности, свидетельствует и карта видного римского государственного деятеля Марка Агриппы, составленная в середине I в. до н.э. и определяющая Днепр западной границей Сарматии. Основательно

сарматы начинают осваивать земли к западу от Днепра вплоть до Дуная с I в. н.э. Однако, судя по целому ряду сведений, сарматы и раньше появлялись в разных районах Северо-Западного Причерноморья. Страбон упоминает о вынужденном переселении гетов и трибаллов за Дунай в связи с опасностью со стороны других народов, среди которых упоминаются и савроматы. Это событие относится ко времени правления понтийского царя Митридата VI Евпатора. Флор упоминает сарматов к югу от Дуная в 76 г. до н.э. (Дзиговский, 2003, с. 69). В 16 г. до н.э. Гай Луций оттесняет сарматов от Дуная. М.Б. Щукин, оценивая политическую ситуацию в Северном Причерноморье, полагал, что основательный сдвиг сарматов в западном направлении от Днепра мог произойти между 18-м и 60–70-ми гг. н.э. (Щукин, 2005, с. 62, 63).

В освоении сарматами новых земель наблюдается определенная цикличность, которая инициировалась миграционными импульсами с востока. Вначале в результате миграций в Южное Приуралье кочевников из Южного Зауралья, Средней Азии и более восточных районов создается мощная группировка кочевников, которая в IV в. до н.э. расширяет свою территорию на запад до Дона. Далее в западном направлении они только дестабилизируют политическую ситуацию, нанося удары по Скифии и населенным пунктам Северного Причерноморья.

Во II в. до н.э. на значительном евразийском степном пространстве происходят крупномасштабные миграционные процессы, существенно изменившие этническую карту многих регионов, от западных границ Китая до Северного Причерноморья. Эти миграции были спровоцированы хунну, основавшими в конце III в. до н.э. мощную кочевую империю, которая проводила агрессивную политику по отношению к своим соседям. Изгнание хунну со своих земель юэчжей, а затем усуней привело к подвижке сако-массагетского мира Средней Азии, падению Греко-Бактрийского царства. Эти события оказали влияние и на этнический состав населения степей Восточной Европы. Здесь появляются новые названия отдельных кочевых объединений. В материальной культуре появляются вещи, обнаруживающие далекие восточные аналогии. В погребальных памятниках распространяется северная

ориентировка погребенных, не типичная для Волго-Донского региона в это время. В Северном Причерноморье она становится господствующей. Все эти факты свидетельствуют о притоке нового кочевого населения с востока в восточноевропейские степи (Скрипкин, 2000, с. 17–40). Увеличение кочевого населения Сарматии привело во II в. до н.э. к окончательному освоению сарматскими территориями между Доном и Днепром. Области же, расположенные западней Днепра, до рубежа эр в основном были объектами их отдельных военных акций.

Заселение сарматами областей между Днепром и Дунаем по времени практически совпадает с появлением новых кочевников на восточных рубежах Сарматии – аланов, в связи с чем происходит сдвиг ранее обосновавшихся в волго-донских и северопричерноморских степях сарматских объединений к границам Римской империи по Дунаю (Щукин, 1994, с. 210–211).

Таким образом, население Сарматии периодически пополнялось за счет той обширной области, которая в античной географической литературе именовалась Азиатской Скифией, располагавшейся к востоку от Волги и Каспийского моря. Неисчерпаемый людской ресурс этой области обеспечивал постоянную пополняемость населения Сарматии. Уход различных сарматских группировок из Азиатской Сарматии на запад никогда не приводил к ее запустению (Skripkin, 1994, p. 279–284).

Не исключено, что первоначально сарматами называлась одна группировка кочевников, в более позднее время этот этноним античными авторами стал использоваться как собирательный для различных кочевых объединений, обитавших на территории Азиатской и Европейской Сарматий. Одним из первых упоминает о сарматах Деметрий Каллатийский (III–II вв. до н.э.), в передаче Псевдо-Скимна он говорил о сарматах, живущих за Танаисом в Азии (Азиатской Сарматии). Их территорию он определял в 2 000 стадий – это примерно 370–390 км (*Землеописание*, 874–885). Если это расстояние исчислять от Дона на восток, то в зону обитания этих сарматов войдет и Поволжье. Через незначительный промежуток времени сарматов как отдельное подразделение фиксирует Полибий. В связи с заключением мирного догово-

ра в 179 г. до н.э. рядом понтийских государств упоминается царь европейских сарматов Гатал (*История*, XXV, 2, 12). Существует спор среди исследователей о конкретном месте расположения сарматов Гатала. Более предпочтительным кажется мнение об обитании этих сарматов к западу от Дона (Танаиса), который по наиболее распространенной версии в античное время считался границей между Европой и Азией. Были сарматы, упомянутые Деметрием и Полибием, одним политическим объединением или разными – ответить трудно. Специальное подчеркивание Полибием, что Гатал являлся царем европейских сарматов, наводит на мысль о том, что были еще и азиатские сарматы.

Новая этнокарта расселения сарматов принадлежит Страбону, которая сложилась, видимо, после миграций II в. до н.э. В пределах Азиатской Сарматии, границы которой позже очертил Птолемей, он поместил сираков и аорсов, которые, по его мнению, являлись изгнанниками из племен, «живущих выше», причем аорсы обитали северней сираков. Аорсов Страбон подразделяет на две самостоятельные группировки: аорсы, живущие «по течению Танаиса», и верхние аорсы, владевшие «большой частью побережья Каспийского моря» (*География*, XI, V, 8). Если соотнести это расселение с современной картой, то сираки должны были занимать Прикубанье и Восточное Приазовье, аорсы – левобережье Нижнего Дона, а верхние аорсы – северо-западные районы Прикаспия и Нижнее Поволжье.

Между Доном и Днепром Страбон помещал роксоланов (*География*, II, V, 7; VII, III, 17). Из его сообщения следует, что роксоланы занимали этот район уже во II в. до н.э. Между Днепром и Дунаем Страбон упоминает языгских сарматов и царских сарматов, которые здесь появились, видимо, несколько позже (*География*, VII, III, 17).

Территории, занимаемые вышеназванными сарматскими группировками, не были постоянными. По данным Плиния Старшего, автора I в. н.э., происходит их смещение на запад. Так, по его сведениям языги уже помещаются на Среднем Дунае, территорию от Дуная вдоль Черного моря занимали аорсы, роксоланы и аланы (*Естественная история*, IV, 80). Аланы раньше, види-

мо, находились на более восточных территориях. Так, Иосиф Флавий помещал их «вокруг Танаиса и Меотийского озера» (*Иудейская война*, VII, 7, 4). Уход аорсов и продвижение роксоланов к Дунаю объясняется приходом в восточноевропейские степи в I в. н.э. новой группировки кочевников. С этого времени здесь в погребальных памятниках выявляется целый пласт восточных инноваций, находящихся параллели в древностях Алтая, Китая, Средней Азии (Щукин, 1994, с. 207, 208), что свидетельствует, возможно, о центральноазиатской их прародине. Исследователи в большинстве своем отождествляют вновь появившихся кочевников с аланами (рис. 17). Частые миграции кочевников раннего железного века в восточноевропейские степи, смена одних этнополитических объединений другими подтверждается продолжением отмеченной тенденции в эпоху Средневековья, основательно освещенной письменными источниками, когда начиная от гуннов и заканчивая калмыками указанный регион подвергался многочисленным вторжениям кочевников с восточных регионов.

Рис. 17. Диадема. Курган Хохлач в районе Новочеркаска

Таким образом, сарматы, различные их группировки с IV в. до н.э. по I в. н.э. освоили огромную территорию от Приуралья до Дуная и являлись значимой политической силой на северо-восточных рубежах античного мира.

Одной из первых военно-политических акций, нашедшей отражение в письменных источниках, в которой приняли участие кочевники сарматского круга, были события конца IV в. до н.э., связанные с борьбой за власть в Боспорском царстве. Об этом конфликте сообщает Диодор Сицилийский. После смерти боспорского царя Перисада разгорелась борьба за власть между его сыновьями Сатиром и Эвмелом. Тот и другой привлекли союзников. Сатир – скифов, Эвмел – фракийцев во главе с Арифарном. Во втором случае исследователи усмотрели ряд несоответствий. Поскольку развернувшиеся военные действия происходили на Кубани, непонятна была причастность к ним фракийцев, к тому же имя царя Арифарна явно свидетельствовало о его иранском происхождении. Было высказано предположение, что здесь допущена ошибка переписчиками, и наиболее приемлемой стала считаться конъектура «сираки» вместо «фракийцы» (Десятчиков, 1977, с. 45–47). В настоящее время существует и другая версия о появлении сираков в прикубанских степях в связи с миграционными процессами II в. до н.э. (Скрипкин, 2013б, с. 385–387). Арифарн, видимо, возглавлял войско в основном иранского происхождения. Он привел с собой 20 тыс. конных и 22 тыс. пеших воинов. Военные действия закончились победой Евмела. Если Арифарн действительно являлся царем новой кочевнической группировки сарматского круга, то остается непонятным, какую часть сарматского мира в то время он представлял. Скорее всего, это была та группировка кочевников, которая начиная с середины IV в. до н.э. пыталась установить свой контроль в Прикубанье (Марченко, 1996, с. 115–116; Скрипкин, 2015б, с. 12–17). Синхронность событий, связанная с оказанием давления кочевниками на Подонье и Прикубанье, не исключает принадлежности их к одной группировке, именуемой в источниках сирматами. Не исключено, что в этих районах действовали и самостоятельные в политическом отношении группировки восточных кочевников. Присутствие здесь в

обозначенное время кочевников, относимых к сарматскому миру, фиксируется наличием погребальных комплексов с чертами формирующейся раннесарматской культуры.

Чаще во внешнеполитических событиях сарматы начинают упоминаться с конца II и в I в. до н.э., особенно в период бурных событий эпохи Митридата VI Евпатора, когда сарматы стали принимать участие в конфликтах между различными противоборствующими сторонами.

Окончательно обосновавшись в Северном Причерноморье, сарматы, в частности роксоланы, принимают участие в разного рода конфликтах, возникавших в этом регионе. Из письменных источников известно, что роксоланы во главе со своим предводителем Тасием в конце II в. до н.э. выступили союзниками скифов, интересы которых в Крыму столкнулись с политикой, проводимой Понтийским царством. В решающем сражении войско роксоланов, состоящее из 50 тыс. человек, потерпело сокрушительное поражение от войск Диофанта, полководца понтийского царя Митридата VI Евпатора, числом в 6 тыс. человек. Причину такого исхода сражения объяснил Страбон, он заявил, что «...любая варварская народность и толпа легковооруженных людей бессильны перед правильно построенной и хорошо вооруженной фалангой» (*География*, VII, III, 17). Об этом событии сообщает и такой эпиграфический памятник, как декрет в честь Диофанта, хранящийся в Эрмитаже.

Сарматы принимали участие в борьбе понтийского царя Митридата VI Евпатора (120–63 гг. до н.э.) против Рима, видимо, в качестве наемников. Посол Митридата Пелопид в речи, обращенной к римлянам, отмечал, что Митридат «имеет много друзей, готовых на все, что только он прикажет, скифов, тавров, бастарнов, фракийцев, сарматов и всех вокруг Танаиса и Истра и еще Меотийского озера». Упоминается также передовой отряд савроматов, участвовавший на стороне Митридата в столкновениях с римлянами (*Аппиан. Митридатовы войны*, 15, 19). Понятно, что в это время под савроматами имелись в виду сарматы. На заключительном этапе этого противостояния, так называемой третьей войны, Митридат, теснимый Помпеем, вынужден был через

Колхиду уйти на Боспор, где тогда правил его сын Махар. Он стал вынашивать план похода на Рим, обогнув с севера Черное море и через Альпы, подобно Ганнибалу, вторгнуться в Италию. Он пытался привлечь на свою сторону варварское население Северного Причерноморья, в том числе и в «области Меотиды», выдавал за местных могущественных предводителей, среди которых, несомненно, были и сарматские вожди, своих дочерей (*Аппиан. Митридатовы войны*, 102, 109). Затея Митридата, как известно, не была реализована, а сам он покончил с собой (рис. 18).

Рис. 18. Сарматские воины

Страбон приводит интересные сведения, относящиеся ко времени правления на Боспоре Фарнака (63–47 гг. до н.э.), одного из сыновей Митридата VI Евпатора, в которых речь идет о представлении кочевническими объединениями, соседями Боспора, значительных воинских контингентов. Это мероприятие, как полагают исследователи, осуществлялось в связи с желанием Фарнака вернуть потерянное отцом царство. По данным Страбона «Абек, царь сираков, выставил 20 000 всадников, Спадин же, царь аорсов, даже 200 000; однако верхние аорсы выставили еще больше, так как они занимают более обширную область, владея почти что большей частью побережья Каспийского моря» (*География*, XI, V, 8).

Как известно, Фарнаку в достижении задуманного сначала сопутствовал успех: «так как римляне были тогда заняты собственными делами», он разгромил одну из римских армий и захватил значительную часть Малой Азии. Однако в 47 г. до н.э. при Зеле Фарнак потерпел сокрушительное поражение, нанесенное ему Цезарем (*Дион Кассий. Римская история*, XLII, 9, 45–48).

Приведенные факты свидетельствуют о возрастающей роли сарматских объединений в политической истории на северо-восточных границах античного мира.

С I в. н.э. объектами военной активности сарматов становятся два района, одним из них по-прежнему являлось Закавказье, другим, в связи с продвижением сарматов в северо-западные районы Причерноморья, Подунавье, являющееся границей Римской империи.

Что касается Закавказья, то политическая ситуация по сравнению с временем скифских походов здесь существенно изменилась. Основными противоборствующими сторонами на указанной территории с середины I в. до н.э. и в первые века н.э. были Рим и Парфия. Парфия активно препятствовала Риму в его продвижении на восток, это противостояние с переменным успехом затянулось на длительный срок. В Закавказье существовало несколько царств: Иберия, Армения и Кавказская Албания, которые периодически втягивались в этот конфликт. Они часто в своих интересах использовали кочевников, обитавших по другую сторону Кавказских гор.

С I в. н.э. ведущую роль в восточноевропейских степях начинают играть аланы. Источники с разной полнотой сохранили сведения, относящиеся к так называемому среднесарматскому периоду, о трех крупномасштабных акциях сарматов в 35, 72, 135 гг. н.э.

Первая из них приходится на конец правления римского принцепса Тиберия. Это событие нашло отражение в лаконичной форме у Иосифа Флавия (*Иудейские древности*, XVIII, 4, 96–100) и более подробно у Корнелия Тацита (*Анналы*, VI, 31–36).

До нашего времени дошло два варианта текста сочинения Флавия «Иудейские древности» – на латинском и греческом языках. У Флавия речь идет о том, что римляне пытались склонить иберийского и албанского царей воевать против Парфии во главе с Артабаном. В латинском варианте его сочинения упоминаются скифы, принявшие участие в этом событии. «Но те сами не согласились воевать, а направляют на Артабана скифов, дав им проход через свои земли и открыв Каспийские ворота». В греческом варианте текста Флавия в этих событиях участвуют аланы. В результате войны с участием кочевников Парфия потеряла ранее захваченную Армению, погиб сын царя и большинство воинов, многие «лучшие из местных жителей были перебиты», страна была опустошена (*Иудейские древности*, XVIII, 4, 96–100). География событий, упоминание Каспийских ворот предполагает вторжение кочевников с севера из-за Кавказских гор, в таком случае ими могли быть только сарматы, возможно, аланы.

Тацит более подробно освещает эти события и определенно указывает на участие в них сарматов. Время данной военной акции определяется консульством Гая Цестия и Марка Сервилия (35 г. н.э.). Поддерживаемые Римом иберы во главе с Фарасманом нападают на Армению, которая в тот момент находилась в подчинении Парфии. Парфянский царь Артабан «поручает своему сыну Ороду отомстить неприятелю; он дает ему войско парфян и рассылает людей для набора отрядов наемников». Фарасман «получает поддержку албанов и поднимает сарматов». Тацит говорит о двух группировках сарматов, во главе которых стояли скептухи. Сарматы, «приняв подарки от обеих сторон, по обычаю своего племени отправились на помощь и к той и другой»

противоборствующим сторонам. Но иберы быстро пропустили по Каспийской дороге тех сарматов, которые шли им на помощь, заперев все проходы для той сарматской группировки, которая должна была прийти на помощь парфянам. Участие сарматов в этом конфликте в значительной мере способствовало успеху коалиции Фарасмана, парфяне потерпели поражение.

Основным источником по второму эпизоду, связанному с событиями 72 г., является сочинение Флавия (*Иудейская война*, VII, 7, 4). Автор в указанном труде отметил, что исходной территорией похода аланов являлись районы Меотиды и Танаиса. Сам же поход начался с похода аланов через Гирканию и нападения на Мидию, а завершился ограблением Армении. Таким образом, учитывая место расположения Гиркании, поход аланов должен был начаться с района, граничащего с юго-восточным побережьем Каспийского моря. Некоторыми исследователями высказывалось мнение, что за Меотийское озеро и Танаис, около которых по Флавию обитали аланы, следует признать Аральское море и Сырдарью, поскольку со времен Александра Македонского такое представление сложилось в античной географии (*Страбон. География*, XI, VII, 4). Однако принять это утверждение нельзя, поскольку из того же сочинения Флавия следует, что за Меотиду и Танаис он принимал то, что мы сейчас называем Азовским морем и Доном (*Иудейская война*, II, 16, 4).

Аланское этноплеменное объединение, сформировавшееся на территории Средней Азии и вытеснившее в конечном счете из волго-донских степей аорсов, заняло лидирующее положение в этом регионе. При принятии версии принадлежности богатейших курганных захоронений на Дону и частично на Волге аланской знати, а это предположение является наиболее убедительным на сегодняшний день, мы вполне можем допустить, что это объединение могло контролировать достаточно обширную территорию от Северного Кавказа до Средней Азии и, возможно, какую-то часть Средней Азии. Об этом, в частности, свидетельствует длительность пребывания здесь аланского этноса. Так, хорезмиец аль-Бируни (X в.) упоминает аланов и асов, живших по нижнему течению Амударьи (Волин, 1941, с. 194). Изучение

племенного состава туркменского народа выявило, что на территории Туркмении, в Таджикистане и Афганистане еще в первой половине XX в. существовало большое количество аланских хозяйств. По словам старожилов, на территорию Туркмении они пришли с Мангышлака, где владели большим укреплением Алан (Бахтиаров, 1930, с. 39–40). Известно, что вплоть до наших дней на Мангышлаке сохранились развалины крепости, именуемой «Алан-Кала».

В данном случае не следует исключать, что начало аланского похода рассматриваемого времени могло происходить с территории Средней Азии, а возвращение – через кавказские проходы. Маршруты военных набегов на страны южного Прикаспия и Закавказья были известны среднеазиатским кочевникам еще в доаланский период. Интересные параллели в этом плане мы находим в средневековой истории. Так, монгольские полководцы Субэдэй и Джэбэ из Средней Азии с боями обогнули с юга Каспийское море, через Дербентский проход вышли на территорию Северного Кавказа, затем прошли в половецкую степь и через Среднее Поволжье вернулись в Среднюю Азию. Эмир Тамерлан в борьбе с Золотой Ордой во время похода в 1395 г. с войском обошел Каспийское море с юга и через Дербент вышел к Тереку, где в генеральном сражении была окончательно решена судьба Золотой Орды, затем, разгромив золотоордынские города в Поволжье, тем же путем вернулся в Среднюю Азию.

Следующее вторжение аланов в Закавказье, сведения о котором оставили письменные источники, относится к 135 году. Лаконичную информацию об этом событии мы находим у Диона Кассия в его «Римской истории». Вторжение аланов было инициировано иберийским царем Фарасманом, оно сильно потрясло Мидию, также коснулось Армении и Каппадокии. Вторжение это было прекращено благодаря дарам, предоставленным аланам парфянским царем Вологесом; кроме того, аланы побоялись столкновения с правителем Каппадокии Флавием Аррианом (*Римская история*, LXIX, 15). В трактовке этого сюжета имеется один нюанс: в переводе В.В. Латышева фигурируют не аланы, а албаны, по происхождению массагеты. Если в подлиннике указаны алба-

ны, то в этом случае автором допущена ошибка, которая имеет определенные основания, поскольку в источниках имела место путаница в упоминании аланов и албанов. Конечно, здесь речь идет об аланах, поскольку именно античная традиция связывала происхождение только аланов с массагетами. Кроме того, в нашем распоряжении имеется фрагмент «Диспозиция против аланов» из несохранившегося сочинения Флавия Арриана. Арриану, являвшемуся при императоре Адриане наместником римской провинции Каппадокия (131–137 гг.), располагавшейся на востоке Малой Азии, во время своего наместничества реально приходилось иметь дело с аланами.

Я остановился здесь на трех эпизодах вторжения кочевников с севера в Закавказье. Их, вероятно, было гораздо больше, в письменных источниках той эпохи в значительной степени были отражены наиболее масштабные военные акции этого плана. В специальной литературе сложилось мнение, что частые вторжения кочевников в Закавказье, постоянно дестабилизировавшие в этом регионе политическую обстановку и наносившие существенный ущерб союзникам Рима, побудили императора Нерона в конце его правления заняться подготовкой грандиозного восточного похода. Это событие нашло отражение в сочинении Тацита, где говорится о том, что Нерон, готовясь к войне с албанами, занимался вербовкой армии в Германии, Британии и Иллирии, которую затем отправил к каспийским ущельям, но вынужден был вернуть ее для подавления восстания Виндекса, охватившего Галлию (*История*, I, 6). Информация о подготовке восточного похода Нероном имеется и у Гая Светония, который отметил, что Нерон «набрал в Италии новый легион из молодых людей шести футов роста и назвал его “фалангой Александра Великого”», который должен был направиться к Каспийским воротам (*Жизнь двенадцати цезарей*. Нерон, 19, 2).

А. Алемань отмечал, что начиная с Т. Моммзена считается, что Тацит принял за аланов албанов и, таким образом, готовящийся поход Нерона был направлен против аланов. А. Алемань находил это мнение маловероятным, поскольку удары ала-

нов приходились в основном по сателлитам Парфии, а это было в интересах Рима (Алемань, 2003, с. 61). Надо отметить, что из имеющихся источников сложно определить цель данной военной акции Нерона. Противоречие можно обнаружить у самого Тацита, который в другом месте своей «Истории» говорит о том, что перед восстанием Виндекса Нерон направил конные войска в Египет, куда намеревался прибыть и сам (*История*, I, 70). Дион Кассий сообщает о том, что Нерон предполагал совершить несколько походов – против Парфии и в Эфиопию (*Римская история*, LXVIII, 8, 1). Противоречия в источниках породили большое количество гипотез о целях восточного похода Нерона – от указания конкретных объектов нападения до популистской демонстрации силы.

К началу новой эры в Северо-Причерноморском регионе произошли существенные изменения. После победы над понтийским правителем Митридатом VI Евпатором Рим начинает активно включать в сферу своих интересов и политики территории вокруг Черного моря. В результате завоевательных войн Рима на Балканах в низовьях Дуная в начале I в. н.э. была образована римская провинция Мезия, на Дунае стала создаваться сеть оборонительных сооружений, получившая название Дунайский лимес. С рубежа эр и в первые века н.э. в Подунавье сарматы непосредственно вступают в контакт с Римской империей. В отличие от Северного Кавказа в Северо-Западном Причерноморье претендентов на конфронтацию с Римом было гораздо больше. Кроме сарматов, здесь обитали даки и другие племена фракийского происхождения, а также германские народы: квады, маркоманы, бастарны и др. Г. Плиний из числа сарматов к северу от Дуная на территории, прилежащие к побережью Черного моря, помещает гамаксобиев, или аорсов, аланов, роксоланов и к северо-западу от них языгов-сарматов. Если сравнить данные расселения сарматских племен по Плинию и Страбону, то увидим существенный их сдвиг с Волго-Донского региона и между речья Дона и Днепра на запад.

Первые сведения о появлении на Дунае сарматов относятся еще к концу I в. до н.э. Дион Кассий, например, сообщал, что Гай

Луций, «одолев, отбросил за Истр савроматов» (*Римская история*, LIV, 20, 3). Это событие произошло сразу же после образования провинции Норик (16 г. до н.э.) (Зубарь, 1998, с. 20). Известия о столкновении с сарматами учащаются с начала I в. н.э. К 7 г. н.э. относится упоминание о нападении даков и савроматов на Мезию. Овидий, сосланный Августом в Томы, где он пребывал с 9 по 18 г., упоминает языгов на Дунае (Дзиговский, 2003, с. 80, 81). В сообщении Флора, относящемся к 12 г. н.э., говорится о разъезжающих на лошадях по широким равнинам сарматах, которых римлянам приходилось отгонять от Дуная (*Эпитомы римской истории ...*, XXIX. Сарматская война).

В 69 г. н.э. происходит вторжение роксоланов в Мезию, которое подробно описал Тацит, причем это был повторный набег на провинцию, первый произошел годом раньше и был для роксоланов успешным – ими было уничтожено две римские кагорты. Окрыленный успехом конный отряд роксоланов, численностью в девять тысяч воинов, в повторном набеге предался грабежам, рассыпавшись на большой территории. Римляне же выступили организованно, к тому же им благоприятствовала погода. Набег роксоланов, видимо, пришелся на раннюю весну, таял лед, шел дождь. Кони кочевников скользили, вязли в рыхлом снегу, сами они не могли эффективно пользоваться в такой ситуации ни копьями, ни длинными мечами. Роксоланы потерпели жестокое поражение. Проконсул Мезии был награжден триумфальной статуей, а легаты, принявшие участие в этом сражении, консульскими знаками отличия (*История*, I, 79).

Сразу же вслед за вышеописанными событиями в период правления Веспасиана (69–79 гг.) происходит нападение на Мезию «скифов, которые зовутся сарматами». Тайно переправившись через Истр, они неожиданно обрушились на римский гарнизон, многих перебили, в том числе и консульского легата Фонтя Агриппу, а затем «пронесли по всей побежденной стране, уводя и унося все, с чем ни встречались». Только посланные Веспасианом дополнительные войска изгнали сарматов из римской провинции (*Флавий. Иудейская война*, VII, 4, 3) (рис. 19).

Рис. 19. Атака сарматской конницы

В целом ряде случаев в организации нападений на приграничные римские территории сарматы объединялись с другими народами – даками или германскими племенами. Чтобы упредить возможную опасность, римляне совершали походы на территорию, занятую варварским населением. Одним из таких походов является акция наместника Мезии Плавтия Сильвана, пришедшаяся на 62–69 годы. В его мавзолее сохранилась надпись, в которой говорится о том, что он подавил начинающееся движение сарматов, с целью повышения сбора налогов перевел на римскую сторону Дуная более 100 тыс. варварского населения с женами, детьми, предводителями и царями. Бастарнам и роксоланам возвратил пленных, царю даков – брата, у некоторых из них он взял заложников, скифы были отогнаны от осажденного ими Херсонеса (Дзиговский, 2003, с. 87, 88). Рим использовал различные меры для ослабления давления на свою границу в Подунавье. Римляне строили военные лагеря, необходимые для передвижения своих войск, на территории, контролируемой кочевниками. Такие лагеря были выявлены на Нижнем

Побужье (Зубарь, 1998, с. 48, 49). В более позднее время римляне создавали из варваров отряды федератов, которые выполняли задачи охраны границ империи. Языгам и роксоланам в разное время римская администрация выплачивала вознаграждения за охрану римских границ по Дунаю.

Из изложенного выше следует, что военные набеги на другие страны совершались сарматами с целью грабежа населения, захвата их имущества, угона в плен людей. Иосиф Флавий, повествуя о вторжении аланов в Закавказье в 72 г. н.э., прямо говорит, что этот набег осуществлялся с целью грабежа. Разорив и ограбив Мидию и Армению, аланы «возвратились домой с большим количеством пленных и другой добычи из обоих царств» (*Иудейская война*, VII, 7, 4). В других случаях, когда сарматы приглашались для поддержки в конфликте одной из противоборствующих сторон, грабежи сочетались еще и оплатой за оказанные ими услуги. Периодичность таких военных акций, организуемых разными подразделениями сарматов, объясняется необходимостью получения прибавочного продукта для сохранения и укрепления самих сарматских этнополитических объединений, их дружин, укрепления власти вождей.

По сарматам в отличие от скифов, которые контролировали земледельческое население лесостепи, мы не имеем прямых свидетельств касательно их отношений с северным лесостепным населением. Возможно, проникновение сарматов в этот регион не приводило к установлению их господства над местным населением. Так, например, на Верхнем Дону, судя по археологическим материалам, во II – первой половине III в. в отношениях местного и пришлого сарматского населения происходили процессы, при которых «межэтническая интеграция переросла в этническую миксацию» и результатом которого являлось формирование новой этнической общности (Медведев, 2008, с. 108).

Какие-то формы даннических отношений могли существовать между отдельными сарматскими группировками и местами Кубани или оседлого населения Дона, но относительно их небольшая площадь не могла удовлетворить потребности кочевников огромного степного пространства, например Волго-Донского ре-

гиона. По этой причине военные походы с целью грабежа или оказание военных услуг за плату были достаточно распространены у сарматов, что нашло отражение в письменных источниках.

Были, конечно, и другие источники дохода у сарматов: как следствие военных набегов, захвата пленных и продажи их в рабство. Страбон, упоминая город Танаис, располагавшийся на одноименной реке, называл его общим торговым центром азиатских и европейских кочевников, которые привозили сюда для продажи рабов (*География*, XI, II, 3). Поскольку азиатские и европейские кочевники по Страбону это те кочевники, которые обитали по обе стороны Танаиса (Дона), то в те времена, о которых повествует историк, это были сарматы.

Видимо, сарматы контролировали торговые пути, проходившие по их территории. Страбон приводит данные о том, что аорсы, которые владели большей частью побережья Каспийского моря, вели торговлю индийскими и вавилонскими товарами, получая их в обмен от армян и мидийцев, вследствие прибыли от этой торговли они носили золотые украшения (*География*, XI, V, 8). Вряд ли сами аорсы выступали в роли купцов; скорее всего, речь должна идти о сопровождении караванов, поскольку в этом эпизоде упоминаются и верблюды, на которых переправлялись товары, и взимание своеобразной таможенной пошлины.

Были случаи установления сарматами протектората над греческими городами Северного Причерноморья. Так, цари Фарзой и Инисмей, сарматская принадлежность которых признается большинством исследователей, от своего имени во второй половине I в. н.э. чеканили монеты в Ольвии. Это было свидетельством того, что Ольвия находилась в зависимости от того объединения сарматов, которое возглавляли эти правители.

4. Проблемы социально-политической организации

Письменные источники содержат весьма скудную информацию относительно социально-политической организации сарматов. Особенно это касается ранних периодов их истории. Нам практически ничего не известно о политической организации сарматов

во время завоевания ими Скифии и освоения регионов Северного Кавказа. Нет сведений и о том, осуществлялись эти акции одной или несколькими самостоятельными кочевыми подразделениями.

Поскольку античная традиция отождествляла сарматов с их предшественниками савроматами, которые по греческой легенде произошли от брака воинственных женщин амазонок со скифами, то амазонские черты переносились и на сарматов, их часто характеризовали «женоуправляемыми», что являлось свидетельством ведущей роли женщин в сарматском обществе.

Однако в сочинениях самих античных авторов на этот счет содержатся противоречия. В своих трудах они сохранили целый ряд имен сарматских предводителей, причем в большинстве своем это были мужчины: Арифарн, Сайтофарн, Гатал, Абеак, Спадин, Зорсин, Эвнон, Фарзой, Инисмей и некоторые другие. Одной из важнейших общественных функций этих и других сарматских предводителей, именуемых в источниках царями, было руководство военной дружиной.

Возникновение у греков мифологического образа амазонок, женщин-воительниц, произошло во времена освоения ими Малой Азии, на территории которой обитали народы, в социальной организации которых сохранялись пережитки матриархальных традиций. В период греческой колонизации, приведшей к заселению греками побережья Северного Причерноморья, они вступали здесь в разнообразные контакты с местным кочевым населением – скифами, сарматами, у которых положение женщин в обществе значительно отличалось от греческой традиции. Это явились дополнительной причиной укрепления амазонской мифологии.

Женщины в сарматском обществе, видимо, пользовались гораздо большей свободой, нежели в древнегреческом. Они играли важную роль в домашнем хозяйстве, выполняли жреческие функции, а когда наступала необходимость, брали в руки оружие. В отдельных экстраординарных случаях они могли и возглавить войско. Так, жена царя сарматов Амага ввязи с тем, что ее муж устранился от своих обязанностей, «сама чинила суд и расправу, сама расставляла гарнизоны в своей стране, отражала набеги

врагов и помогала обиженным соседям». Она наказала скифов за их нападение на Херсонес (*Полиен. Военные хитрости*, VIII, 56).

Пожалуй, более или менее интересную информацию об общественно-политическом устройстве сарматов можно получить из тех сочинений авторов, которые начинают упоминать сарматов в событиях с I в. до н.э. и в последующее время.

Данные, приводимые, например, Страбоном, Корнелием Тацитом, позволяют сделать вывод о том, что в политическом отношении сарматы не представляли из себя единого целого, в каждый из периодов сарматской истории было несколько их самостоятельных этнополитических объединений.

Не все перечисленные выше сарматские предводители жили в разное время, некоторые из них возглавляли сарматские объединения в одно и то же время. Так, например, когда боспорский правитель Фарнак, сын Митридата VI, в 48 г. до н.э. решил отговаривать у римлян владения своего отца в Малой Азии, он привлек к этому мероприятию воинские контингенты сарматов – сираков, аорсов и верхних аорсов. Поскольку этот эпизод нами уже рассматривался, отметим только то, что в нем все три сарматские подразделения были самостоятельными кочевыми образованиями, владевшими разными территориями и имевшими своих царей. В данном случае они выступали в качестве наемников под началом боспорского правителя.

Были случаи, когда кочевники, обитавшие на территории Сарматии, выступали друг против друга, являясь союзниками разных противоборствующих сил. Одним из известных таких примеров являются события сирако-аорской войны 49 г. н.э., изложенные Корнелием Тацитом (*Анналы*, XII, 15–21). В это время на Боспоре разгорелся очередной конфликт за власть между братьями Митридатом и Котисом. Митридат VIII, потомок понтийских Митридатов, будучи правителем Боспорского царства, придерживался антиримской политики и был с помощью римлян низложен с престола. Он вынужден был бежать на азиатскую часть Боспора, где стал создавать коалицию, опираясь на которую рассчитывал вернуть власть над царством. Правителем же на Боспоре в это время стал его брат Котис, поддерживаемый римлянами. На

стороне Митридата выступили сираки во главе с царем Зорсином. Котис и римляне привлекли на свою сторону аорсов, которых возглавлял царь Эвнон. Перипетии этих событий с кровопролитными эпизодами закончились победой Котиса и его союзников, а Митридат в конечном счете был выдан римлянам.

В упомянутом выше походе сарматов в 35 г. н.э. в Закавказье, описанном тем же Тацитом, речь идет о том, что две их группировки должны были выступать за разные воюющие стороны (*Анналы*, VI, 31–33). Сарматы, по словам Тацита, приняв подарки от обеих сторон, по обычаю своего племени отправились на помощь к той и другой стороне. В этом эпизоде присутствует еще один интересный момент. Тацит отметил, что предводителями обеих сарматских группировок, направляющихся в Закавказье, являлись скептухи. Тациту было известно, что во главе сарматских объединений стояли цари, это следует из его описания сирако-аорской войны. Не исключено, что в закавказском походе участвовали представители именно этих сарматских группировок, впоследствии втянутых в боспорский конфликт. О статусе скептухов содержится информация у Страбона. Описывая народы побережья Черного моря, в частности гениохов, он отмечает, что «управляют ими так называемые скептухи, а эти последние сами подвластны тиранам и царям» (*География*, XI, II, 13). В таком случае скептухи, стоявшие рангом ниже царей, могли возглавлять более мелкие кочевнические подразделения, входившие в состав племенных сарматских объединений, известных по письменным источникам. Наличие скептухов в сарматских объединениях сираков, аорсов, возможно, аланов дает возможность характеризовать их политическую организацию в каждом случае как сложное вождество, объединяющее несколько группировок кочевников, во главе которых как раз и стояли скептухи, подчиняющиеся общему вождю, который именуется в источниках царем.

Эти примеры еще раз показывают, что сарматский мир не был единым, он состоял из ряда самостоятельных этнополитических группировок, скорее всего, уровня сложных вождеств. Для создания крупного политического объединения уровня «имперская конфедерация» (Барфилд, 2009, с. 43), включающего большую

часть сарматских подразделений, не было одного главного условия. В специальной литературе оно формулируется следующим образом: возникновение государственности у кочевников предполагает достаточно большие численность и экономический потенциал подчиненного населения; степень централизации кочевников прямо пропорциональна величине соседней земледельческой цивилизации (Хазанов, 2002, с. 364; Крадин, 2007, с. 319). Классическим примером такой ситуации является образование в конце III в. до н.э. хуннской кочевой державы как реакции на объединение Китая в единое централизованное государство под властью Циньской, а затем и Ханьской династий. Что собой представлял цивилизованный мир, с которым в течение ряда веков соседствовали сарматы? Античные полисы Северного Причерноморья являлись небольшими государственными образованиями. Даже Боспорское царство по экономическим и политическим возможностям не могло идти ни в какое сравнение, например, с Ханьской империей, к тому же, по крайней мере, со времени Августа находившееся в зависимости от Рима.

С Закавказьем, где располагался ряд государств, сарматы непосредственно не граничили. Между ним и сарматами находился Северный Кавказ, горные и предгорные районы которого населяли многие местные народы несарматского происхождения, упоминаемые античными авторами. Существующие в Закавказье небольшие государства Иберия, Армения и Албания с I в. до н.э. были втянуты в военное противостояние сначала Рима и Понтийского царства, а затем в затянувшийся конфликт Рима с Парфией. Основными игроками на политической арене этого региона были Рим, Понтийское царство и Парфия. Об установлении сарматами контроля в это время над хотя бы одним из закавказских государств не могло быть и речи, этого не позволили бы сделать основные претенденты на гегемонию в этом районе.

С начала новой эры в тех районах, где сарматы проявляли свою активность, они сталкивались с интересами Рима, будь то Закавказье, Северное Причерноморье или Подунавье. Успешно противостоять интересам Римской империи и осуществлять свою гегемонскую политику в течение длительного времени над от-

дельными территориями, находящимися под контролем Рима, сарматские объединения не могли.

После победы Рима над понтийским царем Митридатом VI практически все государства Северного и Северо-Западного Причерноморья в разной степени попали в политическую зависимость от империи. Оказание военной помощи этим государствам рассматривалось Римом как защита подступов к своим границам. Греческое население Северного Причерноморья, испытывавшее нарастающее давление сарматов, являлось естественным союзником Рима. Римская же администрация проводила свою традиционную политику, поддерживая в своем приграничье дружественные государства и с их помощью сдерживая противника еще на подступах к своим границам. Рим внимательно следил за событиями в Северном Причерноморье, поскольку оттуда исходила реальная угроза стабильности на его границах в Подунавье. Когда в третьей четверти I в. н.э. осложнилась ситуация в Крыму в связи с усилившимся проникновением на полуостров сарматов и возникновением реальной угрозы Херсонесу, Рим пришел городу на помощь. Наместник римской провинции Мезии Плавтий Сильван оказал военную помощь Херсонесу, и угроза была снята (Зубарь, 1998, с. 44–51).

Интересны в этом плане наблюдения, сделанные Л.С. Клейном на основе археологического материала. Он обратил внимание на особенности распространения дорогой римской металлической посуды в восточноевропейских степях и ее сосредоточения во второй половине I – начале II в. н.э. в сарматских курганах Дона и Кубани. В отдельных случаях это были наборы парадной серебряной посуды. По мнению Л.С. Клейна, такая посуда могла быть дипломатическими дарами римской администрации сарматским предводителям. Суть римской дипломатии заключалась в необходимости ослабления давления кочевников в двух важных для Рима районах: в Закавказье и Подунавье. Такая реконструкция может свидетельствовать об интересе Рима к глубинным районам варварской периферии с целью создания лояльных для себя кочевнических группировок, которые могли «оказать сдерживающее воздействие на врагов Рима» (Клейн, 1979, с. 204–221).

Данная политика Рима не способствовала процессам консолидации сарматов.

К нашей теме имеет отношение обнаруженный в 1984 г. в Крыму у Мангупа эпитафический документ, представляющий собой фрагмент мраморной плиты с текстом декрета предположительно ольвийского происхождения. В декрете речь идет о тяжелом экономическом и политическом положении, в которое попала предполагаемая Ольвия, и чествуемый ее гражданин на свои средства сумел добыть продовольствие, а также совершить посольства в римскую провинцию Мезию и к «величайшим царям Аорсии» (Виноградов Ю.Г., 1997, с. 151–170). В декрете еще упоминается посольство к Умабию, но из текста в связи с его испорченностью не ясно, имел ли он отношение к царям Аорсии. Ю.Г. Виноградов датировал события, упоминаемые в декрете, 60-ми гг. I в. н.э.

Ранее исследователями была установлена сарматская принадлежность царей Фарзоя и Инисмея, известных по нумизматическому материалу. Монеты с их именами чеканились в Ольвии в период с 50-х по начало 80-х гг. I в. н.э. (Карышковский, 1982, с. 72–76; Симоненко, Лобай, 1991, с. 67–71). А.В. Симоненко на основании сходства тамг, изображенных на монетах, пришел к выводу о родственных отношениях между двумя царями, полагая, что Инисмей являлся сыном Фарзоя. Ю.Г. Виноградов предположил, что Фарзой и Инисмей были царями Аорсии, упомянутыми в Мангупском декрете, они осуществляли протекторат над Ольвией, являясь, в свою очередь, вассалами Рима.

Выпуск монет Фарзоя и Инисмея античным полисом в течение многих лет предполагал какую-то форму его зависимости от этих варварских правителей. В данном случае речь, видимо, не идет о захвате власти и прямом управлении Ольвией этими царями. Это следует из того, что на монетах кроме царского титула имелись и монограммы архонтов города, что свидетельствует о сохранении полисного управления. С одной стороны, Ольвия, находясь в это время в окружении сарматов, была притягательным объектом для внешней эксплуатации. С другой – Ольвии, видимо, было выгодно номинально признать Фарзоя и

Инисмея своими царями на условиях оказания ими покровительства городу.

Что собой представляла Аорсия, каков ее политический статус? В декрете на этот счет какая-либо информация отсутствует. Трудно даже определить точное ее местонахождение. Некоторые исследователи видят в Аорсии раннегосударственное образование. Сомнения на счет существования единого сарматского царства Аорсии, предположительно располагавшегося во второй половине I в. н.э. между Днепром и Дунаем, возникают в связи с организацией посольства чествуемым ольвеополитом сразу к нескольким ее царям. При условии, что Аорсия – это некое единое государственное образование, править в ней должен был в конкретный момент, о котором идет речь в декрете из Мангупа, один царь. Поскольку в декрете все же речь идет о посольстве сразу к нескольким «величайшим царям Аорсии», то в этом случае она не могла представлять собой единое целое в политическом отношении. При такой трактовке Аорсия должна, видимо, восприниматься как географическая область, в пределах которой располагалось несколько сарматских объединений, имевших своих правителей. Видимо, так воспринималась реальность того времени жителями Ольвии, поскольку другие источники, в частности сочинения римских авторов, такого государственного образования, граничащего с империей по Дунаю, не знают. Показательный пример этому – данные Плиния Старшего, относящиеся к рассматриваемому времени. На территории предполагаемой Аорсии, от Дуная вдоль побережья Черного моря, он помещает целый ряд сарматских народов, в их числе гамаксобиев, или аорсов, аланов и роксоланов, которые, надо полагать, были самостоятельными в политическом отношении (*Естественная история*, IV, 80).

Этническая ситуация у границ Римской империи в Подунавье и соседних территориях с момента появления здесь сарматов была достаточно пестрой. Кроме различных сарматских группировок в этом регионе обитали даки, свебы, геты, бастарны. Письменные источники свидетельствуют о том, что все эти народы во взаимоотношениях с Римом проявляли самостоятельность или, особенно в военных целях, создавали временные объединения.

Так, Корнелий Тацит, повествуя о сложном периоде в истории Римского государства, связанном с гражданской войной 69–70 гг. и обострением ситуации на его границах, в том числе и в Подунавье, упоминает о «племенах сарматов и свебов, объединяющихся против нас»; о сарматских языгах, правящих местными племенами; о сарматах, совместно с даками нападавших на Мезию (*История*, I, 2; IV, 54). Объединение сарматов с другими народами для решения частных задач можно назвать ситуационными вождествами, которые после их осуществления, как правило, распались. Сарматские племенные объединения в этом районе – языги, роксоланы, аорсы – скорее всего, в политическом отношении были самостоятельными и представляли собой сложные вождества, включающие в основном родственные племена. В количественном отношении они могли состоять из нескольких десятков тысяч человек.

Одним из показателей ранга политической организации кочевников является количество населения того или иного их объединения. Суперсложные вождества, или, как их еще именуют, кочевые империи, включали несколько сот тысяч человек или более. Например, объединение хунну насчитывало около полутора миллиона человек. Мы не располагаем какими-либо демографическими данными по сарматам, за исключением тех случаев, когда в источниках упоминается количество войск отдельных сарматских объединений. Трудно определить, насколько реальны цифры, указанные античными авторами. Как правило, они их завышают. Так, например, в приводимом выше эпизоде Страбона о походе Фарнака в Малую Азию речь идет о предоставлении войск для данного мероприятия сираками, аорсами и верхними аорсами. Сираки выделили 20 тыс. всадников, аорсы – 200 тыс., а верхние аорсы еще больше. Из сообщения Страбона создается впечатление, что каждое из упомянутых объединений выставило все свое воинство потому, что в их главе стояли цари, и, кроме того, количество войска определялось размерами занимаемой этими объединениями территории. Если исходить из принятого в этнографии соотношения – один воин от пяти человек, то количество всего сиракского населения дол-

жно равняться 100 тыс. человек, что может соответствовать реальности. Количество войска аорсов и верхних аорсов явно завышено, поскольку все аорское население в этом случае должно равняться примерно 1 млн человек, а верхних аорсов должно быть и того больше.

Если обратиться к этнографическим аналогиям, то для сравнения следует учесть демографические данные по калмыкам, которые с XVII в. занимали приблизительно ту же территорию, что и сираки, аорсы и верхние аорсы по Страбону. Калмыки, как и сарматы, вели кочевой образ жизни, сходной была их специфика хозяйства (Скрипкин, 2016б, с. 131–135).

Численность калмыцкого населения, занимавшего прикаспийские районы и Нижнее Поволжье в течение XVII–XVIII вв., до ухода в 1771 г. значительной его части в Джунгарию, колебалась от 220 до 320 тыс. человек. Эти данные опираются на многочисленные письменные свидетельства и переписи калмыцкого населения (Колесник, 1997, с. 37; 2003, с. 228–243). То есть природные ресурсы этого региона в течение длительного времени могли обеспечивать вышеуказанное количество кочевого населения, ведшего, как и сарматы, кочевой образ жизни. Данные калмыцкой демографии, по моему мнению, могут являться определенной проекцией для установления численности кочевого населения Волго-Донского региона в сарматское время. Реальная численность всего сарматского населения рассматриваемого региона на рубеже эр могла составлять 200–300 тыс. человек, которую еще следовало в разных пропорциях разделить по трем кочевническим группировкам: сираки, аорсы и верхние аорсы. Совокупно они могли выставить от 40 до 60 тыс. воинов, что существенно разнится с данными Страбона. По количественным показателям эти сарматские объединения не соответствуют суперсложным вождествам.

В I в. н.э. в восточноевропейских степях появляются аланы, свое присутствие здесь они обозначили участием в военных акциях в основных конфликтных районах – в Закавказье и Подунавье. Аммиан Марцеллин об аланах говорит следующее: «...они мало-помалу постоянными победами изнурили соседние народы

и распространили на них название своей народности, подобно персам» (*Римская история*, XXXI, 2, 13).

Античные авторы с момента знакомства с аланами наделяли их эпитетами: «вечно воинственные», «могущественные». Аммиан Марцелин отмечал, что с целью грабежа аланы доходят до Меотийского болота, Киммерийского Боспора и даже Армении и Мидии. У них нет ни храмов, ни святилищ, поклоняются они воткнутому в землю мечу, благоговейно, как Марсу (*Римская история*, XXXI, 2, 22–23). В связи с постоянной угрозой вторжения аланов в Закавказье наместник Каппадокии Флавий Арриан написал сочинение под названием «Диспозиция против алан».

Истоки этногенеза аланов связаны с Центральной Азией, с юэчжами и усунями китайских источников. События, приведшие к поражению последних от хунну, уход их в Среднюю Азию существенно повлияли на этнические процессы в этом регионе. Видимо, в Средней Азии и происходит формирование основного ядра аланов, с последующим появлением их в восточноевропейских степях (Габуев, 1999, с. 79–118; Гутнов, 2001, с. 53–104; Скрипкин, 2001, с. 23–36).

Подчинили ли аланы сарматские объединения, обитавшие ранее в степных районах Восточной Европы? Создается впечатление, что, по крайней мере, во второй половине I в. н.э. основные сарматские подразделения сохраняют свою независимость и упоминаются наряду с аланами. Например, Плиний, последовательно располагая разные народы к северу от Истра, аланов помещает между аорсами и роксоланами.

Обращает внимание оперативность, с какой аланы появляются в разных, достаточно удаленных друг от друга местах. В 72 г. они отметились вторжением в Закавказье, в близкое время, как отмечалось, Плиний упоминает аланов в Подунавье. В 135 г. они нападают на Мидию, Армению и Каппадокию, а через некоторое время участвуют в Маркоманских войнах уже на Среднем Дунае. В связи с этим некоторыми исследователями выдвигалась версия о том, что аланы – это не конкретный народ, а надплеменная организация, представляющая собой межплеменную орду, хо-

рошо организованную в военном отношении, подчиняющуюся строгой дисциплине и нормам, характерным для родового общества. Об аланах как надплеменной социальной организации писал М.Б. Шукин. Свой взгляд на эту проблему он сформулировал следующим образом: ранние аланы, вероятно, еще не были особым народом или племенем в полном смысле этих понятий. Они могли представлять собой дружину аристократов, воинов-профессионалов. Это мог быть «своего рода “рыцарский орден”, имеющий родственные связи с аристократическими родами самых разных более стабильных кочевнических объединений от Гиндукуша до Дуная» (Шукин, 1992, с. 119). Авторитет аланов способствовал впоследствии установлению их власти над различными сарматскими группировками, что приводит к вытеснению самого названия «сарматы» и замене его названием «аланы».

Эта версия получила развитие и в работах других авторов. Так, А.А. Туаллагов считал, что наименование «аланы» закрепилось за правящей верхушкой или кланом «азиатских скифов», представители которых были потомственными воинами и власть которых была сакрализована в соответствии с традициями иранского кочевого мира (Туаллагов, 1997, с. 147–152).

Военизированные дружины из варварского населения, так называемые федераты или союзники, часто привлекались в поздней Римской империи за регулярную плату для охраны своих границ. Такие воинские подразделения могли появиться и раньше. В этом отношении особый интерес представляют материалы «Золотого кладбища» на Кубани, по одной из версий оставленного аланами, которое датируется второй половиной I – II в. н.э. Большая его часть – это мужские захоронения, сопровождающиеся различным вооружением: мечами, кинжалами, копьями, наконечниками стрел, железными секирами. Во многих из них были обнаружены защитные доспехи, представленные панцирями и кольчугой. Обращает внимание обилие и богатство других категорий вещей: одежды, расшитой золотыми бляшками, в сочетании с гривнами, браслетами, перстнями, поясными пряжками, выполненными в зверином стиле; импортной металлической посуды; деталей конской упряжи.

Характер археологического материала «Золотого кладбища» позволяет предположить, что оно оставлено воинами, принадлежащими к определенному роду войск – тяжеловооруженной коннице, так называемым катафрактариям. По данным письменных источников катафрактарии вербовались из аристократической верхушки общества (Гущина, Засецкая, 1994, с. 37, 38).

Причастность Рима к воинскому контингенту «Золотого кладбища» подтверждается наличием в погребениях большого количества бронзовой и серебряной посуды южноиталийского производства, а также западных и восточных его провинций. Причем в ряде случаев была обнаружена посуда, которая входила в амуницию римских легионеров. В одном погребении было найдено бронзовое навершие в виде головы кабана, являющееся знаком римского штандарта. Обилие этих вещей позволило автору раскопок данного памятника Н.И. Веселовскому прийти к выводу о том, что он принадлежал «отуземившимся» римлянам. Однако обряд погребения, типы вооружения, вещи, выполнение в зверином стиле, свидетельствуют о том, что на «Золотом кладбище» погребено варварское население сарматского круга (Гущина, Засецкая, 1994, с. 38).

Время, предшествующее появлению «Золотого кладбища», и период его существования ознаменованы большой активностью сарматов на Северном Кавказе и Северном Причерноморье. Рим использовал все возможности для ослабления давления сарматов на своих границах. В отдельных районах он действовал через своих вассалов. По всей вероятности, в рассматриваемом регионе Рим для этих целей использовал Боспорское царство, обязывая его изыскивать необходимые средства для выплаты наемным войскам, формируемым из варваров, и подкупа предводителей племенной верхушки.

Подводя итог, необходимо сказать о том, что в ранний период сарматской истории к востоку от Дона образовалась область, именуемая Сарматией, возможно получившая название по одному из наиболее крупных кочевых объединений. В последующее время и тогда, когда Сарматия стали подразделять на Азиатскую и Европейскую, народы, в разное время обитавшие на этом ог-

ромном пространстве и ведущие кочевой образ жизни, античные авторы обычно именовали сарматами, хотя и выделяли среди них отдельные объединения с собственными названиями. Анализ письменных источников позволяет утверждать, что на протяжении всей истории сарматов на обширной территории их обитания не сложилось кочевого объединения, по уровню политической консолидации равного суперсложному вождеству или кочевой империи. Все кочевые группировки, относимые к сарматскому миру, по своей политической организации в большей мере соответствовали сложным вождествам.

ТЕМА 5. КОЧЕВНИКИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Вопросы:

1. Некоторые особенности в изучении кочевых обществ Средней Азии.
2. Источники по истории кочевых народов региона.
3. Кочевые общества Средней Азии в VII–III вв. до н.э.
4. Политическая ситуация в Средней Азии и кочевой мир с середины III в. до н.э. по начало н.э.
5. Начало функционирования Великого шелкового пути.

1. Некоторые особенности в изучении кочевых обществ Средней Азии

Территориально Средняя Азия включает ряд современных государств: Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан, Киргизию, а также частично южные районы Казахстана, северо-восток Ирана и север Афганистана. Средняя Азия является частью Центральной Азии, располагаясь в ее западной части. Этот район характеризуется разнообразием природных условий, значительную часть ее территории занимают пустыни и полупустыни, имеются оазисы, орошаемые водами рек, горные массивы. Специфика географических условий предопределила сосуществование здесь в эпоху раннего железного века как кочевых, так и оседлых обществ. Исследования показывают, что для каждой из природных зон Средней Азии в эпоху раннего железного века были характерны свои особенности в приспособлении населения к природным условиям и ведению хозяйства. В связи с этим в разных среднеазиатских районах сложилось несколько хозяйственных типов: оседлых земледельцев и скотоводов; полуоседлых скотоводов-земледельцев; кочевников и полукочевников-скотоводов (Степная полоса Азиатской части СССР ..., 1992, с. 12). Среднеазиатский регион в рассматриваемый период времени характеризуется большим разнообразием населения по культурному и этническому со-

ставу. Все это, в свою очередь, сказалось на разнообразии археологических памятников, которыми насыщена Средняя Азия.

Сложность изучения кочевых обществ Средней Азии заключается в том, что здесь скотоводы-кочевники обитали не только чересполосно с земледельческим населением, но зачастую на одной ограниченной территории. Об этом, в частности, свидетельствует нахождение в оазисных зонах Средней Азии как поселений земледельцев, так и курганных могильников кочевников. В каждом из районов Средней Азии были свои особенности взаимоотношений оседлого и кочевого населения. Это совершенно другая специфика, существенно отличная от таких районов, как юг Восточной Европы или степные территории к северу от Китая, где кочевники скифы, сарматы, хунну занимали исключительно степные территории и на длительное время выстраивали свои отношения с земледельческим населением. Непростые взаимоотношения кочевников с оседлым населением в Средней Азии осложнялись еще и тем, что в отдельные периоды Средняя Азия подвергалась завоеваниям других государств и входила в их состав, как в случае, например, с Ахеменидским государством и державой Александра Македонского. Позже территория Средней Азии частично включалась в состав Парфянского и Кушанского царств.

2. Источники по истории кочевых народов региона

Письменные источники. В изучении древней истории народов Средней Азии используются письменные источники. Это эпиграфические документы, изготовленные по распоряжению персидских правителей. Значимую роль в изучении истории народов Средней Азии в рассматриваемое время играют сочинения античных авторов, а также сведения древнекитайских историков.

Из эпиграфических документов в первую очередь следует выделить Бехистунскую надпись, высеченную по приказу персидского царя Дария I после событий 523–521 годов. Она располагается на скале на территории Ирана. Надпись клинописная трехязычная (древнеперсидский, эламский, аккадский языки), в ней упо-

минаются отдельные народы, а также области Средней Азии, выделенные в сатрапии: Бактриана, Согдиана, Хорезм, что свидетельствует о подчинении их территорий персам и вхождении в состав Персидского государства.

Поскольку греческие полисы в течение длительного времени находились в состоянии войны с Персидским государством (державой Ахеменидов), то естественно, что греки интересовались его историей, народами, которые проживали на его территории, в том числе и в Средней Азии. Геродот, труд которого был посвящен Греко-персидской войне, описал различные эпизоды из истории народов Персидского государства, где упоминает саков и массагетов, имеющих отношение к нашей теме (*История*, I; III; IV; VII; VIII; IX).

Существенно информация античного мира о народах Средней Азии обогатилась в связи с успешной войной Александра Македонского против Персии. Армия македонян достигла восточных пределов Персидского государства, выйдя в 329 г. до н.э. к реке Яксарт (Сырдарья). Некоторыми участниками похода Александра и его сподвижниками, такими, например, как Каллисфен, Птолемей Лаг, Аристокбул, были написаны сочинения, посвященные этому важному событию. Сочинения этих и некоторых других авторов эпохи Александра не сохранились, но они были использованы более поздними авторами, среди них особое место занимают труды Квинта Курция Руфа (I в. н.э., «История Александра Македонского») и Арриана (предположительно 90/95 – 175 гг., «Поход Александра»). Сочинения этих авторов представляют значительный интерес в отношении изучения истории ряда народов Средней Азии, сложившейся политической ситуации в этом районе в середине, второй половине IV в. до н.э.

Со II в. до н.э. народы Средней Азии попадают в поле зрения древнекитайских авторов. Длительная борьба Китая с северными соседями хунну привела его к поиску союзников среди народов Средней Азии. Информация об этой территории, собранная китайскими дипломатами, была использована в трудах древнекитайских историков Сыма Цяня, Бань Гу, Фань Е. В них содержится информация о народах, обитавших в Средней Азии в период

последних веков до н.э. – начала н.э., о политической истории этого края (*Бичурин*, 1950).

Разнообразная информация, имеющая отношение к истории народов Средней Азии разного времени, содержится в сочинениях Полибия, Плиния Старшего, Страбона, Клавдия Птолемея и других авторов античной эпохи (*Пьянков*, 1997).

Археологические источники. Существенным источником в изучении кочевых народов Средней Азии являются материалы археологических раскопок. Эпизодические раскопки среднеазиатских археологических памятников начались еще в XIX веке. Постоянные исследования археологических памятников Средней Азии, в том числе принадлежащих кочевникам, начинаются со второй половины 30-х гг. прошлого века. С 1936 г. А.Н. Бернштам проводит исследования многих памятников кочевого и земледельческого населения в долинах Таласа, Чу, Или, в районе Иссык-Куля. Раскопки, проводимые А.Н. Бернштамом, открыли новую страницу в археологии этого района Средней Азии, им были выделены сакские памятники. Исследователь занимался изучением древних среднеазиатских кочевников на территориях Казахстана, Киргизии, Узбекистана. Его труды во многом были основополагающими по археологии Средней Азии (*Литвинский*, 1972, с. 5, 6).

В 1937 г. была создана Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР во главе с С.П. Толстовым, проводившая исследования вплоть до начала 90-х гг. прошлого века. Ее объектами являлись Южное Приаралье, низовья и дельты Амударьи и Сырдарьи, территории древнего Хорезма. Здесь сосредоточено большое количество разновременных археологических памятников, принадлежащих как оседлому, так кочевому населению. Хорезмская экспедиция являлась комплексной, в ее составе работали не только археологи, но и этнографы, антропологи, геологи, почвоведы – все это позволяло более основательно исследовать раскапываемые памятники и извлекать наиболее объективную информацию. Исследования экспедиции носили крупномасштабный характер, в отдельные годы в ее составе работало до восьми отрядов. Отрядами экспедиции были выявлены сложные исторические процессы, связанные со значительными мигра-

ционными передвижениями кочевников на исследуемой территории. Были открыты наиболее древние сакские памятники, могильники Южный Тагискен и Уйгарак, датирующиеся VII–V вв. до н.э., получен материал по экономике населения данного региона, для которого были характерны различные формы скотоводства, сочетающиеся с земледелием (Толстов, 1948; 1962; Итина, 1997а, с. 189–199).

Крупные исследования в разных регионах Средней Азии проводили Южно-Туркменская археологическая экспедиция (руководитель М.Е. Масон) и Южно-Таджикская экспедиция (руководитель Б.А. Литвинский). В послевоенное время более активно в археологические исследования включаются различные организации среднеазиатских республик, соответствующих союзных академических учреждений, университетов.

В этой части данной темы весьма сложно осветить всю историю археологических исследований Средней Азии, поскольку она крайне обширна. Остановимся на отдельных исследованиях, касающихся непосредственно кочевников. Следует отметить проводимые О.В. Обельченко раскопки и изучение курганных могильников, оставленных кочевниками в Бухарском оазисе, являвшемся одной из древнейших областей Средней Азии – Согда. Материалы могильников выявили тесную связь кочевников с оседлым населением оазиса, что прослеживается по предметам материальной культуры – керамике, оружию и другим изделиям, которые являлись продукцией ремесленного производства оседлого населения. По мнению автора, это свидетельствует о близости культурных традиций кочевого и оседлого населения оазиса (Обельченко, 1992).

Большое значение для изучения событий последних веков до н.э. – начала н.э. в Средней Азии имели раскопки курганных могильников в Северной Бактрии, некоторые из них включали по несколько сот курганных насыпей. Раскопки проводились во второй половине 50-х – начале 60-х гг. прошлого века. Был получен обширный материал, позволяющий утверждать, что кочевники играли ведущую роль во многих исторических событиях того времени в Средней Азии. Особую ценность материалы могильников

Северной Бактрии представляют для разработки вопросов, связанных с предысторией Кушанского государства и его ранней историей (Мандельштам, 1966; 1975).

Из большого количества археологических исследований, которые проводились на территории Средней Азии, следует выделить раскопки кургана в Чиликтинской долине в 1960 г., в котором находилось погребение раннесакского времени (VII–VI вв. до н.э.) с богатым набором вещей. Особенную культурно-историческую ценность представляют художественные вещи из золота, выполненные в скифском зверином стиле (Черников, 1965).

Большой резонанс имели результаты раскопок кургана Иссык. Курган раскапывался в 1969–1970 гг., он входил в состав крупного курганного могильника, насыпи которого отличались большими размерами, что свидетельствовало об их принадлежности кочевой знати. Отдельные из них достигали 15 м в высоту. Могильник располагался на левом берегу горной реки Иссык на 50 км восточнее города Алма-Аты. В раскопанном кургане было обнаружено погребение знатного воина с большим количеством вещей, среди которых много изделий из золота, являющихся уникальными памятниками древнего искусства. Была проведена большая работа по реконструкции одежды, украшенной множеством золотых бляшек, головного убора с деталями украшений из золота. Наличие дорогого оружия, золотой гривны и других вещей свидетельствует о высоком социальном статусе погребенного в кургане Иссык, возможно «царского» ранга. Исследователь этого кургана К.А. Акишев отнес его к кругу сакских погребальных памятников V в. до н.э. (Акишев, 1978) (рис. 20).

В 1978 г. Советско-Афганской экспедицией был открыт ряд богатейших захоронений, датируемых I в. до н.э., на холме Тиллятепе, располагавшемся на севере Афганистана рядом с городом Шиберган. Это территория Древней Бактрии. Раскопанные погребения в литературе были удостоены статуса «царского некрополя» (рис. 21). Данные этих раскопок свидетельствуют о тесной связи с кочевым миром захороненных лиц, сыгравших важную роль в становлении Кушанского государства (Сарианиди, 1989).

Рис. 20. Экипировка сакского вождя. Курган Иссык

Рис. 21. Золотая диадема. Тилля-тепе

Бесспорно, Средняя Азия является своеобразной археологической Меккой, здесь в течение уже многих лет ежегодно работают различные археологические экспедиции, исследуя новые памятники, открывая зачастую неизвестные страницы истории этого интересного региона. Здесь я остановился только на отдельных эпизодах исследования археологических памятников, имеющих отношение к кочевым обществам Средней Азии. Без всяких сомнений, для нашей темы имеет значение изучение и стационарных памятников: поселений, крепостей, городов, зачастую представляющих ценные сведения о взаимоотношениях кочевого и оседлого населения. Завершая эту часть темы, отсылаю интересующихся к общим обзорам изучения Средней Азии в эпоху раннего железного века (Степная полоса азиатской части СССР ..., 1992; Историография истории Древнего Востока ..., 2002).

3. Кочевые общества Средней Азии в VII—III вв. до н.э.

В указанное время в источниках упоминаются названия следующих кочевых сообществ, обитавших в Средней Азии или принимавших участие в среднеазиатских событиях: саки, массагеты и дахи.

Наиболее ранние сведения относятся к сакам, они упоминаются в Бехистунской надписи и «Истории» Геродота. Ранее сложилось мнение, что саки были потомками населения позднего бронзового века, относящегося к андроновской культуре. Впоследствии с использованием антропологических данных была предложена несколько иная версия формирования культур сакского типа, по которой их складывание происходило не напрямую на андроновской основе, а в результате миграций генетически гетерогенного населения Западной и Южной Сибири, с вероятным включением мигрантов Центральной Азии и Волго-Уралья (Яблонский, 2006, с. 334–349) (рис. 22).

Сакские племена Средней Азии занимались преимущественно скотоводством и вели кочевой образ жизни. В языковом отношении они входят в круг восточно-иранских народов. В древне-

персидских надписях упоминаются четыре группы саков: саки-хаумаварга; саки-тиграхауда; саки, которые за морем; саки, которые за Согдом. Существует сложность в определении конкретных мест обитания каждой из этих групп саков. Есть мнение, что саки-тиграхауда должны были занимать западные районы Средней Азии, саки-хаумаварга – восточные. Саки, которые за Согдом, скорее всего занимали территории вдоль верхнего и отчасти среднего течения Яксарта (Сырдарьи). Локализация саков, которые за морем, наиболее спорна. Есть мнение, что под ними подразумеваются европейские скифы (Литвинский, 1972, с. 158–174). Кстати, Геродот отмечал, что «персы всех скифов зовут саками» (*История*, VI, 50).

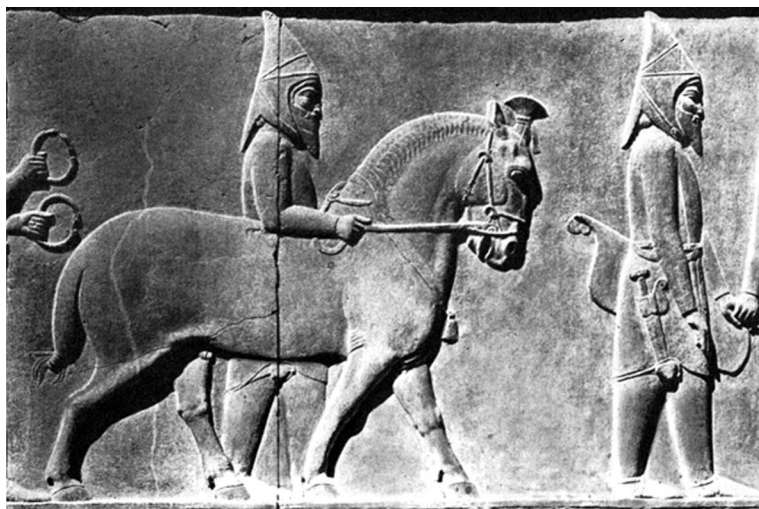

Рис. 22. Барельеф с изображением саков. Персеполис

Наибольшая информация о массагетах содержится в «Истории» Геродота. Он их характеризует следующим образом: «Эти массагеты, как говорят, многочисленное и храброе племя. Живут они на восток по направлению к восходу солнца за рекой Араксом напротив исседонов. Иные считают их также скифским племенем» (*История*, I, 201). Река Аракс – это, видимо, устьевая часть

Амударьи, ранее впадавшая в Каспийское море. Далее Геродот уточняет место обитания массагетов. Это «безграничная необозримая равнина» к востоку от Каспийского моря (*История*, I, 204). Исследователи полагают, что массагеты являлись частью сакско-го мира Средней Азии, их можно идентифицировать с саками-тиграхауда персидских источников (Литвинский, 1972, с. 172).

В письменных источниках в отдельных событиях в Средней Азии упоминается народ, именуемый разными авторами даями или дахами. Одно из первых упоминаний о даях имеется у Геродота в эпизоде, в котором речь идет о подготовке Киросом II восстания против мидийцев. Место обитания их не указывается Геродотом, но отмечается, что даи были кочевниками (*История*, I, 125). Во время борьбы Александра Македонского с Персией даи выступали на стороне персов и принимали участие в знаменитой битве при Гавгамелах, они поддерживали бактрийского сатрапа Беса, который пытался оказать сопротивление Александру. Впоследствии одно из подразделений даев по Страбону сыграло основную роль в образовании Парфянского государства (*География*, XI, IX, 2). Данные ряда параграфов книги XI «Географии» Страбона позволяют предположить, что одной из ранних территорий обитания даев были районы, расположенные северней Каспийского или Аральского морей. Археологические данные позволяют сделать вывод о том, что племенной союз даев в IV в. до н.э. мог контролировать и районы Южного Приуралья. Их сезонные кочевья достигали Прикаспийской низменности и Приаралья. Часть даев могла занимать или контролировать в разные периоды и другие районы Средней Азии (Скрипкин, 2017б, с. 44–46).

Общие данные письменных источников о названных выше кочевых народах Средней Азии позволяют утверждать, что в политическом отношении они не представляли собой единое целое. В VII–III вв. до н.э. эти племена объединились в союзы, во главе которых стояли верховные вожди. Их обычно именовали царями или царицами. Так, у массагетов была известна царица Томирис, у саков – Зарина. Царь возглавлял войско, заключал договора с правителями других народов, занимался, видимо, распределением дани или военной добычи. Предполагается наличие наслед-

ственной власти у среднеазиатских кочевников по аналогии со скифами Северного Причерноморья. Так же как и у скифов, у кочевников Средней Азии существовала традиция сооружать умершим царям огромные курганы, сопровождать их погребения обилием дорогих вещей.

Образ жизни саков, массагетов, даев источники определенно связывают с кочевым скотоводством. Мы практически не располагаем данными о социальной структуре кочевых обществ Средней Азии. В рассматриваемую эпоху, по аналогии с другими кочевыми обществами, скот у них должен был находиться в собственности отдельных семей. Стада, принадлежащие сакской знати, могли насчитывать несколько десятков тысяч голов. Уход за таким количеством скота предполагал наличие зависимого населения, трудившегося в хозяйствах знати (Пьянков, 1975, с. 88, 89). О далеко зашедшей социальной дифференциации свидетельствуют и погребения кочевников Средней Азии; с одной стороны, огромные курганы знати с богатым набором вещей, с другой – небольшие курганы с вещами, обычными в обиходе кочевников. Конечно, в общественной жизни имущественное неравенство кочевников было завуалировано их генеалогическим родством. Все члены кочевого сообщества являлись свободными, к тому же большая часть взрослого мужского населения составляла войско этого сообщества. Положение отдельного индивидуума в обществе кочевников скифской эпохи во многом зависело от его принадлежности к тому или иному роду, места этого рода в структуре родоплеменной иерархии. В целом уровень социально-политического развития кочевников Средней Азии соответствовал сложным вождествам, поскольку по письменным источникам массагеты и даи, например, включали в свой состав ряд подразделений со своими названиями. Объединения уровня кочевой империи в Средней Азии сложиться не могло, поскольку названные в письменных источниках саки, массагеты, даи не представляли собой единое политическое целое. К тому же отдельные земледельческие центры Средней Азии не являлись единой земледельческой цивилизацией в политическом отношении, которая могла бы способствовать централизации кочевников всего среднеазиатского региона.

По этой причине отдельные кочевые подразделения самостоятельно устанавливали связи с отдельными земледельческими районами Средней Азии.

В нашем распоряжении практически нет сведений об особенностях взаимоотношений кочевого и земледельческого населения в скифское время в Средней Азии. Однако можно предположить, что связи и взаимное влияние представителей этих двух экономических и историко-культурных укладов во многом определяли историческое развитие Средней Азии. Археологические данные позволяют утверждать, что кочевники занимали не только степные и полупустынные территории, но проникали в оазисы, становясь непосредственными соседями оседлого населения. В этом случае постоянные контакты кочевников с земледельцами способствовали их переходу к оседлому образу жизни. Исследователи отмечали постепенное усиление роли земледелия в хозяйстве приаральских саков и развитие у них полукочевого хозяйства с достаточно прочной оседлостью (Итина, 1992, с. 46). Есть основания полагать, что впоследствии на сакской основе на Нижней Сырдарье формируются такие культуры, как чирикратская и джетысарская с их монументальными крепостями и культовыми сооружениями (Итина, Яблонский, 1997, с. 83).

Для Средней Азии в силу географического разнообразия ее отдельных районов сложилось несколько форм скотоводческого хозяйства. Первая из них характерна для Центрального и Западного Казахстана с круглогодичными перекочевками. Вторая, полукочевое скотоводство, получила распространение в Семиречье, в предгорных и горных районах Тянь-Шаня и Памиро-Алая. При этой форме кочевания обычно совершались с долин на горные пастбища и обратно. И третья форма – оседлое скотоводство, когда скотоводы располагались на границах или даже на территории земледельческого населения. Исследователи рассматривают эту форму как «симбиоз земледельческо-скотоводческого и полукочевого скотоводства, основанный на естественном разделении труда» (Вайнберг, Горбунова, Мошкова, 1992, с. 22).

Тесное взаимодействие кочевников с оседлым земледельческим населением – основная линия исторического развития

Средней Азии. В ее северных районах в рассматриваемое время в политическом отношении более значимую роль играли кочевники. Территориально являясь составной частью евразийского степного пространства, эта территория периодически пополнялась новыми кочевническими группировками, таким образом поддерживая здесь приоритет кочевников. В южных районах Средней Азии в политическом отношении ведущее положение занимали земледельческие центры.

Переселение кочевников в земледельческие районы и длительное проживание здесь в ряде случаев приводило к установлению их политического господства и формированию государственных образований с династиями кочевнического происхождения.

Исторические процессы, связанные с развитием кочевых обществ, и их взаимодействие с оседлым населением осложнялись завоеваниями Средней Азии другими государствами. В 40–30-е гг. VI в до н.э. Средняя Азия была завоевана Персией. На ее территории образовались сатрапии, административные округа Персидского государства: XII сатрапия (Бактрия), XVI сатрапия (Согд, Парфия, Хорезм). Во главе сатрапий стояли персидские чиновники – сатрапы. В их обязанности входило руководство подчиненной территорией, сбор налогов, формирование военных отрядов. В процессе завоеваний персов на территории огромного их государства создавалась единая административная, налоговая и денежная система.

Персидское владычество тяжелым бременем легло не только на плечи оседло-земледельческого населения, но и на кочевников. Средняя Азия являлась тем регионом, из которого ахеменидской администрацией в качестве налогов и дани взимались огромные средства. Народы Средней Азии оказывали ожесточенное сопротивление завоевателям. Широкую известность получил поход Кира II против массагетов, завершившийся крупным сражением в 530/529 г. до н.э. Геродот в этой связи отмечал: «Эта битва, как я считаю, была самой жестокой из всех битв между варварами» (*История*, I, 214). Примечательно, что войско массагетов возглавляла женщина – царица Томирис. В этой битве персы потерпели

поражение, погиб и Кир II, основатель Персидского государства, прославивший свое имя победами над многими народами.

В последующее время народы Средней Азии неоднократно выступали против персидского господства. Известно, что в начале правления персидского царя Дария I Персию охватил ряд крупных восстаний ранее покоренных народов. В 519/518 г. до н.э. Дарию пришлось подавлять выступление саков-тиграхауда. В этом походе персы впервые достигли устья Амударьи и вышли к побережью Аральского моря. В произошедшем сражении персы одержали победу над саками, а их вождь Скунха попал в плен к персам (рис. 23).

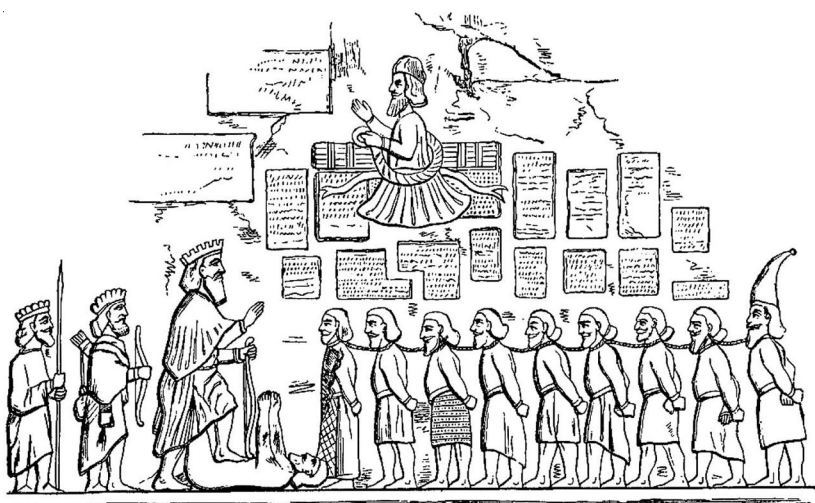

Рис. 23. Бехистунская надпись.
В ряду пленных последний сакский вождь

Персам все же удавалось осуществлять контроль над кочевническими группировками Средней Азии, включать их военные подразделения в состав персидской армии. Так, Геродот, повествуя о походе Ксеркса в Грецию в 480 г. до н.э., в составе огромной разноплеменной армии персов упоминает саков, вооруженных луками, кинжалами и боевыми секирами (*История*, VII, 64).

В битве при Гавгамелах, состоявшейся в 331 г. до н.э. в Месопотамии между армиями Александра Македонского и персидского царя Дария III, в составе армии персов упоминаются несколько подразделений кочевников из Средней Азии: даи, саки и скифы. Судя по Арриану, это разные группировки кочевников, поскольку они в построении персидской армии занимали разные места (*Поход Александра*, III, 11, 3). Что касается скифов, то это, скорее всего, какая-то группировка среднеазиатских кочевников, поскольку северопричерноморские скифы в силу сложившейся исторической ситуации в регионе их обитания в тот момент никак не могли оказаться в составе персидской армии. Что касается саков, то это могла быть какая-то часть среднеазиатских кочевников, подчиненная персам, хотя Арриан упоминает о том, что саки участвовали в составе персидской армии как союзники. Дай могли попасть в состав персидской армии, видимо, в качестве наемников, поскольку, с одной стороны, территория их обитания не была подчинена персам, с другой – есть основания отождествлять с ними памятники Южного Приуралья конца V – IV в. до н.э. типа Филипповки I (Скрипкин, 2017б, с. 44–46), в которых обнаружена значительная серия престижных вещей ахеменидского происхождения, являвшихся, скорее всего, частью платы персидской администрации за оказанное содействие даям в военных акциях персов (*Влияние ахеменидской культуры ...*, 2012). Дай и после поражения персов при Гавгамелах продолжали участвовать в оказании сопротивления македонской армии Александра. Арриан называет их в составе армий бактрийского сатрапа Бесса и согдийского военачальника Спитамена, поднявшего восстание в Согдиане и Бактрии против Александра. Арриан говорит о даях, что это «народ, живущий за Танаисом» (*Поход Александра*, III, 28, 8, 9). У Курция Руфа эти кочевники выступают под именем дахов, под руководством Спитамена они сыграли решающую роль в разгроме большого отряда македонцев (*История Александра Македонского*, VII, 7, 30–38).

Завоевание Александра Македонского (329–327 гг. до н.э.) положило конец персидскому господству в Средней Азии; собственно, произошла смена одних завоевателей другими. Александр

не стал существенно менять государственное управление на подчиненной территории Средней Азии. Он практически сохранил старое административное деление, только вместо сатрапов-персов поставил македонян и лояльно настроенных представителей местной аристократии, разрешил им чеканить монету, формировать воинские отряды, привлекая наемников.

Наряду с участием кочевников в сопротивлении местного населения македонской армии, Арриан и Курций Руф свидетельствуют о наличии дипломатических контактов между кочевниками и Александром. Таких контактов было много, речь в данном случае идет о скифах, которые обитали за Танаисом, их именовали европейскими. Среди них, вероятно, были и даи, которых источники также помещали за Танаисом. Танаисом эти авторы называли Яксарт (Сырдарью) (Гаибов, Кошеленко, 2005, с. 103–127). Еще Страбон отмечал, что «в угоду тщеславия Александра» Яксарт (Сырдарья) был отождествлен с Танаисом (Доном), соответственно и граница между Европой и Азией была перенесена на берега Яксарта (*География*, XI, VII, 4). Таким образом, «европейские скифы» – это кочевники, обитавшие к востоку и северо-востоку от Сырдарьи. Частые контакты скифов с Александром исключают причастность к этим дипломатическим акциям европейских скифов, обитавших в Северном Причерноморье (Скрипкин, 2017б, с. 137–139). Македонцы были против появления скифов к западу от Танаиса (Яксарта).

Столкновение Александра с заяксартскими скифами произошло только однажды по инициативе последних. Скифы решили помешать строительству города (Александрия Эсхата) македонянами на левом берегу Яксарта, усмотрев в этом угрозу своей независимости. Македонское войско, переправившись на противоположный берег, обратило скифов в бегство и преследовало их на расстоянии 80–100 стадий (15–18 км) (Гафуров, Цибукидис, 1980, с. 252, 253). Скифы, обитающие по другую сторону Яксарта, судя по данным источников, не покидали свои владения, они продолжали контролировать их рубежи по Яксарту. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что уже через

небольшой промежуток времени даи по данным Арриана принимают участие в индийском походе Александра (*Поход Александра*, V, 12, 2).

После смерти Александра Македонского в 323 г. до н.э. восточные земли и народы, завоеванные им, вошли в состав так называемого Селевкидского государства, основанного Селевком, сподвижником Александра. В состав этого государства были включены и южные районы Средней Азии.

4. Политическая ситуация в Средней Азии и кочевой мир с середины III в. до н.э. по начало н.э.

В середине III в. до н.э. в результате распада государства Селевкидов на территории Бактрии и Согдианы создается Греко-Бактрийское царство, господствующее положение в котором занимали греки, поселившиеся здесь еще при Александре Македонском и в последующее время. Во властные структуры государства входила и местная знать, что обеспечивало ему определенную устойчивость. Смешанный состав населения Греко-Бактрии оказывал влияние и на ее культуру, в которой сочетались как греческие, так и местные традиции.

Правителям Греко-Бактрии приходилось прилагать усилия в охране своих границ от нашествия кочевников. Об этом, в частности, свидетельствует эпизод с так называемой угрозой Евтидема. Селевкидский правитель Антиох III решил восстановить свое государство в прежних границах. Он со своими войсками осадил столицу Греко-Бактрийского царства. Это событие относилось к 206 г. до н.э. По данным Полибия Эвтидем, правитель Греко-Бактрии, обратился через послов к Антиоху с предложением сохранить за ним его титул и царство, в противном случае огромные полчища кочевников, находящиеся на границах Греко-Бактрийского царства, осуществят вторжение и будут угрожать целостности обоих государств. Угроза эта была, видимо, реальной, поскольку между Евтидемом и Антиохом было заключено соглашение, по которому Евтидем сохранял царский титул, но признавал зависимость от Антиоха.

В то же время, воспользовавшись благоприятной политической ситуацией, из состава Селевкидского государства выходит Парфия, впоследствии превратившаяся в сильное государство, успешно противостоящее захватническим амбициям Рима на Востоке. Некоторые сведения о начале образования Парфянского государства сохранились у Страбона. По его данным некий Арсак (другое прочтение – Аршак), скиф по происхождению, вместе с кочевниками даями-апарнами напал на Парфию и завоевал ее. Несколькими строками ниже Страбон поясняет, что даи-апарны были переселенцами из области даев, живущих над Меотидой, однако это мнение не является общепризнанным. Далее он поясняет, что от этих скифов ведет свой род Арсак, хотя некоторые считают его бактрийцем (*География*, XI, IX, 2, 3). Так или иначе Арсак тесно был связан с кочевниками, в данном случае с даями. Таким образом, правящая династия, стоявшая у основания Парфянского государства, по своему происхождению была кочевнической. Аршакиды часто использовали войска кочевников в расширении владений своего государства.

В первой половине II в. до н.э. происходят значительные по масштабам изменения этнополитического характера, охватившие огромное евразийское пространство от Китая до Северного Причерноморья. Они существенно изменили этнический состав населения и политическую карту Средней Азии. На историческую арену выходит целый ряд кочевнических группировок, ранее не фигурировавших в письменных источниках.

Причиной сложившейся ситуации были события, связанные со становлением и укреплением хуннской кочевой империи, с отношением хунну (сюнну) к своим ближайшим соседям¹. Особый резонанс имел разгром юэчжей, учиненный хунну. Об этом событии сохранилась информация в китайских письменных источниках. Сыма Цянь следующим образом описывает произошедшее: «В прежние времена [юэчжи] были могущественны и с презрением относились к сюнну. Когда [шаньюем] стал Маодунь, [он] напал на [юэчжей] и разгромил их. Сюннский шаньюй Лаошан убил

¹ Подробно об истории хунну речь пойдет в следующей теме.

правителя юэчжей и сделал из его головы чашу для вина. Когда [юэчжи] были разбиты сюнну, они ушли далеко» (Восточный Туркестан ..., 1988, с. 237). Развитие дальнейших событий известно по данным другого китайского историка Бань Гу. Потерпев поражение от хунну, юэчжи наносят удар по народу сэ (саки) и занимают их территорию в долине реки Или в Прибалхашье, но закрепиться здесь надолго они не смогли. Их отсюда вытесняют усунни, ранее обитавшие по соседству с юэчжи. Юэчжи снова уходят дальше на запад, наносят удар по Дася и подчиняют эту страну. Дася обычно отождествляется с Бактрией (Восточный Туркестан ..., 1988, с. 237, 238).

Указанные события нашли отражение и в античных источниках. Так, Страбон, перечисляя племена, живущие к востоку от Каспийского моря, отмечал, что «из этих кочевников в особенности получили известность те, которые отняли у греков Бактриану, именно асии, пасианы, тохары и сакаравлы, которые переселились из области на другом берегу Иаксарта...» (*География*, XI, VIII, 2). Помпей Трог в передаче Юстина упоминает о том, что «Бактриану и Согдиану захватили скифские племена сарауков и асианов» (*Юстин*, кн. XLI. Пролог).

Наименование племен, завоевавших в середине II в. до н.э. Бактрию, в китайских и античных источниках разные. Отождествление названий этих народов в тех и других источниках является дискуссионным. Однако в обоих случаях речь идет об одном и том же событии – падении Греко-Бактрийского царства под ударами кочевников, пришедших с востока.

После крушения Греко-Бактрийского царства в отдельных районах Средней Азии появляются огромные курганные могильники, в которых насчитывают сотни насыпей с достаточно выраженной кочевнической культурой (Мандельштам, 1966; 1975). Исследователи не раз уже отмечали появление восточного фона в археологических памятниках Средней Азии после падения Греко-Бактрии, обнаруживающего близкие параллели в алтайских и хуннских древностях.

Представление о политической карте Средней Азии во II–I вв. до н.э. дают китайские источники. Первая информация по

этому вопросу поступает в Китай во второй половине II в. до н.э. при императоре У-ди (140–87 гг. до н.э.). Китай начинает искать союзников в борьбе с хунну, своим постоянным врагом, за пределами страны. С этой целью в Западный край был послан китайский чиновник Чжан Цянь, который собрал информацию о народах Средней Азии, впоследствии попавшую на страницы сочинений древнекитайских историков.

Среди ряда политических образований, упоминаемых впервые в китайской транскрипции, указаны территории, контролируемые кочевниками: Усунь, Кангюй (Канзюй), Яньцай, Большие Юэчжи. В первом их описании, принадлежащем Сыма Цяню, отмечается, что каждое из этих владений имело войско: Усунь – несколько десятков тысяч воинов; Кангюй – 90 тыс.; Яньцай – 100 тыс.; Большие Юэчжи – от 100 до 200 тыс. (*Бичурин*, 1950, с. 150, 151). По прошествии более ста лет по данным другого китайского историка Бань Гу происходит усиление владений Усунь и Кангюй, увеличение их населения и войска (*Бичурин*, 1950, с. 184, 190). Владение Кангюй занимало территорию к востоку от среднего течения Сырдарьи, Усунь располагалось в долине реки Или (рис. 24).

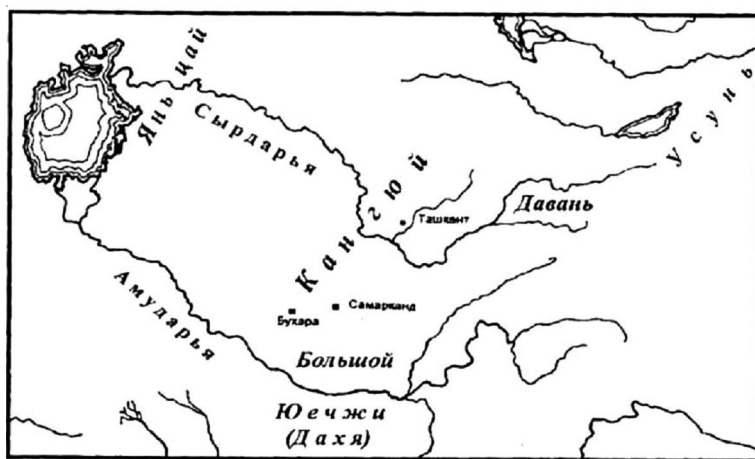

Рис. 24. Этнополитическая карта Средней Азии во II–I вв. до н.э.

Оба владения Кангюй и Усунь были втянуты в хунно-китайское противостояние. Китаю удалось установить дипломатические отношения с Усунь, Усуньскому куньмо² в жены была отправлена знатная китаянка, выданная за принцессу. Эта акция вызвала недовольство хунну, Усунь пришлось какое-то время проводить такую политику, чтобы окончательно не испортить отношения с теми и другими.

Однако по истечении времени Усунь проявила военную активность против хунну. В 71 г. до н.э. Усунь совместно с Китаем начали войну с хунну. Если китайская армия в этой войне не имела успеха, то усуньское конное войско во главе с куньмо нанесло сокрушительное поражение хунну. Было захвачено около 40 тыс. пленных, более 700 тыс. голов лошадей и другого скота. Последовавшая попытка хуннского шаньюя отомстить Усунь за это поражение потерпела неудачу. Указанные события привели к значительному усилению владения Усунь (Боровкова, 2001, с. 245–268).

Кангюй придерживался другой политики, поддерживая союзнические отношения с хунну. Бань Гу отмечал, что в отличие от Усунь «Кангюй, напротив, горд, дерзок и никак не соглашается делать поклонение перед нашими [китайскими] посланниками» (*Бичурин*, 1950, с. 185). Так, во время междоусобной войны хунну одно из их подразделений во главе с Чжичжи ушло на запад и заняло восточные территории Кангюя. Китайская армия разгромила эту группировку хунну, ее предводитель был убит. Далее Бань Гу отмечал, что несмотря на такую позицию Кангюя и произошедший конфликт, связанный с хунну, «...китайский Двор, еще недавно открывший сообщение с иностранными владениями и сверх того дороживший славой быть известным в отдельных странах, не прервал связи с Кангюем» (*Бичурин*, 1950, с. 186).

Источники отмечают, что в это время в зависимости от Кангюя находилось пять более мелких владений. Кангюй успешно развивает свое влияние в северо-западном направлении. Фань Е, автор хроники «Хоу Ханьшу», в которой события освещаются с 25 по 200 г. н.э., отмечал, что «Владение Яньцай пе-

² Куньмо – титул усуньского правителя.

реименовалось в Аланья; состоит в зависимости от Кангюя» (*Бичурин*, 1950, с. 229).

Более ранние сведения о Яньцай содержатся у Сыма Цяня. Владение Яньцай находилось к северо-западу от Кангюя, оно располагалось у большого озера с пологими берегами. Это озеро к тому же отождествляется с северным морем (*Бичурин*, 1950, с. 150). В более раннее время в повествовании Сыма Цяня это независимое владение обладает армией большей, чем Кангюй. Вопрос о локализации Яньцай достаточно дискуссионен. Под озером с пологими берегами чаще подразумевают Аральское или Каспийское море.

Переименование Яньцай в Аланья и попадание его в зависимость от Кангюя может трактоваться как завоевание Яньцай аланами в рамках политики, проводимой Кангюем. Это событие могло произойти в I в. н.э., когда аланы получают широкую известность, принимая активное участие в различных событиях на границах Римской империи.

Юэчжи, ранее обитавшие у северо-западных границ Китая, после поражения от хунну разделились на две группы. Большая их часть мигрировала на Запад и стала именоваться «большими юэчжами», другую меньшую их часть, оставшуюся на Востоке, стали называть «малыми юэчжами». Большие Юэчжи в своем отступлении в западном направлении достигли Дася (Бактрии) и захватили ее. В «Хоу Ханьшу» сообщается, что после переселения юэчжей в Дася они разделили эту страну на пять наместничеств. Одно из них именовалось Гуйшуан. Через сто с лишним лет его правитель, полагают, что им был Куджула Кадфиз, напал на остальные наместничества, уничтожил их и объявил себя единоличным правителем. Вся подвластная ему территория стала именоваться Гуйшуаном. Это событие произошло приблизительно в начале I в. н.э. С Гуйшуаном напрямую связано становление Кушанского царства – одного из могущественных государств Древнего Востока, а его основателем принято считать Куджулу Кадфиза. Таким образом, это еще один случай в древней истории Средней Азии, когда у основания известного государства стояли кочевники. В эпоху своего расцвета в состав Кушанского госу-

дарства входила часть Средней Азии, Афганистан, Пакистан, Северная Индия. «В глазах современников оно [Кушанское царство] было одной из тех “мировых империй”, которые в начале нашей эры объединяли под своей властью наиболее развитые в экономическом и культурном отношении страны и области Старого Света» (Ставиский, 1977, с. 12). В период своего наивысшего могущества Кушанское царство стояло в одном ряду с Римской и Китайской империями.

Падение двух крупных государств Древнего Востока, основанных кочевыми по происхождению династиями, Парфянского и Кушанского царств, связано с образованием государства Сасанидов в 224 г. н.э. с правящей династией персидского происхождения. В течение III в. н.э. сначала прекратило свое существование Парфянское царство, а затем и Кушанское.

5. Начало функционирования Великого шелкового пути

Термин «Шелковый путь» был введен в научный оборот немецким геологом и путешественником Ф. Рихтгофеном в 1877 году. Обычно выделяют два направления Великого шелкового пути, условно называемые «южным» и «северным». Южное направление от Китая через Бактрию и Парфию достигало восточного побережья Средиземного моря, огибая Каспийское море с юга, северное – через Фергану и Хорезм выходило к Южно-Уральскому и Волго-Донскому регионам, огибая Каспийское море с севера, достигая Северного Причерноморья.

Античный мир, в лице Греции и Рима, с одной стороны, а Китай в ханьский период – с другой в течение долгого времени определяли мировой прогресс. Долго они развивались изолированно друг от друга. Во многом эти цивилизации отличались одна от другой. Общим же для них было колоссальное влияние, которое они оказывали на окружающий мир. Китай в ханьскую эпоху для Восточной Азии имел то же значение, что Греция и Рим для истории европейских народов.

В течение ряда веков две эти цивилизации стремились на встречу друг другу. Первоначально инициатива принадлежала

античному миру. В 30–20-е гг. IV в. до н.э. Александр Македонский, разгромив крупнейшую державу древности Персию, со своими войсками дошел до Яксарта (Сырдарья). В те времена не существовало четкого представления об азиатском континенте, пределом его считалась Индия. Александр, преследуемый идеей мирового господства, направил свою армию в Индию, которую завоевать не смог. Город Александрия Дальняя, основанный македонянами на берегах Сырдарьи, македонские гарнизоны в Средней Азии были самыми восточными форпостами античной цивилизации. Впоследствии после распада державы Александра в течение века таковой здесь оставалось Греко-Бактрийское царство.

Китай, в это время раздираемый внутренними противоречиями и междоусобными войнами, а также осаждаемый с севера воинственными кочевниками, не мог сделать сколь-нибудь серьезных шагов навстречу западу. Но через некоторое время он перехватит инициативу.

Рим не сумел принять эстафету от греко-македонян в освоении глубинных районов Востока, его влияние распространялось не далее Месопотамии. Путь Риму на восток преградила Парфия. Сперва затяжная война с понтийским царем Митридатом VI Евпатором, затем сокрушительное поражение римской армии во главе с Крассом от парфян при Карах в 53 г. до н.э. заставили Рим приостановить свое продвижение на Восток. В дальнейшем Рим больше был озабочен сдерживанием натиска различных народов на бескрайних границах своей империи.

Китай, наоборот, со второй половины II в. до н.э. начинает распространять сферу своего влияния на запад. Начало активного интереса Китая к Западному краю имело в первую очередь политические причины. Во время правления императора У-ди (140–87 гг. до н.э.) ханьский Китай резко активизирует свою внешнюю политику. На западе он начинает искать союзников в борьбе со своими постоянными противниками – хунну. В 138 г. до н.э. по приказу императора в Западный край направляется миссия во главе с Чжан Цянем, перед ним была поставлена задача отыскать те племена, которые ранее были изгнаны хунну со своих зе-

мель, и склонить их к союзу с Китаем. Ханьскому двору удалось установить дипломатические отношения с усунями, предполагалось вовлечение их в качестве союзников в борьбе с хунну. С этого времени усиливается влияние Китая и его культуры на Среднюю Азию.

Вслед за Чжан Цянем в Среднюю Азию потянулись другие китайские дипломатические миссии. Они представляли собой караваны вьючных животных, нагруженных различными подарками для усуньских предводителей – от китайских «принцесс» до бронзовых зеркал и бамбуковых посохов. По словам Сыма Цяня, в Западный край отправлялось от пяти до десяти таких миссий в год (*Бичурин, 1950, с. 158*). Все это способствовало насыщению Средней Азии китайскими товарами.

Китай в Средней Азии тоже находил интересные для себя товары. Особой популярностью в Китае пользовались среднеазиатские лошади. Усуньский предводитель, отправляя Чжан Цяня обратно в Китай, вместе с ним передал несколько десятков лошадей для китайского двора. Китайскому императору очень понравились эти лошади, их стали именовать «небесными». Сыма Цянь отмечал: «В Усуни много лошадей, и богатые люди имеют от четырех до пяти тысяч голов». Один из усуньских предводителей «послал 1 000 лошадей, чтобы получить супругу из Дома Хань», и «Дом Хань отправил к нему княжну из своего рода...» (*Бичурин, 1950, с. 160*).

Эти первые контакты Китая с народами Средней Азии, обусловленные политическими причинами, способствовали развитию торговых отношений Китая с другими территориями и народами вплоть до Римской империи. В античной географии начинает упоминаться страна Серика и ее жители серы, располагающиеся на самой восточной окраине Азии. Сведения эти присутствуют в сочинениях Плиния Старшего, Дионисия Периегета, Клавдия Птолемея. Существует мнение, что Серику следует отождествлять с Китаем. В свою очередь, до Китая доходят сведения о Римской империи, которую они именовали Дацинь.

Доказательством того, что в первые века новой эры осуществлялась торговля по южному и северному направлениям, явля-

ются данные, приводимые в географическом труде Птолемея. В нем впервые описывается путь от сирийского города Гиерополя через Месопотамию, Мидию, Парфию, область Арию, Бактрию до Каменной башни (?) и далее к столице Серики (Восточный Туркестан ..., 1988, с. 212–222).

Птолемей приводит интересные сведения и о территории к северу от Каспийского моря, которые позволяют говорить о начале функционирования и этого ответвления Великого шелкового пути. Дело в том, что до Птолемея этот район практически не был известен античным географам. Так, например, Страбон (64/63 г. до н.э. – 23/24 г. н.э.), наиболее осведомленный о географии и народах, населявших Северный Кавказ, Северное Причерноморье и Среднюю Азию, не имел никакого представления о самой крупной реке Европы Волге. Каспийское море он считал заливом Северного океана, соединенного с ним узким проливом (*География*, XI, VI, 1).

Кардинальной новизной о рассматриваемом районе отличаются сведения Птолемея, которые он приводит в своем труде, написанном примерно через полтора века после Страбона. Птолемей впервые упоминает о Волге, называя ее Ра. Он указывает точное расстояние между наибольшим сближением Ра (Волги) и Танаиса (Дона) (*География*, V, 8, 13). У Птолемея это расстояние дано в градусах, если их перевести в меры длины, то в зависимости от того, какая мера им использовалась (эратосфеновский, обычный или царский стадий), это расстояние будет равняться от 64,5 до 87 км. Оно соответствует расстоянию от Волги до Дона на широте Волгограда и в зависимости от точки измерения колеблется в пределах 60–80 км. Кроме Волги, Птолемей на территории этого региона называет и другие реки, в частности Урал (Даик) и Эмбу (Иакаст). Он приводит наименования ряда населенных пунктов на Дону и множество названий народов, обитавших на территории в этом регионе.

Возникает вопрос: из каких источников Птолемей получал столь точную информацию о районах, удаленных на несколько тысяч километров от Александрии Египетской, в предместье которой он безвыездно жил и трудился? Такими информаторами

могли быть только купцы, они во многих случаях в древности являлись первопроходцами, прокладывая пути в малоизвестные страны. Для купцов, по их же сведениям, составлялись «подорожники» – своеобразные путеводители с указанием географических объектов, населенных пунктов, народов, проживающих в тех или иных местах. Птолемей, скорее всего, в описании Северного Прикаспия, а также южного направления Великого шелкового пути пользовался такими «подорожниками». В Александрию тогда стекалась со всех концов света самая разнообразная информация. Во II в. н.э. это был крупный торговый город, связанный морскими путями с другими центрами Средиземноморья, многими странами Востока: Персией, Сирией, Индией. Кроме того, в то время Александрия являлась центром научной мысли античного мира. В ней находилась самая крупная библиотека, еще в I в. до н.э. насчитывающая около 700 тыс. папирусных свитков, содержащих сведения по самым разнообразным отраслям знаний. В отношении северного пути можно предположить, что информация о Поволжье и Северном Прикаспии в античной литературе появилась в период, определяемый датами жизни и деятельности Страбона и Клавдия Птолемея, это время между первой четвертью I в. н.э. и серединой II в. н.э.

Есть основания полагать, что активизация северного направления Великого шелкового пути связана с завоеванием аланами Янцзай и их продвижением из Средней Азии в восточноевропейские степи в I в. н.э., поскольку предшествующее население Северного Прикаспия и Волго-Донского региона, которое можно отождествить с аорсами, препятствовало налаживанию связей через свою территорию (Скрипкин, 2017а, с. 6–13).

С I в. н.э. в кочевнических погребениях юга Восточной Европы, могильниках и городах Северного Причерноморья начинают встречаться бронзовые китайские зеркала, шкатулки с лаковым покрытием, шелковые ткани. Особый интерес в этом плане представляет находка в Крыму близ Бахчисарая стелы конца II – начала III в. с изображением двух всадников и начертанных четырех китайских иероглифов (Восточный Туркестан ..., 1988, с. 371).

Конечно, одним из важнейших товаров на Великом шелковом пути был шелк. Первые достоверные сведения о существовании шелководства в Китае относятся еще к III тыс. до н.э. Естественно, что Китай накопил гигантский опыт в производстве шелка. Шелковые ткани очень высоко ценились в античных государствах Европы; в Риме, например, одеяние из шелка стоило целое состояние.

Великий шелковый путь не следует рассматривать как постоянно действующие дороги, по которым в ту и другую стороны двигались караваны, нагруженные товарами. Путь этот был сложен и неоднозначен, здесь переплетались экономические и политические интересы, происходили миграции населения и войны. Торговые операции могли совершаться на дальние расстояния и быть многоступенчатыми, развивалась приграничная торговля. За отдельными народами закрепились слава торговцев, как, например, в Средиземноморье за финикийцами, таковыми на трассах Великого шелкового пути были согдийцы. Развитие торговых отношений было в интересах многих народов. Торговля укрепляла экономические, культурные и политические связи между ними, что определяло долгую жизнь Великого шелкового пути. Исчезали одни государства и возникали новые, изменялись направления отдельных участков пути – все эти перипетии не влияли существенным образом на развитие межконтинентальных связей, охватывающих в древности и Средневековье Азию, Европу и Северную Африку. Длительное время Великий шелковый путь являлся основным связующим звеном между этими континентами вплоть до эпохи великих географических открытий.

ТЕМА 6. ХУННУ

Вопросы:

1. Характеристика источников. Письменная традиция, данные археологии.
2. Ранняя история хунну. Образование державы.
3. Социально-политическая организация.
4. Взаимоотношения хунну с Китаем.
5. Кризис державы хунну.

1. Характеристика источников.

Письменная традиция, данные археологии

Рассматриваемая тема имеет отношение к самому восточному региону евразийского степного пространства. Этот вопрос интересен взаимоотношениями кочевого мира с одной из древнейших земледельческих цивилизаций. Китай на протяжении более двух тысячелетий соседствовал с кочевниками. История Китая – это гигантский исторический опыт взаимодействия земледельческой цивилизации с кочевниками. Этому государству с III в. до н.э. и в течение нескольких веков пришлось выстраивать свои взаимоотношения с могущественным объединением кочевников во главе с хунну, именуемым в современной научной литературе Хуннской кочевой империей. В настоящее время используются два названия этого народа: «хунну» и «сюнну», последнее название используется в современном китайском языке. В более позднее время Китаю во внешней политике с разным успехом приходилось взаимодействовать с Тюркским каганатом и Монгольской империей.

Письменные источники. В Китае независимо от других стран рано зародилась и стала развиваться историческая наука. Ее возникновению способствовала распространенная традиция написания летописей. Составление первых китайских летописей относят к IX–VII вв. до н.э. При дворе китайских правителей суще-

ствовала должность историографа, в обязанности которого входила фиксация всех важных событий и хранение архива. Даже в период распада Китая на отдельные царства в штате их правителей сохранялась указанная должность.

На основе этой богатейшей летописной традиции в Китае появляются литературные сочинения исторического жанра. Отцом китайской исторической науки принято считать Сыма Цяня (145–86 гг. до н.э.). Он написал обширный исторический труд под названием «Ши цзи» («Исторические записки»), являющийся всеобщей историей Китая и сопредельных народов, начиная от мифического правления пяти китайских императоров и заканчивая временем жизни самого автора. С появлением «Исторических записок» развитие китайской исторической науки вступило в новую фазу своего развития, значительно возрастает интерес к созданию исторических трудов.

Другим крупным историком Древнего Китая был Бань Гу (32–92 гг. н.э.), автор сочинения «Ханьшу» («История династии Хань»), представлявшего собой историческую хронику китайской династии Хань с 206 г. до н.э. по 20 г. н.э. Важность этого сочинения заключалась в том, что в нем были описаны события, которые происходили в Китае после жизни Сыма Цяня и тем самым продолжили его историю и соседних народов до начала новой эры.

Продолжением сочинения Бань Гу стал исторический труд Фань Е (398–445 гг.) «Хоу Ханьшу» («История династии Поздняя Хань»), в котором излагались события с 25 по 200 год.

Одним из первых переводчиков сочинений древнекитайских историков на русский язык был Никита Яковлевич Бичурин (1777–1853), архимандрит Русской православной церкви, востоковед, труды которого по истории Китая получили большую известность. В 1808–1821 гг. он находился в Китае по распоряжению Святейшего синода, возглавляя духовную миссию. Изучив китайский язык, он много времени уделял переводам китайской литературы, в том числе и сочинений указанных выше древнекитайских историков. Последним крупным трудом Н.Я. Бичурин стало «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», вышедшее в 1851 г. и переизданное ровно через сто

лет. Это сочинение является самой большой по объему его работой, причем как по количеству использованных документальных источников, так и по масштабу освещения исторических проблем и полноте переводов китайских текстов. Указанное издание Н.Я. Бичурина не утратило своей научной ценности и в настоящее время.

Что касается китайских письменных источников, имеющих непосредственное отношение к истории хунну, то в этом случае следует назвать имя В.С. Таскина (1917–1997), в детском возрасте попавшего в Китай вместе с эмигрировавшей в 1920 г. семьей и впоследствии работавшего сотрудником в Отделе Китая Института востоковедения АН СССР. Главное место в своем научном творчестве В.С. Таскин отводил истории кочевых народов и их взаимоотношений с Китаем. Его работы основывались на огромном массиве сведений из китайских источников. Большое значение для нашей темы имеет издание переводов китайских источников и комментарии к ним (*Таскин*, 1968; 1973; 1989).

Бесспорно, что переводами китайской древней литературы, содержащей информацию о взаимоотношении Китая с кочевниками, в том числе и с хунну, занимались и другие исследователи, здесь упомянуты только основные эпизоды по этой проблеме.

Сыма Цянь упоминает о кочевниках, живших к северу от Китая в VII–VI вв. до н.э., называя их жунами или дунху. Позже здесь начинают фиксироваться хунну. Сыма Цянь следующим образом характеризует кочевников, северных соседей Китая: они «...переходят со скотом с места на место, смотря по достатку и воде. Постоянного пребывания не знают. Живут в круглых юртах, из коих выход обращен к востоку. Питаются мясом, пьют кумыс, одежду делают из разноцветных шерстяных тканей... Кто храбр, силен и способен разбирать спорные дела, тех поставляют старейшинами. Наследственного преемства у них нет. Каждое стойбище имеет своего начальника. От ста до тысячи юрт составляют общину... От старейшины до последнего подчиненного каждый сам пасет свой скот и печется о своем имуществе, а не употребляя друг друга в услужение. ...В каждом деле следуют мне-

нию женщин, одни военные дела сами решают... Войну ставят важным делом» (*Бичурин*, 1950, т. 1, с. 142–143).

Этнополитическая ситуация, о которой пойдет речь в данной теме, сложилась на территории, с севера и северо-запада граничащей с Китаем, в период, который в истории Китая именуется Чжаньго (период Сражающихся царств, V–III вв. до н.э.). На севере и западе от Китая появляются новые племена: хунну и юэчжи. Юэчжи, как полагают исследователи, относились к кругу ираноязычных народов, являвшихся частью обширного скифского мира. В IV в. до н.э. хунну упоминаются уже как противники Китая. Западными соседями хунну были юэчжи. Рядом с ними упоминаются усунь. Названия всех этих народов взяты из китайских источников. Они занимали огромную территорию от Тянь-Шаня до Центральной Монголии.

Данные археологии. Археологические памятники, обнаруженные на территории, на которой ранее обитали хунну и отождествляемые с ними, представлены разного типа погребениями и поселениями. Основная их часть расположена на территории Монголии и Южной Сибири. Эпизодически раскопки погребальных памятников хунну начали производиться в XIX в., более активно и масштабней – в XX веке.

Особую известность получили начавшиеся в 20-х гг. прошлого века раскопки курганного могильника Ноин-Ула, расположенного на севере Монголии. Могильник включал более двухсот курганов высотой до 2 метров. В могильнике были открыты погребения хуннской знати, датируемые временем рубежа эр. В могильных ямах сооружались погребальные камеры из бревен, в которые помещался деревянный гроб-колода, покрытый лаком и росписью (рис. 25). В захоронениях могильника был обнаружен разнообразный материал: вещи, изготовленные из золота, бронзы, нефрита, лаковая посуда с китайской надписью, шелковые и шерстяные ткани с вышивкой. В одном из курганов был найден ковер из шерсти со сценой нападения грифона на оленя, выполненной в технике аппликации (рис. 26). Нахождение большого количества вещей в этих курганах, изготовленных китайскими мастерами, свидетельствует о постоянных связях хунну с Китаем.

Рис. 25. Раскопанное погребение знатного хунну. Ноин-Ула

Рис. 26. Деталь ковра. Ноин-Ула

Погребальные памятники хунну были открыты и на территории России. Еще с конца XIX в. начали исследоваться могильники Ильмовая падь и Дэрестуйский Култук, располагавшиеся в Бурятии. Захоронения в этих могильниках на поверхности отмечались кольцеобразными каменными выкладками. Несмотря на случаи частого ограбления погребений, в этих могильниках был обнаружен большой материал, характеризующий культуру, хозяйство, связи населения, обитавшего здесь в период со II в. до н.э. по начало нашей эры.

Наряду с курганными были выявлены и грунтовые могильники, принадлежащие хунну. Один из крупных грунтовых могильников был расположен рядом с Иволгинским городищем. Начало его исследования в 1956 г. было положено раскопками А.В. Давыдовой, в процессе которых был получен ценный материал об этническом составе и социальной структуре хуннского общества (рис. 27).

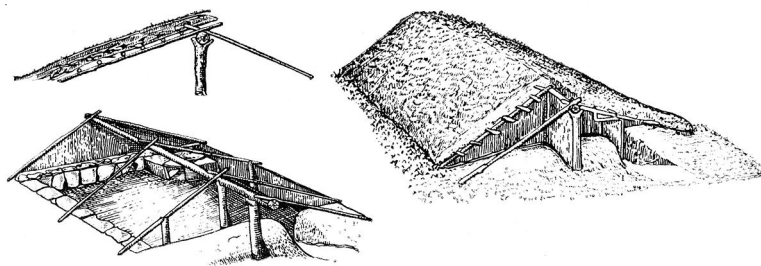

Рис. 27. Иволгинское городище. Реконструкция жилых построек

Кроме погребальных памятников на территории проживания хунну известны и поселения, их насчитывают около 20, половина из них – городища, то есть имеющие оборонительные укрепления. Наиболее известным и наиболее исследованным памятником этого типа является Иволгинское городище, находившееся у реки Селенга. С трех сторон оно было ограждено четырьмя валами и тремя рвами. Раньше на валах находился частокол из бревен. Поселение было плотно застроено в основном полуземлянками, а также наземными сооружениями с сырцовыми или глинобитными стенами, крыши поддерживались опорными столбами. Материалы, полученные в процессе раскопок городища, позволя-

ют сделать заключение о том, что его жители занимались скотоводством, земледелием, охотой, рыболовством и разнообразными ремеслами: металлургическим, кузнечным, оружейным, гончарным, косторезным (Могильников, 1992, с. 254–273).

Отдельные памятники хунну исследовались также в Туве, Хакасии, на Алтае, а также на территории Китая. Со второй половины XX в. раскопки хуннских древностей ведутся практически каждый год археологами России, Монголии, Китая. Созданная в процессе раскопок солидная база археологических источников вносит существенный вклад в изучение культуры и истории хунну. Были получены данные о неизвестных ранее сторонах экономики хуннского общества, о земледелии и ремесле, торговых связях, военном деле.

2. Ранняя история хунну. Образование державы

Происхождение хунну, их языковая принадлежность среди исследователей вплоть до нашего времени вызывают дискуссии. Сложность этих вопросов состоит в том, что основная часть письменных источников начала фиксировать хунну, когда под их властью были объединены многие другие народы, по этой причине «...культура хунну ханьского времени имела многокомпонентный характер...» (Ковалев, 2002, с. 150). В ханьскую эпоху этноним «хунну» употреблялся в отношении всех кочевников, соседствующих с Китаем. В такой ситуации выделить собственно хуннский этнический компонент достаточно сложно.

Л.Н. Гумилев предполагал, что хунну могли произойти от смешения китайских эмигрантов и степных кочевых племен. На основе этого смешения образовался прахуннский этнический субстрат, который в последующее время стал именоваться хунну (Гумилев, 1993, с. 13, 14).

Выдвигались различные гипотезы, основанные на археологических материалах, о выявлении ранних истоков хуннской культуры. Одни исследователи предлагали видеть их в культуре «плиточных могил» на территории Забайкалья и Монголии, другие – в культурах «ордосских бронз», но эти версии так и не нашли убедительного подтверждения (Крадин, 2001, с. 30–32).

Остается дискуссионным вопрос о принадлежности хунну к какой-либо языковой семье. Наиболее распространенными являются две версии: тюркская и монгольская. Собранный антропологический материал свидетельствует об отнесении физического типа хунну к североазиатской ветви большой монголоидной расы. Это подтверждается и антропологическими реконструкциями лица по черепу из погребений хунну, сделанными, в том числе, известным антропологом М.М. Герасимовым.

Интересную работу выполнили сотрудники Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, они провели исследование митохондриальной ДНК хунну Забайкалья, в результате которого выявили у них несколько генетических компонентов. Один из них характерен для населения Южной Сибири и Центральной Азии, вероятно, собственно хуннский, другой – для населения Юго-Восточной Азии, свидетельствующий о наличии связей хунну с китайцами, и третий компонент характерен для населения Западной Индии, Ближнего Востока и Передней Азии. Последний компонент, видимо, мог быть заимствован хунну у своих западных соседей юэчжей (Генофонд ..., 2011, с. 222–225).

Н.Н. Крадин отмечал, что «ядро» хуннской политики складывается в период V–III вв. до н.э., на этой основе впоследствии происходит образование кочевой империи (Крадин, 2001, с. 31). Формирование же кочевой империи хунну происходило на многокомпонентной этнической основе.

Хунну до объединения Китая в единую империю (221 г. до н.э.) и при первой его Циньской династии были еще достаточно слабы. Время, предшествующее приходу к власти общекитайской династии Цинь, характеризовалось раздробленностью Китая на несколько самостоятельных царств, которые вели постоянные войны между собой (Чжаньго – период Сражающихся царств). Раздробленность Китая не позволяла ему сосредоточить необходимые ресурсы в борьбе с кочевниками. Картина существенно меняется после объединения Китая. Основатель Циньской династии Цинь Шихуанди изгоняет хунну из Ордоса (плато в пределах большого изгиба реки Хуанхэ), которые вынуждены были отступить на север вглубь степей. Ранее лидирующее положение за пределами

Китая занимали юэчжи, хунну находились в зависимости от них, они отправляли к юэчжам своих заложников.

Существует неверное представление о том, что первый император Китая Цинь Шихуанди начал возводить Великую Китайскую стену исключительно из-за опасности кочевнического вторжения. Цинь Шихуанди, объединивший Китай в единую империю, направлял войска на своих северных соседей. В это время кочевники предпочитали держаться подальше от границ Китая, опасаясь сильной китайской армии. Есть даже мнение, что стена должна была являться препятствием для бегства к кочевникам китайских эмигрантов, замученных непосильной эксплуатацией со стороны чиновников (Гумилев, 1993, с. 44, 45). В Китае сложилась древняя традиция обозначать границы государства стенами. В глазах подчиненных императора стена обозначала границу между цивилизацией и варварами (рис. 28). Традиционно Китай руководствовался так называемой эгоцентрической концепцией во взаимоотношениях с окружающим миром, в основу которой была положена конфуцианская доктрина об этнокультурном превосходстве китайцев над остальными народами, окружающими их.

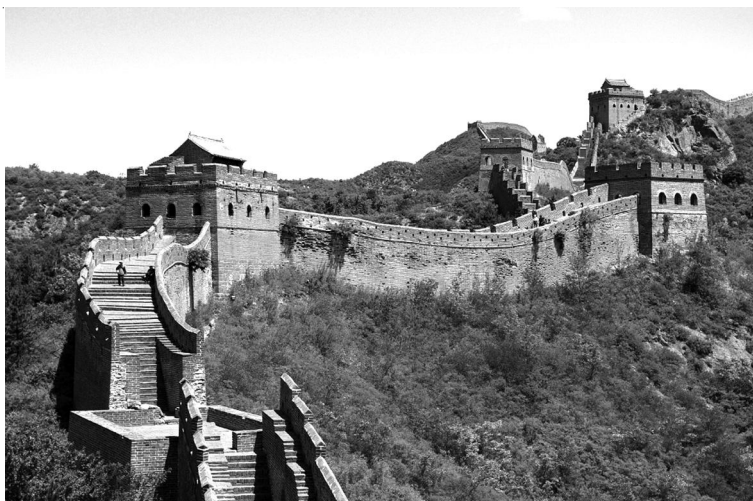

Рис. 28. Великая Китайская стена

Непосредственно оборонительные функции Великая Китайская стена стала выполнять несколько позже, в ханьскую эпоху. В связи с образованием единого Китайского государства происходят изменения и в структуре его северных соседей. Этот период в истории хунну был изложен Сыма Цянем в эпической форме, основанной, вероятно, на преданиях самих хунну. Он начинает свой рассказ с того времени, когда хунну находились в зависимости от юэчжи и дунху. Шаньюем³ у них был Таумань, который имел двух сыновей от разных жен. У него было желание сделать наследником младшего сына от любимой жены, что являлось нарушением традиции наследования власти у хунну. Чтобы воплотить свое желание в реальность, ему надо было избавиться от старшего сына, которого звали Маодунь (Модэ). Отец отправляет его к юэчжам заложником, после чего вероломно нападает на них. В этом случае заложника ждала смерть, но Модэ удалось бежать. После его возвращения отец за проявленную им храбрость дал сыну отряд воинов. Модэ стал обучать воинов, требуя от них беспрекословного выполнения своих повелений. Он приказал, чтобы их свистящие стрелы летели туда, куда летит его стрела. Однажды Модэ выпустил стрелу в своего прекрасного коня. Тем, кто этого не сделал, он приказал отрубить головы. Следующий раз он пустил стрелу в свою любимую жену, тем, кто этого не сделал, отрубили головы. Затем на охоте Модэ пустил стрелу в Аргамака, коня отца, все его воины последовали за ним. Он решил, что все его воины абсолютно послушны ему. И тогда на очередной охоте Модэ пустил стрелу в своего отца, все его воины сделали то же самое. Затем он казнил своего брата, его мать и приближенных отца, став, таким образом, шаньюем.

Восточные соседи хунну дунху, узнав о смуте в их среде, стали требовать от них различных уступок, они запросили замечательного коня и любимую жену Модэ. Старейшины советовали не отдавать им требуемое, но Модэ отвечал, что ради добрососедских отношений можно уступить им. В очередной раз дунху потребовали от хунну отдать им приграничные земли, старейши-

³ Высший титул у хунну.

ны, уже привыкшие к решениям своего шаньюя, советовали ему отдать эти земли, чтобы избежать войны. Модэ ответил: «Земля – это основа государства, разве можно отдавать ее». Советчикам он приказал отрубить головы. Модэ сел на коня, строго приказав быстро всем выступить против дунху. Неожиданное нападения хунну привело дунху к поражению, был убит их правитель, в плен захвачены их люди и скот (Гумилев, 1993, с. 53).

Довольно трудно установить, насколько были реальными события прихода к власти Модэ, из изложенного можно предположить, что это произошло вследствие свержения им своего отца, а затем дунху. Реальных сведений о хунну до прихода к власти Модэ, а это произошло, по общему мнению исследователей, в 209 г. до н.э., очень мало. По этой причине Н.Н. Крадин отмечал: «До 209 г. до н.э. можно говорить только о хуннской “доистории”. Конкретная событийная история начинается только после этой даты» (Крадин, 2001, с. 55).

После разгрома дунху, восточного соседа хунну, Модэ развивает собственный успех в деле расширения своих владений. Он наносит поражения своим давним соперникам юэжам. Далее, воспользовавшись политическим кризисом в Китае, шаньюй возвращает ранее принадлежавший хунну Ордос. Обратившись в другое направление, Модэ подчиняет ряд своих северных соседей, среди которых упоминаются динлины, гэгунни, хуньюю и др. Таким образом, Модэ удалось за короткий срок объединить большинство кочевых народов Центральной Азии. С правлением Модэ связано становление хуннского объединения, по своим внутренним и внешним признакам характеризуемого как кочевая империя.

3. Социально-политическая организация

Все титулы, имеющие отношение к социальной структуре хунну, их написание и звучание – китайского происхождения. Во главе хуннского объединения стоял шаньюй, это титул, равный царям у скифов и сарматов. Шаньюй являлся главнокомандующим, определял военную стратегию, назначал командующих подраз-

делениями; объявлял войну и заключал мир; получал дань, подарки и занимался их распределением; заключал междинастические браки; обладал верховной судебной властью (относительно государственной измены, проступков членов рода шаньюя или знати высших родов); выполнял функции высшего жреца.

Власть шаньюя обожествлялась, он считался ставленником Неба, которое покровительствовало его деятельности и обеспечивало благосостояние подданных. Здесь просматривается аналогия с китайскими религиозными представлениями о власти императора. Шаньюй имел многочисленных родственников, это братья, сыновья, дочери, их жены и мужья, племянники. Все они располагались в ставке шаньюя и составляли «двор».

Всего у хунну насчитывалось 24 рода. Из них главным был род шаньюя, который назывался золотым. Еще 3 или 4 рода считались привилегированными, из них брались жены для шаньюя и его сыновей. Из этих родов выходила высшая знать хунну – «принцы крови». Главы остальных родов являлись служилой аристократией. Ниже стояла знать племен не хуннского происхождения, присоединенных хунну.

Самыми знатными из рода шаньюя были 10 темников, которые делились на две группы: 4 рога и 6 рогов, 4 рога были более знатными и более сильными князьями, в их подчинении находилось до 10 тыс. всадников. В свою очередь, внутри этих групп существовала своя иерархия:

4 рога: левый и правый сянь-ваны;
левый и правый лули-ваны.

6 рогов: левый и правый цзянь;
левый и правый великий дувэй;
левый и правый данху.

Понятия «левый» и «правый» ассоциировались с делением всей империи хунну на левое (восточное) и правое (западное) крыло, которыми командовали левый и правый сянь-ваны, лули-ваны выступали их соправителями. Шаньюй олицетворял центр державы (Кычанов, 2010, с. 20, 21). Среди сянь-ванов главным считался левый сянь-ван, он являлся официальным наследником престола, обычно это был старший сын шаньюя.

Представители 6 рогов стояли рангом ниже 4 рогов. Они имели по несколько тысяч всадников. Являясь родственниками шаньюя, они выполняли ответственные дипломатические поручения, осуществляли руководство торговыми операциями, управляли завоеванными землями. Зачастую они участвовали в борьбе за власть. Один из шаньюев был выходцем из среды дувей.

У хунну было еще 24 высших административных должности, 10 из которых занимались представителями рода шаньюя и 14 – остальными знатными родами.

Была еще знать простых хуннских родов. Их вожди и старейшины именовались титулами «ван» (князь) без аристократических приставок. Они правили своими родами и территориями. Из их числа выходили сотники, десятники, в зависимости от того, какой клан они возглавляли. В их обязанности входило выполнение хозяйственных, судебных, культовых, фискальных и военных функций.

Кроме того, у хунну была служилая знать. В первую очередь – это дружина шаньюя, связанная с ним отношениями личной преданности. Среди дружинников была своя иерархия.

К служилой знати относились иммигранты из Китая. Они становились советниками при шаньюе, занимали другие должности в административной иерархии империи. В их обязанности входило: знакомство хунну с военным делом Китая, обучение китайскому письму, административной работе, придворному этикету, основам земледелия.

Ниже служилой знати стояли вожди нехуннского происхождения, включенные в состав державы путем подчинения. Они платили дань хунну.

Основное население Хуннской державы составляли простые кочевники-скотоводы, ведущие хозяйство и выполнявшие воинскую повинность.

Развитых форм рабства у хунну не существовало. Труд рабов у них не мог широко использоваться. В кочевом хозяйстве он был экономически не выгоден. Однако письменные источники пестрят известиями об угоне хунну во время набегов земледельческого населения. В этом случае встает вопрос: с какой целью

это делалось? Вероятно, правы те исследователи, которые считают, что захваченных в плен хунну уводили в северные пределы своей территории, где располагались поселения типа Иволгинского и др., там они занимались ремеслом и земледелием. Но они не являлись рабами, среди них были не только военнопленные, но и перебежчики, они находились, видимо, в разных формах зависимости от хунну.

Можно ли было в обществе хунну отдельному индивиду повысить свой социальный статус, и если да, то до какого предела? Этот вопрос касается не только общества хунну, но практически любого кочевого общества. Следует иметь в виду, что для кочевников была характерна генеалогическая система родства: статус и власть передавались внутри одной генеалогической группы по старшинству; ни один индивид не мог существовать вне рамок какой-либо кланово-родовой группы; социальный статус индивида обуславливался генеалогическим статусом его клана. Следовательно, возможности продвижения по иерархической лестнице в хуннском обществе были ограничены клановой принадлежностью. Одним из способов повышения персонального статуса в обществе хунну была преданность правителю, военная доблесть, в экстремальных случаях захват власти низшим кланом (Крадин, 2003, с. 152, 153).

Из данных китайских источников следует, что у хунну существовали две параллельные линии управления: гражданская и военная. Первая из них осуществлялась чиновниками; вторая – система десятичных рангов – применялась во время войны, когда хунну объединялись в одну армию, в этом случае должности у них определялись числом подчиненных воинов, и должностные лица именовались темниками, тысячниками, сотниками, десятниками. Причем в ряде случаев одни и те же люди могли участвовать как в той, так и в другой системе управления.

Китайцы считали, что управление у хунну было простым и достаточно эффективным, они сравнивали его с управлением человеком своим телом, которое осуществлялось легко и естественно.

Власть шаньюя, высших чиновников и военачальников поддерживалась строгой системой мер наказания: от ударами палки

до смертной казни. В определенной мере это позволяло быстро решать конфликтные ситуации, сохранять стабильность хуннского общества.

Однако в системе организации хуннского общества, которая основывалась на иерархии рангов, заложенной при шаньюе Модэ, был один существенный изъян. Это полигамия (многоженство), типичная для кочевой аристократии. Воспроизводство элиты в хуннской кочевой империи осуществлялось «едва ли не в геометрической прогрессии». Хотя право высшего положения и владения основным имуществом имели сыновья от старшей жены, но у шаньюя были еще дети от любимых молодых жен, здесь можно вспомнить случай, произошедший с Модэ. Все они принадлежали к высшему царскому роду и имели право претендовать на высокое положение в хуннской элите (Крадин, 2003, с. 153).

Переизбыток аристократического корпуса у хунну приводил к тому, что многим не доставались высокие должности и соответственно ограничивался доступ к материальным благам, это приводило к острой конкуренции в среде правящего рода, образованию нескольких противоборствующих групп и гражданской войне, а следовательно и к распаду державы. Одна из таких войн состоялась в 58–36 гг. до н.э. В 48 г. н.э. по тем же причинам произошел распад степной империи хунну на северную и южную конфедерации.

Длительное время дискутируется вопрос о политическом уровне развития хуннского общества. Его относили к догосударственному уровню с институтами управления, типичными для военной демократии; другие считали, что общество хунну было раннегосударственным. Высказывались и другие мнения, например о феодальном устройстве хуннского общества.

На мой взгляд, наиболее плодотворной является концепция Т. Барфилда, он называет хуннское общество «имперской конфедерацией», возникшей в результате адаптации к соседней китайской цивилизации. Он следующим образом характеризовал политическое устройство хунну: «Это была “имперская конфедерация”, автократическая и государствоподобная во внешней и военной политике, но придерживающаяся принципов совещательности и федерализма во внутренних делах... Сюннское государство было

не результатом внутренней эволюции, а попыткой кочевников самоорганизоваться для того, чтобы эффективно манипулировать Китаем» (Барфилд, 2009, с. 82, 83).

Исследователями обращалось внимание на ряд характерных черт устройства хуннского общества. Это, например, отсутствие такого важного признака государства, как легитимный аппарат принуждения. У хунну отсутствовало писаное право. Верховная власть была лишена монопольного права на законную силу; отсутствовали налоги; власть шаньюя не опиралась на законодательно оформленные нормы, она была консенсуальной, то есть опиралась на его авторитет. Предводители отдельных племен были во многом автономны и опирались на поддержку своего народа. Шаньюю пользовался поддержкой и авторитетом до тех пор, пока успешно выполнял «редистрибуторские» (распределительные) функции.

Для характеристики политической организации хунну используется еще термин «суперсложное вождество». Численность населения хуннского объединения равнялась примерно 1,5 млн человек. Это во много раз больше, чем население сложных обществ. Количество жителей, огромная территория, подконтрольная хунну, определили эффективные формы управления ими. Управленческому аппарату хотя и не хватало опоры в своей деятельности на законодательную базу, все же хуннское объединение просуществовало несколько веков. По мнению Н.Н. Крадина, Хуннская кочевая держава сочетала в себе как признаки вождества, так и элементы раннего государства (Крадин, 2003, с. 156).

Хуннское общество во внутренних отношениях во многом руководствовалось нормами родового права, а во внешних – определялось как государство, субъект международных отношений. Именно так Хуннская кочевая держава воспринималась Китаем.

4. Взаимоотношения хунну с Китаем

Конфликты хунну с Китаем достаточно четко обозначились в III в. до н.э., когда Китай еще не представлял собой объединенную империю. Сыма Цянь сообщает о частых набегах хунну на

княжество Чжао. Первоначально княжество заняло оборонительную тактику. Хунну дробили свою армию на мелкие конные отряды и наносили удары в разных местах княжества. Во главе войск Чжао стоял талантливый полководец Ли Му, который также разделил свою армию на множество гарнизонов, пытаясь противостоять хунну. Такая тактика не нравилась вану княжества. Ли Му был освобожден от обязанностей командующего, но его преемник потерпел жесткое поражение от хунну. Ван вернул Ли Му на прежнюю должность. В решающем сражении, где со стороны китайцев участвовало 1 300 колесниц и 100 тыс. лучников (эти цифры, вероятно, завышены), хунну были разгромлены. Ли Му выстроил свою армию в виде двух крыльев, ограничив маневр хуннской армии, основой которой были конные воины (Гумилев, 1993, с. 42, 41).

Интересен тот факт, что Сыма Цянь сообщает о поражении вместе с хунну других племен (даньлань, линьху, дунху). Это говорит о том, что указанные народы уже находились в какой-то зависимости от хунну, еще до официального образования хуннской кочевой империи.

Однако, как писал Л.Н. Гумилев, княжество Чжао недолго наслаждалось победой, в 226 г. оно было покорено царством Цинь. Цинь завершило объединение Китая в 221 г. до н.э. Еще в IV в. до н.э. в Цинь Шан Яном были проведены реформы, сыгравшие важную роль в его экономическом и политическом укреплении. Преобразования коснулись и военного дела, в котором существенное значение уделялось коннице, в чем, видимо, сказались влияние кочевников.

В 214 г. до н.э. циньский император Цинь Шихуанди отправляет против хунну армию в 100 тыс. человек. Был захвачен Ордос, по берегам «желтой реки» (Хуанхэ) основано несколько десятков городков с гарнизонами. Хунну вынуждены были откочевать на север.

В 206 г. до н.э в Китае в результате крупного народного восстания к власти пришла новая династия Хань, которая сохранила единство страны. В это время происходят изменения и в среде северных соседей Китая. Хуннский шаньюй Модэ расширил свои

владения, подчинив ряд народов: динлинов, живших в северных предгорьях Саян; предков кипчаков, киргизов.

В 202 г. до н.э. хунну захватили один из китайских приграничных городов, в 200 г. до н.э. во главе с шаньюем Модэ они значительно углубились в пределы китайской территории к югу от границы и стали угрожать главному городу северной провинции Шаньси – Цзиньяну. Китайцы для отражения хуннской агрессии собрали значительные силы во главе с императором Гао-цзу. Хунну, организовав видимость отступления, завлекли лучшие китайские войска во главе с императором в засаду и, окружив их, в течение семи дней активно атаковали. Ситуация для китайских воинов осложнялась нехваткой продовольствия и отсутствием возможности отдохнуть в связи с необходимостью постоянно отражать атаки хунну. Выручило китайцев то, что они сумели подкупить жену шаньюя, которая уговорила Модэ выпустить из окружения китайских воинов вместе с императором (Гумилев, 1993, с. 54) (рис. 29).

Рис. 29. Конный воин хунну

Модэ одним из первых заключил с императором Китая договор «мира, основанного на родстве» на принципах «хэцинь», заключение которых впоследствии осуществлялось и другими хуннскими шаньюями. В отношении родства с хунну Китай вынужден был идти на унижение, поскольку варваров он не считал равными себе. Принцип «хэцинь» включал несколько основных пунктов: китайцы ежегодно должны были поставлять хунну шелк, вино, зерно, другие продукты питания; Хунну и Китай признавались равными государствами; ханьский двор отдавал в жены шаньюю принцессу; Великая стена официально признавалась границей между хунну и Китаем.

Выдача продуктов питания, поставка шелка и других вещей, осуществляемые на основании договора «мира, основанного на родстве», фактически являлась замаскированной данью Китая в пользу хунну (Крадин, 2001, с. 107, 108; Барфилд, 2009, с. 94).

С одной стороны, отмеченные пункты договора на этих принципах были выгодны для хунну. Шаньюй использовал этот договор для укрепления собственной власти в степи. Он сосредоточил в своих руках главную функцию – распределение взимаемой дани между политической элитой своей империи. Кроме того, заключенный договор поднимал престиж шаньюя, ставя его на один уровень с китайским императором, поскольку он теперь являлся его родственником.

С другой стороны, получаемые дары от Китая не могли удовлетворить весь слой хуннского общества, хотя, казалось, они были значительными. Как отмечал Н.Н. Крадин, дары в основном оседали «на верхних ступенях социальной пирамиды, не достигая низовых этажей племенной иерархии» (Крадин, 2001, с. 108).

Однако шаньюй должен был обеспечивать благосостояние всего своего населения. Для того чтобы удовлетворить потребности рядовой его части, он требовал от правительства Китая открыть пункты приграничной торговли, где бы кочевники обменивали продукты скотоводства на сельскохозяйственные продукты и предметы ремесла. Китайская администрация обычно противилась данному требованию, поскольку это размывало его государственную границу, способствовало сепаратистским настро-

ениям приграничных районов. Ханьский двор проявлял стремление к укреплению своих приграничных территорий. Китай избегал непосредственных контактов с кочевниками, примером тому является Великая стена, которая должна была препятствовать любым контактам со степью (Барфилд, 2009, с. 97).

Добиваясь открытия приграничной торговли, хунну угрожали Китаю новыми набегами и зачастую совершали их, попутно решая задачу обогащения рядовых кочевников. Во время таких набегов все, что захватил воин, считалось его личной добычей. Открытие приграничной торговли также вменялось в личные заслуги шаньюя и укрепляло его власть. В такие периоды, иногда на целый ряд лет, устанавливались дружеские отношения на границе хунну и китайцев. Администрация Китая запрещала под страхом казни продажу хунну железа и предметов вооружения. Но на таких рынках орудовали контрабандисты, которые снабжали хунну запрещенными товарами.

Хуннская кочевая империя просуществовала несколько веков, что является достаточно большим сроком для данного типа государственного образования. В чем секрет такого долголетия? Он заключался в выработанной военной стратегии в отношениях с Китаем. Причем хунну было нелегко ее осуществлять, учитывая, что в численном отношении они намного уступали китайцам. Исходя из данных источников о том, что общая численность войска хунну составляла 300 тыс. человек, а один воин мог выставляться от пяти человек, то общая численность хунну должна была насчитывать 1,5 млн человек (Гумилев, 1993, с. 64). Численность же населения Китая во время, близкое к рубежу эр, составляла около 60 млн человек ⁴.

Суть стратегии хунну заключалась в неожиданных нападениях на Китай и глубоком проникновении на его территорию, вплоть до столицы Чанъань на Хуанхэ, и быстром отходе до того, пока Китай сумеет ответить, собрав армию. Стратегия хунну включала три основных элемента: 1) жестокость нападения, которая преследовала цель устрашения Китая, чтобы сделать его более сговорчивым при очередном заключении договора; 2) чередование

⁴ URL: <http://www.synologia.ru>.

войны и мира, увеличение дани и подарков, расширение торговых привилегий; 3) сознательный отказ от оккупации китайской территории, поскольку, с одной стороны, территория земледелия была неудобной для кочевого скотоводства, с другой – захват сельскохозяйственных угодий грозил их деградацией, что могло ограничить возможности Китая выплачивать дань хунну.

Таким образом, взаимоотношения хунну и Китая – это череда военных набегов и мирных периодов. По неполным данным в начальный период Ранней Хань хунну совершали набеги на Китай с последующим заключением договоров в 200, 196, 177, 176, 166–162, 158 гг. до н.э.

Китай вынужден был идти на мирные условия хунну, поскольку их периодические нападения угрожали целостности китайского государства, поскольку дух сепаратизма присутствовал в Китае; не следует забывать, что относительно недавно Китай пережил длительный период раздробленности.

Возникает вопрос, почему Китай, обладая превосходством в экономике и человеческом ресурсе, неохотно шел на военный конфликт с хунну? Сами китайцы считали, что хунну наносят значительный ущерб им и империи, и все же китайская администрация продолжала снабжать их деньгами, шелком, тканями и другими вещами.

Китайские меры борьбы против хунну не были эффективными. Отмечены случаи, когда Китай собирал большую армию и направлял ее против хунну на их территорию. Хунну в таких случаях использовали тактику, часто встречаемую у кочевников, ее, например, с успехом использовали скифы Северного Причерноморья в борьбе с персами. Хунну не ввязывались в борьбу с превосходящей их по численности армией китайцев и предпочитали отступать вглубь своей территории. Вот как Сыма Цянь характеризует тактику хунну в этом случае: «Если сражение для них идет успешно, они будут наступать, а если нет, отступают, поскольку не считают позорным бежать. Они заботятся только о собственном преимуществе и ничего не знают о пристойности и справедливости» (Барфилд, 2009, с. 102). Хунну пытались заманить китайскую армию вглубь своей территории, явно непривычной для

китайцев, постоянно нанося ей мелкие удары, держа китайскую армию все время в напряжении. Затягивание похода китайской многотысячной армии на долгое время было разорительно для государственной казны. В такой ситуации для Китая лучше было заключить мир с хунну и выплатить им дань.

В период Ранней Хань все попытки китайцев уничтожить хунну не имели успеха. В Китае была разработана еще одна стратегия борьбы с хунну, она носила название «пяти искушений». Суть ее была направлена на развращение хунну, что, по мнению китайцев, должно было сделать их слабыми, завистливыми к богатству и привести к развалу хуннской конфедерации. Стратегия «пяти искушений» включала следующие положения: 1) одаривание хунну красивыми одеждами и повозками для развращения их глаз; 2) насыщение их прекрасной пищей для развращения их ртов; 3) снабжение их музыкантами для развращения их слуха; 4) постройка им величественных зданий, зернохранилищ, направление им рабов для услужения, чтобы развратить их вкусы; 5) подарки и милости для отступников (перебежчиков). Рекомендовалось больше отправлять вина хунну, чтобы спаивать их (Барфилд, 2009, с. 103, 104).

Однако и эта стратегия не имела успеха, поскольку она была рассчитана в основном на элиту хуннского общества, все хуннское население в изобилии одарить всем указанным в пяти искушениях Китай не мог. Китай не учел менталитета хуннских предводителей. Для них не столь важным было само богатство, сколько возможность распределять его среди остального населения. Именно распределительные функции определяли авторитет и крепость власти вождя, которые он строго выполнял, что в целом способствовало консолидации хуннского общества.

При дворе китайского императора были недовольные существующими порядками в отношениях с хунну, поскольку они не соответствовали самим основам китайского миропонимания. Традиционно ханьский Китай руководствовался так называемой эгоцентрической концепцией во взаимоотношениях с окружающим миром, в основу которой была положена конфуцианская доктрина об этнокультурном превосходстве китайцев над остальными на-

родами, окружавшими их, причем все эти народы рассматривались как неотъемлемая периферия Поднебесной. Император Китая воспринимался как ставленник неба на земле, он не мог иметь себе равных ни в своей державе, ни за ее пределами. Император Китая рассматривался как правитель всей Поднебесной, не только Китая, но всей земли, находящейся под небесами. Китай мог иметь дипломатические отношения только с теми государствами, которые разделяли такой взгляд.

Хунну к таковым не относились, а в договорах китайский император и хуннский шаньюй выступали как равные между собой. В представлении китайцев это было нарушением миропорядка, что могло привести к крупным бедствиям.

Император Китая и шаньюй периодически обменивались письмами. Начало письма императора обычно было лаконичным: «Император почтительно спрашивает о здоровье великого шаньюя...». Зачин письма шаньюя был более витиеватым, подчеркивающим его величие: «Великий шаньюй хунну, Небом и Землей рожденный, Солнцем и Луной поставленный, почтительно спрашивает о здоровье императора...». Такие письма шаньюя приводили в бешенство придворных императора. Томас Барфилд отмечал, что шаньюя их научили писать китайские перебежчики, противники императора, чтобы позлить китайский двор (Барфилд, 2009, с. 105).

Дело дошло до того, что однажды Модэ предложил императрице Люй, жене императора Гао-цзу, который однажды попал в окружение армии хунну, после смерти императора стать его женой. Это настолько разозлило Люй, что она была готова начать войну с хунну. Министры уговорили ее не делать этого и отправили шаньюю дипломатичный отказ.

Китай вначале Ранней Хань еще не был способен мобильно выступить против хунну, в определенной мере сказывались последствия гражданской войны после падения Циньской династии.

Политика Китая в отношениях с хунну меняется во время правления императора У-ди (140–87 гг. до н.э.). К этому времени Китай уже оправился от разрушений гражданской войны. В окружении императора шли дебаты по поводу взаимоотношений с хунну. Одна груп-

пировка считала, что настало время раз и навсегда освободиться от хуннской угрозы, другая – предлагала сохранить старые отношения с хунну, обосновывая это тем, что война будет дорогостоящей и не приведет к победе, поскольку Китай не сможет оккупировать всю территорию хунну.

В 133 г. до н.э. император присоединился к мнению сторонников войны с хунну. Была разработана следующая стратегия. Стала укрепляться граница, создавались колонии рекрутов, располагавшиеся в крепостях и обеспечивавшие себя сами, сочетая военные занятия с земледелием. Предполагалось заключение союза с другими подразделениями кочевников, например с юэчжами, которые были изгнаны хунну со своих владений и обосновались у Окса (Амударья), и усунями, занимавшими Семиречье. Китайские войска на западе заняли бассейн реки Тарим, перерезав важную для хунну артерию, связывающую их с Восточным Туркестаном, народы которого выплачивали хунну подати. Предполагалось также проведение больших карательных экспедиций против хунну на их территории (Барфилд, 2009, с. 107).

Новая стратегия также не принесла успеха Китаю, хуннская конфедерация продолжала сохранять свою жизнеспособность. Военные действия китайцев за пределами Великой стены не давали должного эффекта. В пустынной степи китайская армия могла рассчитывать только на свои ресурсы и естественно долго продержаться здесь не могла. Даже в случае победы в какой-то конкретный момент над хунну китайская армия в конечном случае должна была вернуться назад, поскольку заселить степную и пустынную территорию земледельческим китайским населением не представлялось возможным. После ухода китайской армии степь вновь оставалась за хунну.

Кроме того, хунну, являясь прекрасными конными воинами, были более мобильными, нежели китайская армия, и постоянно держали в напряжении китайскую границу, заставляя китайцев вкладывать огромные средства в ее охрану по всей длине. В случае активизации китайской армии хунну в целях безопасности переносили свою ставку вглубь современной Монголии. В этом случае мобильные разведывательные отряды хунну постоянно от-

слеживали продвижение китайцев и эти сведения доносили в ставку. Хунну могли бесконечно долго отступать вглубь степи перед наступающей китайской армией, вплоть до Сибирской тайги, затягивая военную кампанию до наступления холодов, когда боеспособность китайцев резко падала. В этих условиях китайская армия вынуждена была возвращаться обратно, так и не дав генерального сражения хунну.

Первые серьезные победы к Китаю пришли в 125–124 гг. до н.э., хунну вновь потеряли контроль над Ордосом. В 121 г. до н.э. после поражения от китайцев часть хунну во главе с князем, который испугался сурового наказания со стороны шаньюя, вынуждены были сдаться им в плен. В 119 г. до н.э. китайцы выступили двумя армиями против хунну. Одна из этих армий имела успех, нанеся хунну крупное поражение в Монголии. Китайская армия захватила северную ставку шаньюя, взяв в плен 70 тыс. хунну. В целом в эту кампанию, если оценивать действия обеих армий, Китай также понес огромные потери. События этих лет на время все же сняли угрозу нападения хунну на территорию Китая (Гумилев, 1993, с. 85–87) (рис. 30).

Рис. 30. Китайская боевая колесница

Обозначенные успехи достались Китаю высокой ценой. Военная кампания 125–24 гг. обошлась казне в 200 тыс. цзиней золота (1 цзинь золота = 224 граммам), а военные действия в 119 г. – в 500 тыс. цзиней золота, не считая гибели людей, скота, снаряжения. Эти расходы серьезно ударили по казне Китая. Впоследствии У-ди критиковали за то, что ради славы он опустошил казну (Барфилд, 2009, с. 110–112).

При такой ситуации возникала другая опасность для целостности Китайского государства. Расходы на войну влекли за собой увеличение налогов. В крестьянской стране, которой являлся Китай, это было чревато восстаниями, которые могли перерасти в гражданскую войну. Т. Барфилд приводит слова, которые Сыма Цянь вложил в уста одного влиятельного китайского чиновника: «...война, затянувшаяся на долгий период, часто порождает восстания, а бремя военной службы может привести к недовольству» (Барфилд, 2009, с. 112).

Китай продумывал и другие варианты борьбы с хунну, в частности поиск и привлечение союзников. В начале правления императора У-ди от хуннских перебежчиков было известно, что некогда могущественные юэчжи, северо-западные соседи Китая, были разгромлены хунну, после чего ушли дальше в Западный край. На поиски юэчжей и заключение с ними союза против хунну был послан Чжан Цянь, чиновник высокого ранга, который с сопровождающими отправился в путь в 139 г. до н.э. Поиски Чжан Цянем юэчжей с различными приключениями затянулись более чем на десять лет. Юэчжи к тому времени обосновались в Бактрии. Правитель юэчжей отказался заключать договор с Хань против хунну (Боровкова, 2001, с. 90–97). Все же к концу II в. до н.э. Китаю удается установить контакты с рядом государственных образований Западного края – Усунь, Давань, Дася. Но и хунну обретают союзников в лице Кангюя, занимавшего территорию, прилегающую к среднему течению Сырдарьи.

В 102/101 г. до н.э. китайская армия во главе с прославленным полководцем Ли Гуан-ли в Западном крае захватывают Давань (территория Ферганы). Но в 90 г. до н.э. огромная китайская армия, которую также возглавлял Ли Гуан-ли, терпит сокру-

шительное поражение от хунну в сражении у горы Яньжань (горный хребет Хангай, Монголия), потеряв до 70 % своего состава. Сам Ли Гуан-ли попал в плен к хунну, впоследствии он был убит. Вскоре умирает император У-ди, сторонник войны с хунну (Гумилев, 1993, с. 100–118). В связи с этими событиями влиятельная фракция при дворе императора стала требовать положить конец военным акциям в степи. Преемник У-ди полностью отказался от их проведения.

5. Кризис державы хунну

После указанных событий ханьское правительство в очередной раз изменило свою политику в отношении с хунну. Китай перешел к оборонительной тактике, сосредоточив свои силы по границе государства, создав трудности в ее преодолении. Китай отказался заключать договор с хунну и выплачивать им дань. Эта политика неожиданно очень тяжело отразилась на хунну. Набеги на Китай не удавались, шаньюй утрачивал основную свою функцию раздачи даров, полученных от китайцев. Такая ситуация вносила раскол в ряды хунну, среди знати стали создаваться враждующие группировки. Зависимые племена начинают выходить из под контроля, более того – нападать на хунну.

В 70-е гг. до н.э. хунну были атакованы с разных сторон: ухани с востока, енисейские динлины с севера, усунь с запада. Хунну потеряли до трети населения. Начался кризис политического господства хунну в Центральной Азии. В 56 г. до н.э. происходит раскол хунну на южную и северную группировки. Южные хунну во главе с Хуханье установили мирные отношения с Китаем. Более пятидесяти лет на хуннско-китайской границе не происходило военных столкновений.

Северная группировка хунну во главе с Чжичжи ушла в Среднюю Азию, где располагалось союзное государство Кангюй. Китай, опасаясь, что к западу от него может возникнуть новый очаг напряженности, к тому же Восточный Туркестан играл уже значимую роль в политике и экономике Китая, направил армию в этот район и разгромил группировку Чжичжи.

Хунну все же предприняли попытку возродить могущество своей кочевой империи, и им это удалось сделать к началу I в. н.э. Однако внутренние распри не позволили долго удержать их единство. В 48 г. вновь происходит раскол хунну на северных и южных. Южные хунну превращаются в федератов на границах Китая, целиком завися от китайского правительства.

Северные хунну, потерпев ряд поражений от своих соседей, постепенно смещаются на запад. Особенно тяжелым было поражение северных хунну от сяньби (потомки дунху, протомонгольские племена). В середине II в. сяньби вытесняют хунну из Джунгарии, после чего они уходят в Восточный Казахстан, в Семиречье, продвигаются к Южному Приуралью и каспийским степям.

Несмотря ни на что воинский дух хунну не был утрачен, он вновь проявился с огромной мощью во время вторжения гуннов в Восточную Европу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История развития социально-политических структур кочевого мира евразийских степей не происходила одинаково в пределах обширного евразийского степного пояса. Этот процесс зависел от многих слагаемых, в ряду которых важное место занимала сложившаяся политическая ситуация в конкретном регионе. Кочевым обществам сложно было существовать без получения прибавочного продукта от оседлого земледельческого населения. Успешно реализовать эту проблему кочевники могли, в основном используя силу. Чем могущественней земледельческая цивилизация, тем сильнее и сплоченней должно быть соседнее кочевое сообщество.

На крайнем востоке степного пояса кочевому миру противостояло одно достаточно сильное в политическом и экономическом отношении государство – Китай после его объединения в 221 г. до н.э. Как реакция на это событие происходит консолидация кочевников и образование к северу от Китая сильного их объединения, именуемого «Империей хунну». Видимо, теми же условиями объясняется появление на границах Китая в более позднее время Тюркского каганата и Монгольского государства.

Социально-политическая структура скифского общества Северного Причерноморья, характеризующаяся исследователями как раннегосударственная, формировалась на даннических отношениях с рядом подчиненных народов. Существенную роль играла активизация торговых связей с античными городами Причерноморья, способствовавшая эллинизации скифской знати и расслоению скифского общества, развитию внутренней эксплуатации. Такое положение дел приводило к обеднению части скифского населения и переходу его к оседлому образу жизни.

В среднеазиатском регионе в силу географических условий сложилась другая ситуация. Здесь кочевое население во многих случаях обитало чересполосно с земледельческими государственными образованиями, что приводило к оседанию части кочевни-

ков на землю. Мы не знаем ни одного случая, чтобы в Средней Азии на местной основе сформировалась кочевая империя наподобие хуннской. Здесь с очевидностью проявилась другая тенденция. Кочевники, занимавшие ведущее положение в сельскохозяйственных районах, сыграли важную роль в образовании таких крупных держав древнего мира, как Парфянское и Кушанское государства, правящие династии которых были связаны с кочевым миром. Однако сами эти государства уже не являлись кочевыми державами.

Сарматское общество в силу ряда причин не представляло из себя единого этнополитического образования. В письменных источниках упоминается целый ряд кочевых объединений, относимых к кругу сарматских народов, которые являлись самостоятельными в политическом отношении. Внешнеполитическая ситуация во время, когда сарматы занимали большую часть степи Восточной Европы, характеризовалась отсутствием в непосредственном соседстве с ними крупной земледельческой цивилизации. Города Северного Причерноморья были отдельными небольшими государствами, в отношении с которыми сарматам не было необходимости консолидировать свои силы. То же самое касается и земледельческого населения Северного Кавказа.

Другим мощным фактором, не способствующим объединительным тенденциям сарматов, был Рим, проводивший политику сдерживания сарматского влияния на подступах к своим границам. С момента включения территорий, прилежащих к Черному морю после разгрома Понтийского царства, в сферу своего влияния Рим внимательно следил за событиями в степных районах и зачастую предпринимал упредительные меры в случае опасности своим границам или своим союзникам.

Таким образом, на протяжении всей истории сарматов основной их политической организацией были вождества, включающие, видимо, близкородственные группировки кочевников. На степном пространстве от Южного Приуралья до Дуная в одно и то же время могло существовать несколько таких самостоятельных вождеств.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Аммиан Марцеллин. Римская история / Аммиан Марцеллин. – СПб. : Алетейя, 1994. – 569 с.

Аппиан. Митридатовы войны / Аппиан // Римские войны. – СПб. : Алетейя, 1994. – С. 704–781.

Арриан. Поход Александра / Арриан. – М. : МИФ, 1903. – 270 с.

Бичурин, Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена / Н. Я. Бичурин. – М. ; Л. : Академия наук СССР, 1950. – Т. I. – 382 с.; Т. II. – 334 с.

Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей / Гай Светоний Транквилл. – М. : Наука, 1966. – 375 с.

Геродот. История в девяти книгах / Геродот; пер. и примеч. Г. А. Страновского. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1972. – 600 с.

Гиппократ. О воздухе, водах и местностях / Гиппократ // Великая степь в античных и византийских источниках : сб. материалов / сост. и ред. А. Н. Гаркавца. – Алматы, 2005. – С. 82–85.

Диодор Сицилийский. Библиотека / Диодор Сицилийский // Великая степь в античных и византийских источниках : сб. материалов / сост. и ред. А. Н. Гаркавца. – Алматы, 2005. – С. 217–230.

Дион Кассий. Римская история / Дион Кассий // Великая степь в античных и византийских источниках : сб. материалов / сост. и ред. А. Н. Гаркавца. – Алматы : Баур, 2005. – С. 361–368.

Иосиф Флавий. Иудейские древности // Кавказ и Дон в произведениях античных авторов. – Ростов н/Д : Русская Энциклопедия, Ростовский-на-Дону фил., 1990. – С. 238–239.

Иосиф Флавий. Иудейская война / Иосиф Флавий. – СПб. : Орел, 1991. – 529 с.

Квинт Курций Руф. История Александра Македонского / Квинт Курций Руф. – М. : Изд-во МГУ, 1993. – 464 с.

Клавдий Птолемей. География / Клавдий Птолемей // Великая степь в античных и византийских источниках : сб. материалов / сост. и ред. А. Н. Гаркавца. – Алматы : Баур, 2005. – С. 340–353.

Корнелий Тацит. Анналы. Малые произведения / Корнелий Тацит. – Л. : Наука, 1970. – 444 с.

Корнелий Тацит. История / Корнелий Тацит. – Л. : Наука, 1970. – 368 с.

Лукиан Самосатский. Диалоги. Скиф или Гость / Лукиан Самосатский // Великая степь в античных и византийских источниках : сб. материалов / сост. и ред. А. Н. Гаркавца. – Алматы, 2005. – С. 318–319.

Луций Анней Флор. Эпитомы римской истории обо всех войнах за семьсот лет / Луций Анней Флор // Великая степь в античных и византийских источниках : сб. материалов / сост. и ред. А. Н. Гаркавца. – Алматы : Баур, 2005. – С. 1171–1174.

Марк Юниан Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога «История Филиппа» / Марк Юниан Юстин // Великая степь в античных и византийских источниках : сб. материалов / сост. и ред. А. Н. Гаркавца. – Алматы : Баур, 2005. – С. 1196–1198.

Плиний Старший. Естественная история / Плиний Старший // Кавказ и Дон в произведениях античных авторов. – Ростов н/Д : Русская Энциклопедия, Ростовский-на-Дону фил., 1990. – С. 207–237.

Полибий. История / Полибий // Латышев, В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе / В. В. Латышев // ВДИ. – 1947. – № 3. – С. 299–302.

Полиен. Военные хитрости / Полиен // Латышев, В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе / В. В. Латышев // ВДИ. – 1948. – № 2. – С. 216–219.

Псевдо-Скимн. Землеописание / Псевдо-Скимн // Кавказ и Дон в произведениях античных авторов. – Ростов н/Д : Русская Энциклопедия, Ростовский-на-Дону фил., 1990. – С. 138–141.

Страбон. География / Страбон. – Л. : Наука, 1964. – 943 с.

Таскин, В. С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам) / В. С. Таскин. – Вып. 1. – М., 1968. – 177 с.

Таскин, В. С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам) / В. С. Таскин. – Вып. 2. – М., 1973. – 168 с.

Таскин, В. С. Материалы по истории кочевых народов в Китае III–IV вв. / В. С. Таскин. – Вып. 1. Сюнну. – М., 1989. – 288 с.

Теофраст. О водах / Теофраст // Латышев, В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе / В. В. Латышев. – Вып. 3 (XXI), 4 (XXII) : (Прил. к журн. «Петербургский Археологический Вестник»). – Т. 2. – СПб. : Фарн, 1993. – С. 159.

Литература

- Абрамова, М. П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.) / М. П. Абрамова. – М., 1993. – 240 с.
- Акишев, К. А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана / К. А. Акишев. – М. : Искусство, 1978. – 131 с.
- Алексеев, А. Ю. Киммерийцы: этнокультурная принадлежность / А. Ю. Алексеев, Н. К. Качалова, С. Р. Тохтасьев. – СПб., 1993. – 119 с.
- Алексеев, А. Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н.э. / А. Ю. Алексеев. – СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. – 416 с.
- Алемань, А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках / А. Алемань. – М. : Менеджер, 2003. – 608 с.
- Артамонов, М. И. Общественный строй скифов / М. И. Артамонов // Вестник ЛГУ. – 1947. – № 9. – С. 70–87.
- Артамонов, М. И. Киммерийцы и скифы / М. И. Артамонов. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1974. – 156 с.
- Археологические экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры и Института археологии Академии наук СССР. 1919–1956 гг. : Указатель. – М. : Изд-во АН СССР, 1962. – 214 с.
- Балабанова, М. А. Антропология древнего населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Ранний железный век / М. А. Балабанова. – М., 2000. – 133 с.
- Балабанова, М. А. Новые данные об антропологическом типе сарматов / М. А. Балабанова // РА. – 2010. – № 2. – С. 67–77.
- Балахванцев, А. С. Среднеазиатские дахи в IV–II вв. до н.э.: происхождение, хронология и локализация / А. С. Балахванцев // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Александра Марковича Беленицкого (Санкт-Петербург, 2–5 нояб. 2004 г.). – СПб., 2005. – С. 64–67.
- Барфилд, Т. Опасная граница. Кочевые империи и Китай (221 г. до н.э. – 1757 г. н.э.) / Т. Барфилд. – СПб. : Изд-во СПбГУ «Нестор-История», 2009. – 488 с.
- Бахтиаров, А. Осколки исчезнувших алан / А. Бахтиаров // Туркменоведение. – 1930. – № 8–9. – С. 39–40.
- Бондаренко, Д. М. Введение: социальная эволюция, альтернативы и номадизм / Д. М. Бондаренко, А. В. Коротаев, Н. Н. Крадин // Кочевая альтернатива социальной эволюции. Серия «Цивилизационное измерение». – Т. 6. – М., 2002. – С. 6–25.

Боровкова, Л. А. Царства «Западного края» во II–I в. до н.э. (Восточный Туркестан и Средняя Азия по сведениям из «Ши цзи» и «Хань шу») / Л. А. Боровкова. – М. : ИВ РАН : Крафт, 2001. – 368 с.

Вайнберг, Б. В. Основные проблемы в изучении памятников древних скотоводов Средней Азии и Казахстана / Б. В. Вайнберг, Н. Г. Горбунова, М. Г. Мошкова // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М. : Наука, 1992. – С. 21–30.

Виноградов, В. Б. Описание Северного Кавказа в «Географии» Страбона (XI, V, 1–8) / В. Б. Виноградов // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Серия общественных наук. – Вып. 4. – Ростов н/Д, 1975. – С. 36–43.

Виноградов, Ю. А. Сарматы и гибель «Великой Скифии» / Ю. А. Виноградов, К. К. Марченко, Е. Я. Рогов // Донские древности. Вып. 5: Сарматы и Скифия : сб. науч. докл. III Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». – Азов, 1997. – С. 6–27.

Виноградов, Ю. Г. Херсонесский декрет о «несении Дионисия» IOSHE I2 343 и вторжение сарматов в Скифию / Ю. Г. Виноградов // ВДИ. – 1997. – № 3. – С. 104–124.

Влияние ахеменидской культуры в Южном Приуралье. – М. : ТАУС, 2012. – 651 с.

Волин, С. К. К истории древнего Хорезма / С. К. Волин // ВДИ. – 1941. – № 1. – С. 192–196.

Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории. – М. : Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1988. – 452 с.

Вязьмитина, М. И. Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка / М. И. Вязьмитина // ВССА. – М. : Изд-во АН СССР, 1954. – С. 220–243.

Габуев, Т. А. Ранняя история алан / Т. А. Габуев. – Владикавказ, 1999. – 148 с.

Гаибов, В. А. Кочевники Средней Азии в эпоху Александра Македонского (Данные письменных источников) / В. А. Гаибов, Г. А. Кошеленко // ВДИ. – 2005. – № 1. – С. 103–127.

Галанина, Л. К. Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи / Л. К. Галанина. – М., 1997. – 269 с.

Гафуров, Б. Г. Александр Македонский и Восток / Б. Г. Гафуров, Д. И. Цибукидис. – М., 1980. – 456 с.

Генофонд митохондриальной ДНК хунну Забайкалья / А. С. Пилипенко, Н. В. Полосьмак, П. Б. Коновалов, А. А. Журавлев // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Вып. XVII. – Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. – С. 222–225.

Гомбожапов, А. Д. Анклав номадизма: монгольские кочевники в меняющейся современности / А. Д. Гомбожапов // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2017. – № 2 (41). – С. 29–36.

Городцов, В. А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии / В. А. Городцов // Труды XII Археологического съезда. – М., 1905. – С. 174–340.

Городцов, В. А. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии / В. А. Городцов // Труды XIII Археологического съезда. – М., 1907. – Т. I. – С. 211–365.

Граков, Б. Н. Каменское городище на Днестре / Б. Н. Граков. – М. : Изд-во АН СССР, 1954. – 238 с. – (МИА ; № 36).

Граков, Б. Н. Скифы / Б. Н. Граков. – М. : МГУ, 1971. – 202 с.

Гросу, В. И. Хронология памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья / В. И. Гросу. – Кишинев, 1990. – 203 с.

Грязнов, М. П. Аржан. Царский курган раннескифского времени / М. П. Грязнов. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1980. – 62 с.

Гудкова, А. В. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I–IV вв. н.э. / А. В. Гудкова, М. М. Фокеев. – Киев : Наукова думка, 1984. – 116 с.

Гумилев, Л. Н. Хунну. Степная трилогия / Л. Н. Гумилев. – СПб. : Тайм-Аут – Компас, 1993. – 223 с.

Гутнов, Ф. Х. Ранние аланы. Проблемы этносоциальной истории / Ф. Х. Гутнов. – Владикавказ, 2001. – 256 с.

Гущина, И. И. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье / И. И. Гущина, И. П. Засецкая. – СПб., 1994. – 172 с.

Демкин, В. А. Палеопочвы и климат юго-востока Среднерусской возвышенности в эпохи средней и поздней бронзы (XXV–XV вв. до н.э.) / В. А. Демкин, А. В. Борисов, Н. С. Удальцов // Почвоведение. – 2010. – № 1. – С. 7–17.

Десятчиков, Ю. М. Арифарн, царь сираков / Ю. М. Десятчиков // История и культура античного мира. – М., 1977. – С. 45–47.

Дзиговский, А. Н. Очерки истории сарматов Карпато-Днепровских земель / А. Н. Дзиговский. – Одесса, 2003. – 240 с.

Доватур, А. И. Народы нашей страны в «Истории» Геродота / А. И. Доватур, Д. П. Каллистов, И. А. Шишова. – М., 1982. – 455 с.

Древности Астраханского края. – М., 1977. – 195 с.

Древности Нижнего Поволжья // МИА. – 1960. – № 78. – 309 с.

Дюмезиль, Ж. Скифы и нарты / Ж. Дюмезиль. – М. : Наука, 1990. – 229 с.

Ельницкий, Л. А. Знания древних о северных странах / Л. А. Ельницкий. – М., 1961. – 224 с.

Ельницкий, Л. А. Скифия евразийских степей / Л. А. Ельницкий. – М., 1977. – 254 с.

Золотые олени Евразии. – СПб. : Славия, 2003. – 64 с.

Зубарь, В. М. Северный Понт и Римская империя (середина I в. до н.э. – первая половина VI в.) / В. М. Зубарь. – Киев, 1998. – 200 с.

Иванчик, А. И. Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени / А. И. Иванчик. – М., 2001. – 324 с.

Ильинская, В. А. Скифия VII–IV вв. до н.э. / В. А. Ильинская, А. И. Тереножкин. – Киев : Наукова думка, 1983. – 371 с.

Историография истории Древнего Востока: Иран, Средняя Азия, Индия, Китай / под ред. проф. В. И. Кузищина. – СПб. : Алетей, 2002. – 304 с.

Итина, М. А. Ранние саки Приаралья / М. А. Итина // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М. : Наука, 1992. – С. 31–46.

Итина, М. А. К 90-летию С.П. Толстова и 60-летию Хорезмской археолого-этнографической экспедиции / М. А. Итина // РА. – 1997а. – № 4. – С. 189–199.

Итина, М. А. Саки Нижней Сырдарьи / М. А. Итина, Л. Т. Яблонский. – М. : РОССПЭН, 1997б. – С. 31–47.

Карамзин, Н. М. История государства Российского / Н. М. Карамзин. – М., 1988. – Т. 1. – 155 с.

Карышковский, О. П. О монетах царя Фарзоя / О. П. Карышковский // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. – Киев, 1982. – С. 66–82.

Клейн, Л. С. О характере римского импорта в богатых курганах сарматского времени на Дону / Л. С. Клейн // Античный мир и Археология : межвуз. науч. сб. – Вып. 4. – Саратов : Изд-во СГУ, 1979. – С. 204–221.

Клепиков, В. М. Ранние сарматы в контексте исторических событий Восточной Европы / В. М. Клепиков, А. С. Скрипкин // Донские древности. Вып. 5: Сарматы и Скифия : сб. науч. докл. III Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». – Азов, 1997. – С. 28–40.

Клепиков, В. М. Сарматы Нижнего Поволжья в VI–III вв. до н.э. / В. М. Клепиков. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2002. – 216 с.

Клепиков, В. М. Хронология раннесарматских памятников Нижнего Поволжья / В. М. Клепиков, А. С. Скрипкин // НАВ. – Вып. 5. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2002. – С. 47–81.

Ковалев, А. А. Происхождение хунну согласно данным истории и археологии / А. А. Ковалев // Европа – Азия: Проблемы этнокультурных контактов. К 300-летию Санкт-Петербурга. – СПб., 2002. – С. 150–194.

Ковалевская, В. Б. Кавказ и аланы / В. Б. Ковалевская. – М. : Наука, 1984. – 192 с.

Ковалевская, В. Б. Кавказ – скифы, сарматы, аланы I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. / В. Б. Ковалевская. – Пушино : ОНТИ ПНЦ РАН, 2005. – 398 с.

Колесник, В. И. Демографическая история калмыков в XVII–XIX вв. : учеб. пособие / В. И. Колесник. – Элиста, 1997. – 135 с.

Колесник, В. И. Последнее великое кочевье / В. И. Колесник. – М., 2003. – 286 с.

Костенко, В. И. Сарматские памятники Днепро-Донского междуречья III в. до н.э. – середины III в. н.э. / В. И. Колесник. – Днепропетровск, 1983. – 104 с.

Костенко, В. И. Сарматы в Нижнем Поднепровье (по материалам Усть-Каменского могильника) / В. И. Костенко. – Дніпропетровськ : Видавництво ДДУ, 1993. – 152 с.

Крадин, Н. Н. Империя Хунну / Н. Н. Крадин. – М. : Логос, 2001. – 312 с.

Крадин, Н. Н. Структура и общественная природа Хуннской империи / Н. Н. Крадин // ВДИ. – 2003. – № 4. – С. 137–159.

Крадин, Н. Н. Кочевники Евразии / Н. Н. Крадин. – Алматы : Дайк-Пресс, 2007. – 416 с.

Кузнецов, В. А. Очерки истории алан / В. А. Кузнецов. – 2-е изд. – Владикавказ : ИР, 1992. – 392 с.

Кузьмина, Е. Е. Предыстория Великого шелкового пути. Диалог культур Европа – Азия / Е. Е. Кузьмина. – М. : КомКнига, 2010. – 240 с.

Куклина, И. В. Этнография Скифии по античным источникам / И. В. Куклина. – М., 1985. – 208 с.

Курганы левобережного Илека. – Вып. 1. – М., 1993. – 128 с. ; Вып. 2. – М., 1994. – 178 с. ; Вып. 3. – М., 1995. – 175 с. ; Вып. 4. – М., 1996. – 152 с.

Кычанов, Е. И. История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров) / Е. И. Кычанов. – 2-е изд. – СПб. : Петербург. лингв. о-во, 2010. – 364 с.

Либеров, П. Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону / П. Д. Либеров // САИ. – Вып. Д 1–31. – М., 1965. – С. 103.

Литвинский, Б. А. Древние кочевники крыши мира / Б. А. Литвинский. – М. : Наука, 1972. – 269 с.

Мандельштам, А. М. Кочевники на пути в Индию / А. М. Мандельштам // Труды Таджикской археологической экспедиции Института архео-

логии АН СССР и Института истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР. Т. V. – М. ; Л. : Наука, 1966. – 232 с. – (МИА ; № 136).

Мандельштам, А. М. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии / А. М. Мандельштам // Труды Таджикской археологической экспедиции Института археологии АН СССР и Института истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР. – Т. VII. – Л. : Наука, Ленинград. отд-ние, 1975. – 227 с.

Манцевич, А. П. Курган Солоха / А. П. Манцевич. – Л. : Искусство, Ленинград. отд-ние, 1987. – 143 с.

Марков, Г. Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации / Г. Е. Марков. – М. : Изд-во МГУ, 1976. – 320 с.

Мартынов, А. И. О степной скотоводческой цивилизации I тыс. до н.э. / А. И. Мартынов // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. – Алма-Ата, 1989. – С. 284–292.

Марченко, И. И. Сираки Кубани (по материалам курганных погребений Нижней Кубани) / И. И. Марченко. – Краснодар : Изд-во КГУ, 1996. – 340 с.

Мачинский, Д. А. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников / Д. А. Мачинский // АСГЭ. – Вып. 13. – Л., 1971. – С. 30–54.

Медведев, А. П. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э. / А. П. Медведев. – М. : Наука, 1999. – 160 с.

Медведев, А. П. Сарматы в верховьях Танаиса / А. П. Медведев. – М. : Таус, 2008. – 252 с.

Могильников, В. А. Хунну Забайкалья / В. А. Могильников // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. – М. : Наука, 1992. – С. 254–257.

Мозолевский, Б. Н. Курганы скифского Герроса IV в. до н.э. / Б. Н. Мозолевский, С. В. Полин. – Киев : Изд. дом «Стилос», 2005. – 600 с.

Мошкова, М. Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской культуры) / М. Г. Мошкова. – М. : Наука, 1974. – 52 с.

Мурзин, В. Ю. Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса / В. Ю. Мурзин. – Киев : Наукова думка, 1990. – 88 с.

Обельченко, О. В. Культура античного Согда. По археологическим данным VII в. до н.э. – VII в. н.э. / О. В. Обельченко. – М., 1992. – 256 с.

Памятники Нижнего Поволжья // МИА. – № 60. – М., 1959. – 594 с.

Плетнева, С. А. Кочевники Средневековья. Поиск исторических закономерностей / С. А. Плетнева. – М. : Наука, 1982. – 188 с.

Погребова, М. Н. Закавказье и евразийские степи в конце II – начале I тыс. до н.э. / М. Н. Погребова // Скифы Северного Причерноморья в VII–IV вв. до н.э. (проблемы палеоэкологии, антропологии и археологии). – М., 1999. – С. 121–122.

Полин, С. В. От Скифии к Сарматии / С. В. Полин. – Киев, 1992. – 201 с.

Природная среда Волго-Уральских степей в савромато-сарматскую эпоху (VI в. до н.э. – IV в. н.э.) / В. А. Демкин, А. С. Скрипкин, М. В. Ельцов, Б. Н. Золотарева, Т. С. Демкина, Т. Э. Хомутова, Т. В. Кузнецова, С. Н. Удальцов, Н. Н. Каширская, Л. Н. Плеханова. – Пушкино, 2012. – 216 с.

Пьянков, И. В. Общественный строй ранних кочевников Средней Азии по данным античных авторов / И. В. Пьянков // Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. – Л., 1975. – С. 84–91.

Пьянков, И. В. Средняя Азия в античной географической традиции / И. В. Пьянков. – М. : Вост. лит., 1997. – 343 с.

Раевский, Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии / Д. С. Раевский. – М. : Наука, 1977. – 216 с.

Ростовцев, М. И. Скифия и Боспор / М. И. Ростовцев. – Л., 1925. – 624 с.

Рыков, П. С. Сусловский курганный могильник / П. С. Рыков. – Саратов, 1925. – 94 с.

Савинов, Д. Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея. Археологические культуры и культурогенез / Д. Г. Савинов. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2002. – 204 с.

Сарианиди, В. Д. Храм и некрополь Тилятепе / В. Д. Сарианиди. – М., 1989. – 240 с.

Симоненко, А. В. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э. / А. В. Симоненко, Б. И. Лобай. – Киев, 1991. – 128 с.

Симоненко, А. В. Сарматы Таврии / А. В. Симоненко. – Киев, 1993. – 144 с.

Симоненко, О. В. Сармати Північного Причорномор'я. Хронологія, періодизація та етно-політична історія : автореф. дис. ... д-ра іст. наук / О. В. Симоненко. – Київ, 1999. – 39 с.

Скржинская, М. В. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего / М. В. Скржинская. – Киев, 1977. – 126 с.

Скрипкин, А. С. О географическом положении Азиатской Сарматии и ее населении / А. С. Скрипкин // Россия и Восток: проблемы взаимодействия : материалы конф. – Ч. V, кн. 2. – Челябинск, 1995. – С. 84–87.

Скрипкин, А. С. Новые аспекты в изучении истории материальной культуры сарматов / А. С. Скрипкин // НАВ. – Вып. 3. – Волгоград, 2000. – С. 17–40.

Скрипкин, А. С. О времени появления аланов в Восточной Европе и их происхождении (историографический очерк) / А. С. Скрипкин // Историко-археологический альманах / Армавир. краевед. музей. – Вып. 7. – Армавир; М., 2001. – С. 15–40.

Скрипкин, А. С. Сарматские мечи с кольцевым навершием / А. С. Скрипкин // II Городцовские чтения : материалы науч. конф., посвящ 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ. Апрель 2003 г. – М., 2005. – С. 171–185. – (Труды ГИМ; вып. 145).

Скрипкин, А. С. Об определении территории ранней Сарматии / А. С. Скрипкин // Пятая Кубанская археологическая конференция : материалы конф. – Краснодар, 2009а. – С. 355–358.

Скрипкин, А. С. Проблемы истории Нижнего Дона в IV в. до н.э. и некоторые вопросы ранней истории сарматов / А. С. Скрипкин // НАВ. – Вып. 10. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2009б. – С. 171–192.

Скрипкин, А. С. К событиям IV в. до н.э. на восточных границах Причерноморской Скифии / А. С. Скрипкин // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий. – М. : ТАУС, 2010. – С. 184–191.

Скрипкин, А. С. Версии об этнической принадлежности кочевников Южного Приуралья в скифское время / А. С. Скрипкин // НАВ. – Вып. 13. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2013а. – С. 21–25.

Скрипкин, А. С. О времени появления сираков на Кубани / А. С. Скрипкин // Шестая Международная археологическая конференция : материалы конф. – Краснодар, 2013б. – С. 385–387.

Скрипкин, А. С. История российской археологии : учеб. пособие / А. С. Скрипкин. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2015а. – 172 с.

Скрипкин, А. С. Об этническом составе армии Арифарна в Боспорском конфликте конца IV в. до н.э. // А. С. Скрипкин // Крым в войнах России : материалы Всерос. науч. конф. – Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2015б. – С. 12–17.

Скрипкин, А. С. Гибель Скифии. Сарматский фактор / А. С. Скрипкин // Stratum plus. – 2016а. – № 3. – С. 17–31.

Скрипкин, А. С. Этнография калмыков в реконструкции некоторых эпизодов истории сарматов / А. С. Скрипкин // Проблемы археологии Нижнего Поволжья : материалы V Междунар. Нижневолж. археол. конф. – Элиста, 2016б. – С. 131–135.

Скрипкин, А. С. О некоторых особенностях начала функционирования северного ответвления Великого шелкового пути / А. С. Скрипкин // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4, Исто-

рия, регионоведение, международные отношения. – 2017а. – Т. 22, № 2. – С. 6–13.

Скрипкин, А. С. Сарматы / А. С. Скрипкин. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2017б. – 293 с.

Смирнов К.Ф. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии // Вопросы скифо-сарматской археологии. – М. : Изд-во АН СССР, 1954. – С. 195–219.

Смирнов, К. Ф. Сарматы на Илеке / К. Ф. Смирнов. – М. : Наука, 1975. – 176 с.

Сокровища сарматских вождей. – Оренбург, 2008. – 144 с.

Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа / Текст М.И. Артамонова. – Прага : Артия ; Ленинград : Советский художник, 1966. – 120 с., 92 л. ил.

Спицын, А. А. Обзорение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении. Саратовская губерния / А. А. Спицын // ЗРАО. – 1996. – Т. 8, вып. 1–2. – С. 141–154.

Ставиский, Б. Я. Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры / Б. Я. Ставиский. – М. : Наука, Гл. ред. вост. лит., 1977. – 296 с.

Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М. : Наука, 1992. – 493 с.

Таиров, А. Д. Этнокультурные процессы на Южном Урале в VII–II вв. до н.э. / А. Д. Таиров, С. Ю. Гуцалов // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Серия «Этногенез уральских народов». – Челябинск, 2006. – С. 312–341.

Тереножкин, А. И. Киммерийцы / А. И. Тереножкин. – Киев : Наукова думка, 1976. – 220 с.

Толстов, С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации / С. П. Толстов. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948. – 326 с.

Толстов, С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта / С. П. Толстов. – М. : Гл. ред. вост. лит., 1962. – 333 с.

Туаллагов, А. А. К вопросу о происхождении ранних алан / А. А. Туаллагов // STRATUM+ПАВ. – СПб. ; Кишинев, 1997. – С. 147–152.

Фирштейн, Б. В. Сарматы Нижнего Поволжья в антропологическом освещении / Б. В. Фирштейн // Тот, Т. А. Антропологические данные к вопросу о Великом переселении народов. Авары и сарматы / Т. А. Тот, Б. В. Фирштейн. – М. ; Л. : Наука, 1970. – С. 69–199.

Хазанов, А. М. Сармато-калмыцкие параллели (к вопросу о закономерностях кочевого хозяйства в однотипной экологической обстановке) / А. М. Хазанов // Проблемы алтаистики и монголоведения : материалы

Всесоюз. конф., Элиста, 17–19 мая 1972 г. – Вып. I (серия литературы, фольклора и истории). – Элиста, 1974. – С. 213–219.

Хазанов, А. М. Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей / А. М. Хазанов. – М. : Наука, 1975. – 343 с.

Хазанов, А. М. Кочевники и внешний мир / А. М. Хазанов. – 3-е изд. – Алматы : Дайк-Прес, 2002. – 604 с.

Хазанов, А. М. Кочевники и внешний мир / А. М. Хазанов. – 4-е изд., доп. – СПб. : Филол. фак. СПбГУ, 2008. – 512 с.

Черненко, Е. В. Скифо-персидская война / Е. В. Черненко. – Киев : Наукова думка, 1984. – 117 с.

Черников, С. С. Загадка золотого кургана / С. С. Черников. – М. : Наука, 1965. – 188 с.

Шелов, Д. Б. Социальное развитие скифского общества / Д. Б. Шелов // Вопросы истории. – 1972а. – № 3. – С. 68–76.

Шелов, Д. Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры / Д. Б. Шелов. – М. : Наука, 1972б. – 351 с.

Шрамко, Б. А. Бельское городище скифской эпохи / Б. А. Шрамко. – Киев, 1987. – 180 с.

Щукин, М. Б. Некоторые замечания к вопросу о хронологии Зубовско-Воздвиженской группы и проблема ранних аланов / М. Б. Щукин // Античная цивилизация и варварский мир : материалы III археол. семинара. – Новочеркасск, 1992. – Ч. I. – С. 103–124.

Щукин, М. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. – I в.н.э. в Восточной и Центральной Европе / М. Щукин. – СПб., 1994. – 324 с.

Щукин, М. Б. Готский путь (готы, Рим и черняховская культура) / М. Б. Щукин. – СПб., 2005. – 576 с.

Яблонский, Л. Т. Этногенез кочевников Южного Приуралья в начале раннего железного века / Л. Т. Яблонский // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культуругенеза). – Челябинск, 2006. – С. 341–365.

Яблонский, Л. Т. Прохоровка. У истоков сарматской археологии / Л. Т. Яблонский. – М. : Таус, 2010. – 384 с.

Яблонский, Л. Т. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка I (по материалам раскопок 2004–2009 гг.). Каталог коллекций / Л. Т. Яблонский. – М. : ИА РАН, 2013. – Кн. 1. – 232 с.

Istvánovits, E. Sarmatians – History and Archaeology of a Forgotten People / E. Istvánovits, V. Kulcsár. – Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, Mainz, 2017. – 491 S.

Rau, P. Die Hügelgräber römischer Zeit an der Unteren Wolga / P. Rau. – Pokrowsk, 1927. – 112 S.

Rau, P. Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet. Studien zur Chronologie der skythischen Pfeilspitzen / P. Rau. – Pokrowsk, 1929. – 120 S.

Skripkin, A. S. Sarmatian Phenomenon / A. S. Skripkin // The Archaeology of the Steppes Method and Strategies. Papers from the International Symposium held in Naples 9–12 November 1992. – Napoli, 1994. – P. 279–286.

The Golden Deer of Eurasia: Scythian and Sarmatian Treasures from the Russian Steppes. – The Stat Hermitage, Saint Petersburg, and the Archaeological Museum, Ufa. The Metropolitan Museum of Art, New York, from October 12, 2000, to February 4, 2001. – 301 p.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВДИ – Вестник древней истории
ВолГУ – Волгоградский государственный университет
ДДУ – Днепропетровский государственный университет
ИА РАН – Институт археологии РАН
ИВ РАН – Институт востоковедения РАН
КГУ – Краснодарский государственный университет
МГУ – Московский государственный университет
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
НАВ – Нижневолжский археологический вестник
ОНТИ ПНЦ РАН – Отдел научной и технической информации Пушкинского научного центра РАН
РА – Российская археология
РОССПЭН – Российская политическая энциклопедия
САИ – Свод археологических источников
СГУ – Саратовский государственный университет
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
СО РАН – Сибирское отделение РАН
ЮНЦ РАН – Южный научный центр РАН

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА 1. ВВОДНАЯ ЛЕКЦИЯ	3
1. Необходимость постановки спецкурса. Хронологические и территориальные рамки курса	3
2. Определение понятия «кочевничество» и его основные признаки	4
3. Причины и время зарождения номадизма	5
4. Формы и типы скотоводства	8
5. Роль кочевых обществ в истории человечества	16
ТЕМА 2. ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КОЧЕВЫХ ОБЩЕСТВ	18
1. Специфика кочевого хозяйства и трудовые ресурсы	18
2. Вождества и их структура. Кочевые империи	20
3. Адаптация к экономическим, социальным и культурным условиям внешнего мира	22
4. Условия возникновения государства у кочевников	25
ТЕМА 3. СКИФЫ	30
1. Характеристика источников	30
2. Происхождение скифов	40
3. Внешнеполитические отношения скифов	46
4. Социально-политическая организация скифского общества	53
5. Проблема скифской государственности	59
6. Гибель Скифии	63
ТЕМА 4. САРМАТЫ	67
1. Характеристика источников	67
2. Происхождение сарматов	81
3. Расселение и внешнеполитическая активность сарматов	88

4. Проблемы социально-политической организации	109
ТЕМА 5. КОЧЕВНИКИ СРЕДНЕЙ АЗИИ	123
1. Некоторые особенности в изучении кочевых обществ Средней Азии	123
2. Источники по истории кочевых народов региона	124
3. Кочевые общества Средней Азии в VII—III вв. до н.э.	130
4. Политическая ситуация в Средней Азии и кочевой мир с середины III в. до н.э. по начало н.э.	139
5. Начало функционирования Великого шелкового пути	145
ТЕМА 6. ХУННУ	151
1. Характеристика источников. Письменная традиция, данные археологии	151
2. Ранняя история хунну. Образование державы	157
3. Социально-политическая организация	161
4. Взаимоотношение хунну с Китаем	166
5. Кризис державы хунну	177
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	179
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	181
Источники	181
Литература	183
ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	194

Для заметок

Учебное издание

Скрипкин Анатолий Степанович

**КОЧЕВНИКИ ЕВРАЗИИ
И ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ:
ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
(АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)**

Учебное пособие

В 2 частях

Часть I. Ранний железный век

Главный редактор *А.В. Шестакова*

Редактор *Ю.И. Неделькина*

Верстка и техническое редактирование *О.Н. Ядыкиной*

Оформление обложки *Н.Н. Захаровой*

Подписано в печать 17.09 2018 г. Формат 60×84/16.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 11,5.

Уч.-изд. л. 12,4. Тираж 200 экз. (1-й завод 1–75 экз.).

Заказ . «С» 53.

Волгоградский государственный университет.
400062 Волгоград, просп. Университетский, 100.
www.volsu.ru

Отпечатано в издательстве
Волгоградского государственного университета.
400062 Волгоград, ул. Богданова, 32.
E-mail: izvolgu@volsu.ru